

БОРИС ДЖУМАН

Диверсант. Неприятный факт. Детский возраст криминалистики.
Еще раз про любовь. Загадка чудовища.

Герой предпочитает Большому Миру малый, но не находит там счастья.

По садам группы майора. Сватовство майора. Круж чтения. Топ афганцев.

Нехорошие места. Другая оккупация. Остервенности кармы.

Смелый первооткрыватель. Про Дюбуа.

Золотой нос, или Труаности перевола. Англия — шедевр аутса.

Путешествия. Старухи. Шапокляк.

Занимательное тирановедение.

Белые амазонки.

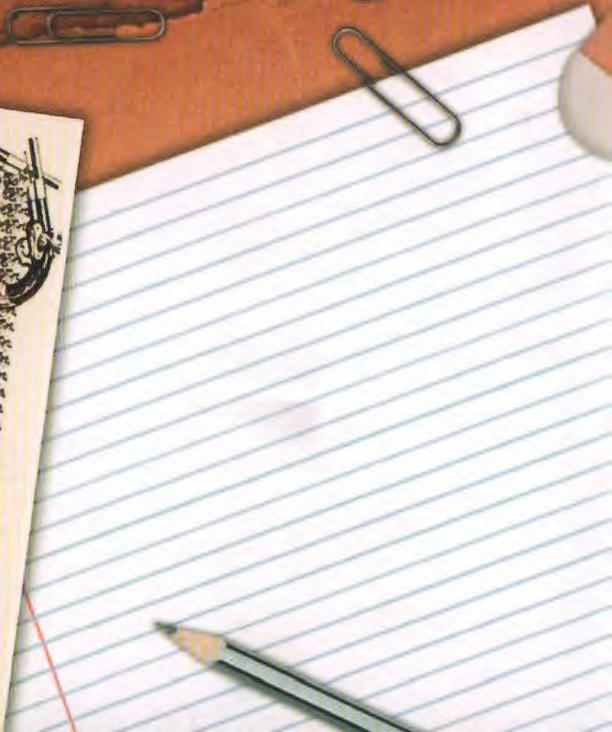
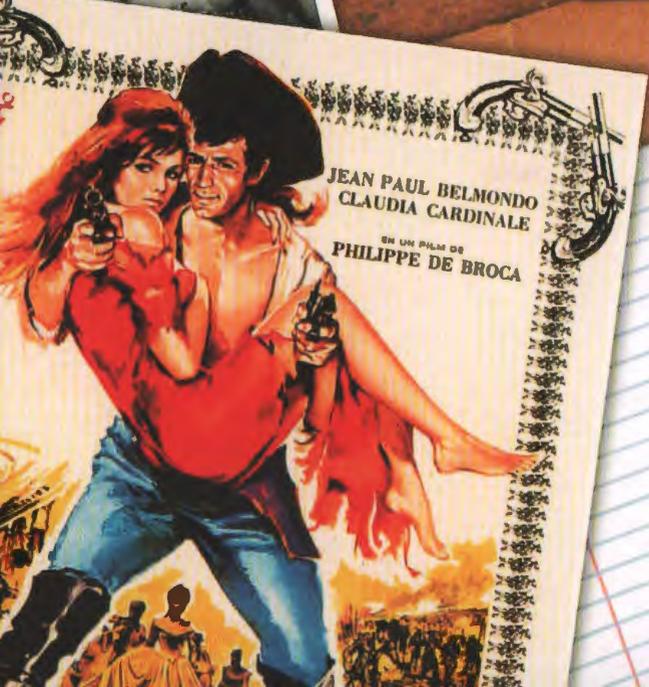
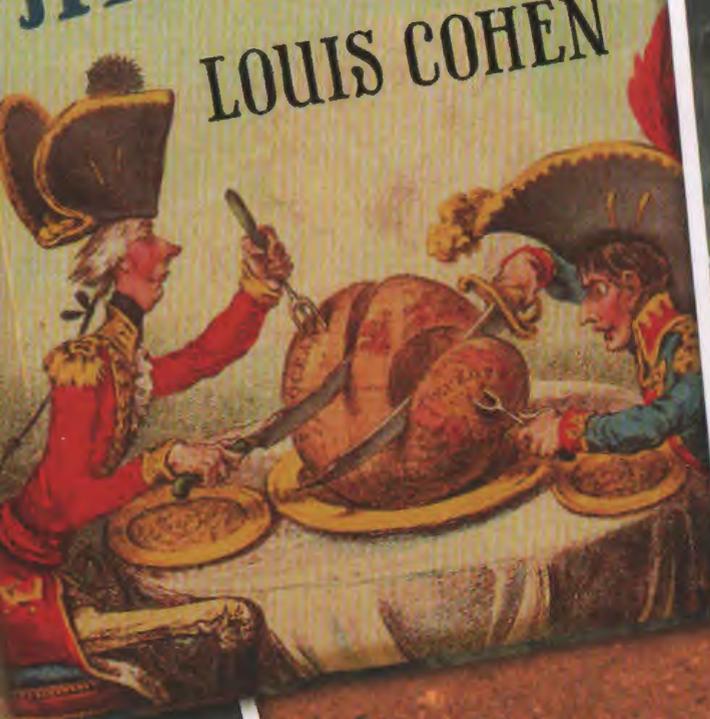
самая таинственная

ТАИНА

и другие сюжеты

LOUIS COHEN

ПР
Д.Л

СПОСОБНЫ
СВАЛИТЬ ВИНУ НА Д
ЕСЛИ В ЧЕМ-ТО ОШ

Участников
Да

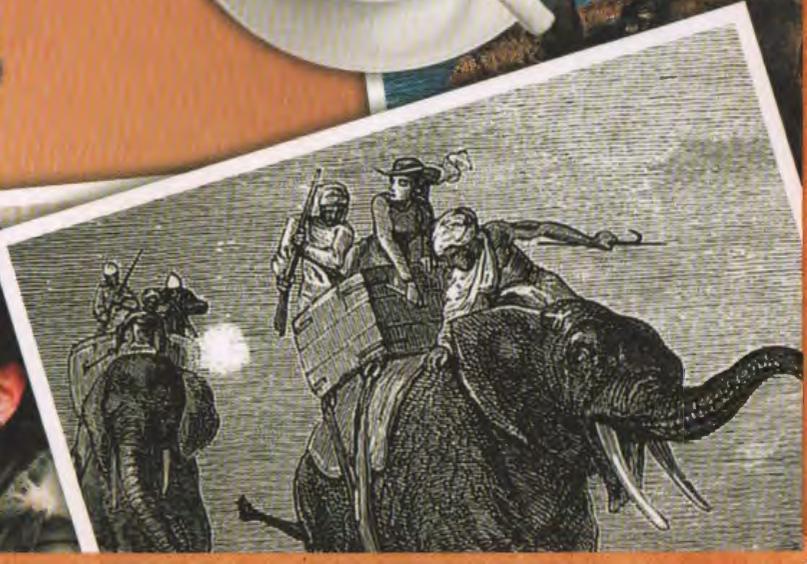
Нет 94 (6.3%)

Есть, но бою

Участников: 1484
Нет

Да 348 (23.6%)

Только если наказание за ош
152 (10.3%)

XXI 4

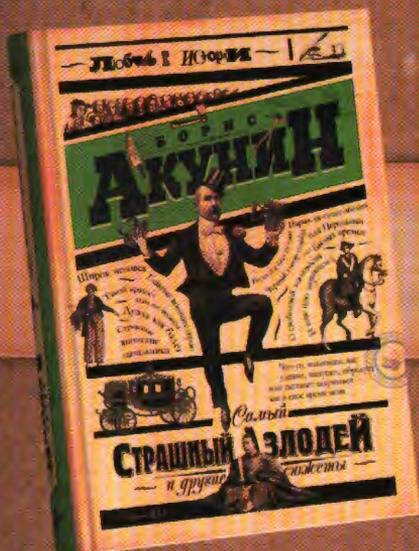
+

ЛЮБОВЬ К ИСТОРИИ

С

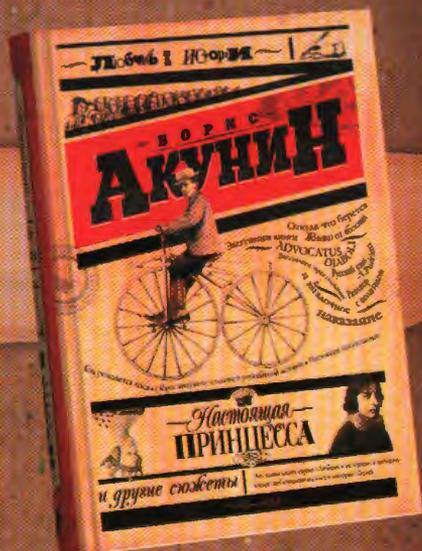
БОРИС
АКУНИН

Представляем проект Бориса Акунина
«ЛЮБОВЬ К ИСТОРИИ»
«ЛЮБОВЬ К ИСТОРИИ»

САМЫЙ
СТРАШНЫЙ ЗЛОДЕЙ
и другие сюжеты

НАСТОЯЩАЯ
ПРИНЦЕССА
и другие сюжеты

САМАЯ
ТАИНСТВЕННАЯ ТАЙНА
и другие сюжеты

84(2=411.2)6-9

15442

БОРИС
АКУНИН

САМАЯ
ТАИНСТВЕННАЯ
ТАЙНА
и другие
сюжеты

АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А 44

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Макет — Александр Кудрявцев, Анна Ткаченко,
студия «FOLD & SPINE»

Дизайн перелета — Андрей Фerez

В оформлении использованы иллюстрации, предоставленные агентствами РИА Новости, Diomedia, Fotodom, Shutterstock, а также из архива автора и свободных источников

188020381

Акунин, Борис

А 44 Самая таинственная тайна и другие сюжеты / Борис Акунин. — Москва: АСТ, 2014. — 288 с., ил. — (Любовь к истории.)

ISBN 978-5-17-083992-6

Новая книга Бориса Акунина проливает свет как на самые поразительные загадки прошлого (что могло произойти на перевале Дятлова? кто был первым гением уголовного сыска Англии? где спрятаныклады, от которых замирает сердце?), так и на природу человека, который способен поменять Историю или хотя бы противостоять черному юмору судьбы. Неизвестные миру герои и абсолютные чудовища, люди, пропитавшиеся войной, и люди, без которых жить на свете было бы тошнее и страшнее, оживают на этих страницах.

«Одна из самых безусловных истиц гласит: кто не знает истории, тот не понимает современности. А я бы сказал так: "Любите историю, и современность вас полюбит"», — советует нам Автор.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© В. Акунин, 2012
© ООО «Издательство АСТ»

Это третья книга серии «Любовь к истории», где собраны публикации из моего блога в «Живом журнале». Большинство новелл действительно посвящены историческим событиям и историческим персонажам, как очень известным, так и совсем забытым. Но не нужно относиться к этим текстам как к источнику фактической информации — они не столько про саму историю, сколько именно про любовь к ней, то есть про мысли и чувства, которые вызывают у меня сюжеты из прошлого. В интернет-блоге я много пишу и про современность, но в книгу большинство этих «постов» не попали, поскольку «злоба дня» недолговечна и по прошествии нескольких месяцев забывается или утрачивает актуальность, зато история не устареет никогда.

Книга состоит из двух неравных частей.

Сначала даны исторические миниатюры, некоторые из которых являются для читателей приглашением к разговору или даже намеренно провоцируют их на спор (как, например, самая первая). В интернете за каждой такой темой следует оживленное и содержательное обсуждение, в котором обычно участвуют сотни людей.

После сюжетных зарисовок следует раздел «Опросы и вопросы», посвященный обратной связи с сетевой аудиторией. Тысячи читателей принимают участие в голосованиях на самые разные темы, а члены «Благородного Собрании» (так называется сообщество постоянных читателей-комментаторов клуба) задают автору вопросы, ответить на которые бывает очень непросто.

Если заинтересуетесь жизнью блога — добро пожаловать на <http://borisakunin.livejournal.com>. Там много интересного и помимо моих текстов. Пожалуй, самое ценное — атмосфера взаимопочтения в общении между членами сообщества, большая редкость в «дикой степи», которой сегодня является российское сетевое пространство.

Одна из самых безусловных истин гласит: кто не знает истории, тот не понимает современности. А я бы сказал так: «Любите историю, и современность вас полюбит».

ИМПОРТНЫЙ ПРОДУКТ

А ведь находятся люди, которым всё бы ругать тлетворное влияние Запада! Знаете ли вы, что Любовь — продукт импортный, завезенный в Россию всего лишь десять поколений назад и привившийся на нашей почве небыстро?

Я сделал для себя это открытие, когда в качестве А.О. Брусникина придумывал любовную линию для романа «Девятный Спас», из петровской эпохи. Полез в источники за примерами старорусской любовной лексики — и обнаружил, что таковая отсутствует, ибо никакой любви в нашей стране триста лет назад, кажется, еще не существовало.

Я имею в виду любовь как чувство, при помощи которого физиологическим отношениям придается возвышенно-романтический сверхсмысл.

В Московии этого понятия, похоже, не было. Жениться женились, блудить блудили, но о чувствах как-то никто не заикался. Все сказки про влюбленных царевичей и оживающих от поцелуя спящих красавицах появились значительно позднее — в основном в 19 веке. А предки обходились без всяких там «я тебя люблю, жить без тебя не могу». Первоначально, в петровские времена, это экзотическое и модное состояние называлось иностранным словом «амур», его завезли в Россию чужеземцы вместе с алонжевыми париками, земляным яблоком и кофеем. Предаваться столь изысканной эмоции можно было лишь где-нибудь на ассамблее, с бритым

Этот лубок наши
скопипастили с европейской
гравюры

бобны песни», но они до нас не дошли, а сам поэт, повзрослев, отзывался о подобном сочинительстве пренебрежительно:

Красивый Кантемир,
разочаровавшийся в любовной
поэзии

подбородком и табачной трубкой в руке. Полагалось вздыхать, закрывать глаза и изображать сердечное страдание — такой вот новый тренд возник в узких кругах продвинутой молодежи.

Существуют разные мнения по поводу того, кто был первым русским лирическим поэтом и когда появилось первое любовное стихотворение.

Очевидно, эту славу следует разделить между Антиохом Кантемиром и Василием Тредиаковским. Кантемир начал воспевать любовь чуть раньше. В юности он слагал какие-то «Любовны песни», но они до нас не дошли, а сам поэт, повзрослев, отзывался о подобном сочинительстве пренебрежительно:

*Любовны песни писать, я чаю, тех дело,
Кох столько ум неспел, сколько слабо
тело.*

Зато любовная лирика Тредиаковского сохранилась. Она датирована 1730 годом, который, очевидно, и следует считать официальным рождением Русской Любви:

*Без любви и без страсти
Все дни суть неприятны:
Вздыхать надо, чтоб сласти
Любовны были знатны.*

Прямо скажем, не девяностый сонет Шекспира, но чем богаты.

У меня в этой связи есть вопрос. Ну хорошо, слова «любовь» в его нынешнем смысле на Руси не существовало. Но сама-то любовь была или нет? Замирало ли сердце от восторга и тоски? Разила ли душу магическая молния? Разверзлось ли небо? Останавливала ли Земля свое вращение? Становилась ли жизнь не мила без любимой?

Или же все эти нервно-эмоциональные явления возникли позднее — когда поэты и писатели подробно объяснили читателям, что такое любовь и как должен происходить сей процесс?

Эта версия мне как сочинителю лестна и приятна, но все же берет некоторое сомнение.

Некрасивый Тредиаковский, первый соловей Русской Любви

ЕЩЕ РАЗ ПРО ЛЮБОВЬ

Спасибо всем, кто в ответ на предыдущий пост кинулся защищать честь отечества и сурово опроверг мои инсинуации относительно того, что на Руси в допетровскую эпоху романтической любви не существовало. Я, конечно, не ожидал, что столь многие воспримут незатейливый троллинг всерьез.

Вопрос о том, всегда ли существовала на свете любовь, вообще-то аргументированного ответа не требует. Во-первых, ®«а не нужно никаких доказательств»; во-вторых, у каждого имеется личный опыт. **Q vi2011** в комментах написал: *«Года в три я влюбился. Я не сказал об этом ни маме, ни папе — никому. Я не умел понять, что это за штука, помогающая легко проснуться зимним тёмным утром и радостно шагать по морозу в ненавистный детский сад, где — ЛЮДА ТРУШИНА. Я помню об этом и теперь, через 57 лет»*. Вот именно. С мной то же самое произошло в четырехлетнем возрасте, когда я слова «любовь» еще знать не знал.

Те, кто не поленился прочитать комменты (а они интересные), узнали массу полезных сведений об истории любовной литературы и романтических отношений. Хочу внести свою лепту в эту уже не шуточную, а почти научную дискуссию.

Из институтского курса истории мировой литературы я запомнил, что возвышенная любовь встречается в античной поэзии; потом надолго исчезает под гнетом унылого раннего Средневековья; оживает в восточной литературе; оттуда, веке этак в двенадцатом, попадает на юг Франции, а далее на прозрачных крылах разлетается

по всему европейскому континенту.

Но любовь — та самая, заставляющая забыть о земных и даже небесных благах — существовала и до трубадуров, до рыцарского служения Даме Сердца.

Расскажу историю из совсем глухих времен — про то, как один мужчина, не читавший

любовной литературы (за неимением оной), сражался за свою любовь с людьми и даже с самим Господом Богом.

Король Роберт Благочестивый (972–1031), сын Гуго Капета, в 18 лет был вынужден жениться на даме, которая была не то на двадцать, не то на тридцать лет старше. (Из-за разницы в возрасте Роберт, очевидно, и стал таким благочестивым.) Он славился истовой набожностью, сочинял церковные песнопения, сторонился плотских удовольствий. Но в двадцать два года августейший постник встретил Берту, жену графа Блуаского, и влюбился на всю жизнь. Графиня уже имела пятерых детей и по меркам того времени была немолода (27 лет), однако у влюбленных, как известно, зрение устроено особенным образом. Берта показалаась королю прекраснейшей из женщин.

Сначала он объявил графу де Блуа войну, чтобы избавить любимую от супруга. Граф очень кстати умер собственной смертью, и король немедленно посватался к вдове. Та согласилась, но хэппи-энда не произошло.

Церковь запрещала браки между родственниками вплоть до седьмой степени и соблюдала это правило очень строго. Найти приличную невесту европейским монархам было трудно — все правящие дома уже состояли в родстве. Жен приходилось искать за тридевять земель. Один из французских королей, как мы помним, был вынужден заслать сватов аж в Киев, к Анне Ярославне.

Куртуазная любовь

А Роберт и Берта были то ли троюродными, то ли четвероюродными. Поэтому папа римский позволения на брак не дал.

И у короля разом всю благочестивость как рукой сняло. Поставив на кон престол, жизнь, даже спасение души, он ослушался его святейшества. Женился.

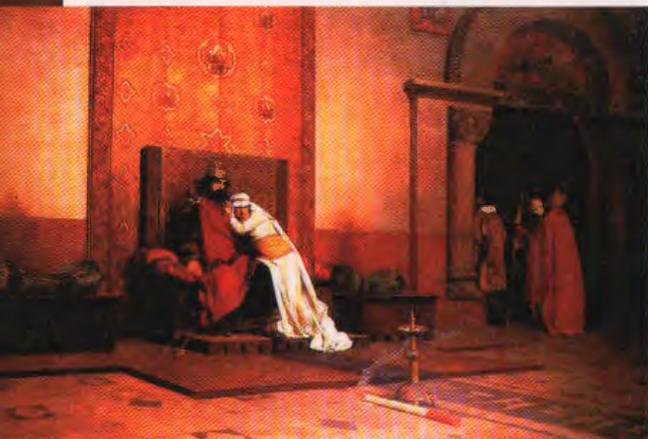
В ответ папа отлучил Роберта от церкви.

Это была ужасная кара. Всё, чего касалась рука человека, преданного анафеме, считалось оскверненным. Слуги не стирали, а сжигали королевское белье; не мыли, а выбрасывали посуду. Подданные разбегались при виде проклятой королевской четы, прятали детей.

Целых пять лет влюбленные держались. Потом король поумнел. А скорее всего, это жена дала ему хороший совет, потому что мужчи-

ны — ужасные дураки и часто ради гонора жертвуют благополучием.

Роберт принес покаяние, развелся и взял другую супругу, однако по нынешним понятиям брак назвали бы фиктивным, ибо жить король продолжал с любимой Бертой. (Это у церкви смертным грехом не считалось.) Влюбленные дожили до старости и умерли в один год.

Картина Ж.-П. Лоранса «Отлучение Роберта Второго» (На полу дымится не сигарета с фильтром, а ритуально потушенная свеча)

А впрочем, историки путаются в годах жизни столь отдаленных монархов, так что, возможно, всё это не более чем красивая легенда.

Борис Гребенщиков написал про бывшего благочестивого короля известную песню. Там Роберт говорит Господу: послушай, не нужно мне место в Твоем раю,

*Только отдай мне ту,
Которую я люблю.*

Ну на́, коли ты такой, отвечает королю Господь. А насчет места в Моем раю — там посмотрим.

И ЕЩЕ РАЗ

В смысле, про любовь. Я углубился в чтение файла Love.doc и всё не могу остановиться. Там у меня собраны разные исторические факты о причудах и превратностях любви. Некоторые я уже использовал в романах, другие явно не понадобятся.

Вот, например, история, которая точно не пригодится ни для какого романа. В литературе такое выглядело бы слезовыжимательным китчем. Драматургию подобного накала может себе позволить только реальная жизнь.

Про нравы, царившие в тюрьмах Французской революции, написано немало исследований и художественных текстов. Материал действительно сочный: ужас и скабрёзность, кровь-любовь, возвышенное и низменное — всё перемешано.

В парижской тюрьме Консьержери заключенных обоего пола содержали вместе — во всяком случае, в дневное время двери камер были открыты.

Консьержери: в ожидании гильотины

Надежды на спасение у узников практически не было. Выходили отсюда, за редчайшими исключениями, только в одну сторону.

Вот сюда

И это не было самым страшным финалом. Конец вполне мог оказаться и таким:

Но всё же революция предпочитала соблюдать формальности. Суд работал по тому же конвейерному принципу, что наши «тройки» тридцать седьмого года, но обычным арестантам Консьержери приходилось дожидаться очереди на тот свет

месяцами. Все-таки 2780 смертных приговоров за год якобинского террора — это немаленькая бюрократическая работа.

Большинство населения тюрьмы, естественно, составляли «бывшие». Дворяне Старого Режима и раньше-то не отличались строгостью нравов, а уж перед лицом неминуемой смерти вовсе забыли о пристойности. Очень многие стали искать забвения в плотских радостях. Революционные газеты и лубки смачно живописали невиданное распутство, царившее в казематах, — это подтверждало тезис о моральном разложении аристократии.

Но дело, конечно, было не в разложении. Это жизнь напоследок судорожно спешила урвать своё — пока в дверь темницы властно не постучала смерть.

Однако посреди физиологической истерики время от времени возникала и глубокая, настоящая любовь. Потому что в минуту опасности, как известно, низменные души опускаются еще ниже, а возвышенные поднимаются еще выше.

У тюремной любви времен Террора не было будущего. Впереди ждал не венец, а гильотина. Поэтому влюбленные Консьержери мечтали не о том, чтобы жить долго и счастливо, а о том, чтобы умереть в один день. Невероятной удачей, высшим счастьем считалось, если любящей паре повезет угодить в один и тот же приговорный список. Но в этой лотерее выигрышный билет вытянуть было трудно. Каждый день в тюремном дворе, откуда осужденных увозили на телегах к месту казни, происходили душераздирающие расставания.

Толпа врывается в тюрьму, чтобы прикончить «врагов народа»

И вот однажды кто-то находчивый (история не сохранила имени, даже пол неизвестен) догадался громко крикнуть в момент разлуки: «Да здравствует король!». За столь ужасное преступление казнили без приговора и промедления. Злодея (или злодейку — мне почему-то кажется, что это была женщина) схватили и кинули в повозку. Влюбленные обнялись и поехали на встречу с гильотиной, как к алтарю, совершенно счастливые.

Впоследствии этим ноухау в Консьержери пользовались неоднократно.

Ну и скажите, разве современный роман выдержит подобную сцену? «Фи, какая пошлость!» — воскликнет читатель, устыдившись пощипывания в глазах. И будет абсолютно прав.

Я вам рассказал этот болливудский сюжет не для того, чтоб вы всхлипнули, а чтобы сверить свои ощущения с вашими. Когда я впервые прочитал про трагические любовные хэппи-энды эпохи Трора, у меня возникло ощущение, что это (намеренно переходя на канцелярит, чтоб не сорваться в эмоциональность) не депрессивная, а позитивная информация о человеческой природе.

Впоследствии я попытался рационализировать этот импульс следующим образом (так в файле и записано):

«В противостоянии Любви и Смерти первая, казалось бы, не имеет ни одного шанса на победу. Даже в брачной клятве говорится: «До тех пор пока смерть нас не разлучит» — мол, дальше, в связи с форс-мажором, все обязательства отменяются.

Так-то оно так, но всякий раз, когда любовь оказывается сильнее страха смерти, а любящие предпочитают расставанию совместное путешествие в Неизвестность, выходит, что Смерть хоть и получила двойную добычу, но не выиграла, а проиграла».

Большие знатоки в этом вопросе — японцы с их традицией двойного самоубийства влюбленных «синдзю». Но о синдзю как-нибудь в другой раз.

Disclaimer: Этот пост ни в коем случае не является пропагандой суицидального поведения. Всякий член Благородного Собрании, кто наложит на себя руки, будет немедленно забанен модератором.

САМАЯ ТАИНСТВЕННАЯ ТАЙНА

Не продолжить ли нам занятия по интеллектуальному фитнесу? В прошлом году вы выбрали самого худшего злодея, а я должен был выступить в роли его адвоката. Теперь ваша и моя задача будет сложнее. Предлагаю вам выбрать самую интригующую историческую тайну из числа неразгаданных. А я предложу вариант отгадки. Поглядим, получится ли у меня разработать правдоподобную версию и удовлетворит ли она вас.

Вы, конечно, помните исторический анекдот о долгожительнице пушкинской эпохи Наталье Кирилловне Загряжской, которая говаривала: «Не хочу умереть скоропостижно. Придешь на небо угорелая и впопыхах, а мне нужно сделать Господу Богу три вопроса: кто был Лжедмитрий, кто Железная маска и кто шевалье д'Еон — мужчина или женщина?»

Отлично понимаю старую даму. Ужасно обидно думать, что помрешь, так и не узнав, кто «заказал» Джона Кеннеди, существовала ли Атлантида, как все-таки Гитлеру удалось обдурить Сталина 22 июня,

Вот она, чудесная старушка

18.06.2012
Б 2370381

кому Диккенс поручил убить Эдвина Друда, откуда взялись геоглифы Наски. Да мало ли на свете вопросов, которые остались без ответа...

Хорошо было Загряжской, которая твердо верила в Бога и притом не сомневалась, что у нее хватит духу «сделать вопросы» Всевышнему. Но и у беллетриста есть свои возможности. Некоторые тайны, занимавшие меня с детства, я уже пробовал объяснить в романах: происхождение Лжедмитрия («Детская книга»), загадку Плевненской осады («Турецкий гамбит»), ступор Наполеона во время Бородинского сражения («Квест»), мистическую слепоту Сталина («Шпионский роман»), скоропостижную кончину Скобелева («Смерть Ахиллеса») и так далее. Кто читал, знает, что иногда мои версии фантастичны — это потому что никак иначе объяснить случившееся у меня не получилось. Очень возможно, что и на сей раз мне придется пойти по тому же пути — предупреждаю заранее. Будет зависеть от сложности загадки.

Итак, сделайте мне вопросы. Хоть я и не Господь Бог, но попытаюсь удовлетворить ваше любопытство.

Работаем так.

Вы предлагаете исторические сюжеты в комментариях к этому посту. Кто поддерживает названную тему — плюсуите. Самые популярные «загадки» я выставляю на голосование с кратким комментарием к каждой.

Выберем наиболее востребованную. Ну а потом, после некоторого тайм-аута, я расскажу вам, как просто (или непросто) открывается этот ларчик.

Ну-с, мсье-дам, заказывайте. Самому интересно, что из этого получится.

ТАИНСТВЕННЫЕ ТАЙНЫ

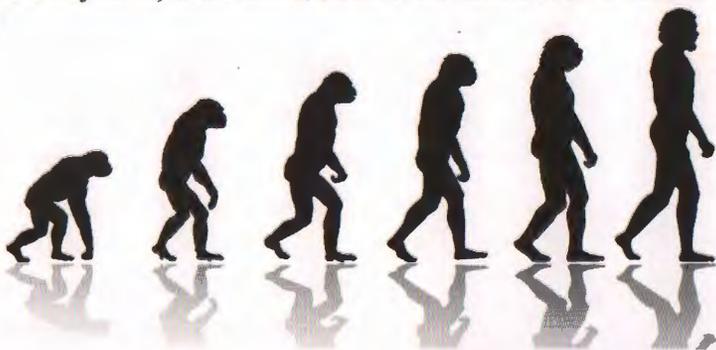
Из всего обилия загадок, обрушенных на меня комментаторами, модератор отобрал шесть лидирующих. То есть вообще-то сюжетов, которые вызвали особенный интерес, оказалось семь, но одного — про взрывы 1999 года — я касаться не буду. Дело слишком кровоточащее, для игр ума совершенно не годящееся. Подобные преступления срока давности не имеют. Уверен, что рано или поздно будет проведено полноценное и гласное расследование. Тогда мы наконец узнаем подоплеку тех массовых убийств.

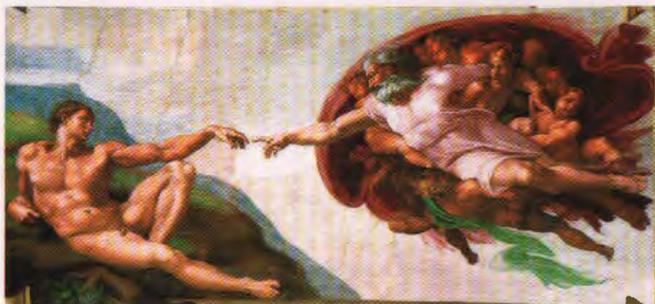
Поэтому выбирать вы будете из шести вариантов. Тут не все тайны трагические, а если это и трагедии, то давние. Надеюсь, ничьи чувства задеты не будут.

1. ТАЙНА ТАЙН

Откуда мы — в смысле, человечество — все же взялись?

Эволюционировали, или революционировали, или сотворены Высшим Разумом, или высадились из космоса? Можете продол-

жить перечень существующих версий сами. Хотите узнать еще и мою? Вам стоит только проголосовать.

2. ТАК АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ ИЛИ ФЕДОР КУЗЬМИЧ?

Вопрос, полагаю, понятен? Кто там в Таганроге 19 ноября 1825 года помер — царь или не царь? Или никто не помер?

На эту тему писали многие, включая Льва Толстого. Неужто и мне выпадет жребий брести тою же тропой? (В смысле не тропую государя императора, а тропую автора повести «Посмертные записки старца Федора Кузьмича». Жутковато как-то.)

3. ИСЧЕЗНОВЕНИЕ «МАРИИ-СЕЛЕСТЫ»

Вот уж не думал, что эта старинная коллизия до сих пор так волнует умы.

Телеграфно — для тех, кто не в курсе: бегущая по волнам бриган-

тина; на борту ни души; куда подевались люди — непонятно. Если бы не строгая задокументированность событий, это была бы просто очередная легенда о «Летучем голландце». Но здесь чуть ли даже не судовой журнал с последней записью от 4 ноября 1872 года сохранился.

4. ЕЩЕ ОДНА ТАЙНА С «БОРОДОЙ»: ГРАНД-ДЮШЕС АНАСТАСИЯ

Спаслась или не спаслась? Аферистка или несчастная жертва? (Я-то уверен, что никакая это была не Анастасия, но, если придется художественно погрузиться в тему, могу и передумать — ничего не гарантирую).

5. УБИЙСТВО СТОЛЫПИНА

Ох, не хотел я об этом писать. В романе «Весь мир театр», действие которого происходит в те самые дни, я ловко увел Фандорина от расследования резонансного преступления в частную жизнь. Ну их всех, подумали мы тогда с Эрастом Петровичем: юдофобы, юдо-

филы, великодержавники, провокаторы в погонах и без оных. Получится не роман, а политический памфлет.

Но на сей раз, если вече приговорит, уклоняться не стану.

Кто стрелял — известно. Вопрос: кто за этим стоял? И стоял ли кто-нибудь?

6. ПЕРЕВАЛ ДЯТЛОВА

Это что-то из времен моей юности. Помню, ходили какие-то неве-

роятные слухи о группе студентов, погибших во время лыжного похода по северному Уралу.

В моей памяти остались только оранжевые, что ли, лица мертвецов — именно эта деталь больше всего волновала воображение. Не то инопланетяне что-то сделали с туристами, не то американские самолеты-шпионы напакостили (примерно в то же время и тоже на Урале сбили Пауэрса). Честно признаюсь: обстоятельств дела я не знаю, но если проголосуете — разберусь и доложу.

ОПРОС
**КАКАЯ ТАЙНА
СОБЛАЗНИТЕЛЬНЕЙ?**

Выберите одну тему

Участников: 8396

Как появилось человечество?

 1449 (17.4%)

Умер ли Александр в Таганроге?

 603 (7.2%)

Загадка «Марии-Селесты»

 1129 (13.5%)

Спаслась ли Анастасия?

 363 (4.4%)

Кто виноват в смерти Столыпина?

 938 (11.2%)

Что случилось с группой Дятлова?

 3861 (46.3%)

НУ ЧТО, ПРИСТУПИМ?

Я обещал, что голосование по темам продлится до конца воскресенья, но результат очевиден, так что не вижу смысла тянуть время. Ясно, что номер шестой лидирует с огромным отрывом и ситуация не изменится. Я уже второй день ставлю закладки, готовясь уяснить обстоятельства гибели уральских туристов. Оказывается, ресурсов и материалов тьма, потонуть можно. Но главная трудность, как я начинаю понимать, не в замусоленности темы и даже не в самой загадке, а совсем в другом обстоятельстве, чертовски усложняющем мою задачу. Ладно, об этом потом.

Итак, на повестке дня — тайна группы Дятлова. Попробуем разгадать эту шараду — разумеется, доступными нам средствами.

Для тех, кто ничего не знает про эту поразительную историю, модератор подготовил дайджест очень неплохой статьи в «Википедии».

Гибель тургруппы Дятлова — событие, случившееся предположительно в ночь с 1 на 2 февраля 1959 года на Северном Урале, когда при невыясненных обстоятельствах погибла группа туристов, возглавляемая Игорем Дятловым.

Группа состояла из лыжников турклуба Уральского политехнического института: пять студентов, три инженера-выпускника УПИ и инструктор турбазы.

23 января 1959 года группа отправилась в лыжный поход по северу Свердловской области. Возглавлял группу опытный турист Игорь Дятлов. Поход был приурочен к XXI съезду КПСС. Задача похода —

пройти по лесам и горам Северного Урала лыжным походом 3-й (наивысшей) категории сложности. За 16 дней участники похода должны были преодолеть на лыжах не менее 350 км и совершить восхождения на североуральские горы Отортэн и Ойко-Чакур.

1 февраля 1959 г. группа остановилась на ночлег на склоне горы Холатчахль (Холат-Сяхл, в переводе с мансийского — «Гора мертвецов»), недалеко от безымянного перевала (позднее названного Перевал Дятлова).

12 февраля группа должна была дойти до конечной точки маршрута — посёлка Вижай, послать телеграмму в институтский спортклуб, а 15 февраля вернуться в Свердловск. Но в посёлок Вижай никто не пришел.

Первая поисковая группа была направлена в Ивдель 20 февраля для организации поисков с воздуха. Поисково-спасательные работы были начаты 22 февраля.

Веселые и молодые

26 февраля поисковой группой под руководством Б. Слобцова была обнаружена пустая палатка с разрезанной стенкой, обращённой вниз по склону.

Следователь В.И. Темпалов, бывший в числе первых на месте трагедии, по поводу следов показал: «Внизу от палатки 50–60 м от нас

на склоне я обнаружил 8 пар следов людей, которые тщательно рассмотрел, но они были деформированы ввиду ветров и колебаний температуры. Девятого следа установить мне не удалось, и его не было. Следы мною сфотографированы. Они шли вниз от палатки. Следы показали мне, что люди шли нормальным шагом вниз с горы. Следы были видны только на 50-метровом участке, дальше их не было, так как чем ниже с горы, тем больше снега». Все это указывало, что произошло организованное отступление плотной группой, беспорядочного и «панического» бегства от палатки не было.

В этот же день в полутора километрах от палатки и ниже по склону на 280 м, возле кедра, были обнаружены тела Юрия Дорошенко и Юрия Кривонищенко. Спасателей поразило то, что оба были раздеты до нижнего белья. Дорошенко лежал на животе. Рядом с трупами обнаружен костерок, который ушел в снег.

Практически одновременно с ними в 300 метрах от кедра вверх по склону в направлении палатки было найдено тело Игоря Дятлова. Он был слегка занесён снегом, полулежал на спине, головой в сторону палатки, приобняв рукой ствол березки.

Примерно в 330 метрах от Дятлова, выше по склону, под слоем плотного снега в 10 см было обнаружено тело Зины Колмогоровой. Она была тепло одета, но без обуви. На лице были признаки кровотечения из носа.

Спустя несколько дней, 5 марта, в 180 метрах от места обнаружения тела Дятлова и 150 метрах от расположения тела Колмогоровой с помощью железных зондов под слоем снега 15–20 см был найден труп Рустема Слободина. Он был также довольно тепло одет, при этом на правой ноге был валенок, надетый на 4 пары носков (второй валенок был обнаружен в палатке).

Расположение всех трёх тел, найденных на склоне, их позы указывали на то, что они погибли на обратном пути от кедра к палатке.

На телах первых найденных туристов не было следов насилия, все люди погибли от переохлаждения (при вскрытии было выявлено, что Слободин имел черепно-мозговую травму (трещину черепа 16 см длиной и 0,1 см шириной), которая могла сопровождаться неоднократной потерей сознания и способствовала замерзанию). Другим характерным признаком был цвет кожи: по воспоминаниям спасателей — оранжево-красный, в документах судмедэкспертизы — красновато-багряный.

Поиски оставшихся туристов проходили в несколько этапов с февраля по май.

Только после того, как снег начал таять, стали обнаруживаться предметы, которые указали спасателям нужное направление розыска. Обнажившиеся ветки и обрывки одежды привели в ложбину ручья примерно в 70 м от кедра, которая была сильно занесена снегом.

Раскоп позволил найти на глубине более 2,5 м настил из 14 стволов небольших пихт и одной берёзы длиной до 2 м. На настиле лежал лапник и несколько предметов одежды.

4 мая в 75 метрах от костровища, где были найдены первые тела, под четырёхметровым слоем снега, в русле уже начавшего таять ручья, ниже и чуть в стороне от настила были найдены оставшиеся туристы. Сначала нашли Людмилу Дубинину — она застыла, стоя на коленях лицом в склон у водопада ручья. Остальные трое нашлись немного ниже. Колеватов и Золотарёв лежали в обнимку «грудь к спине» у кромки ручья, видимо, согревая друг друга до конца. Тибо-Бриньоля находился ниже всех, в воде ручья.

На трупах, а также в нескольких метрах от них обнаружена одежда Кривонищенко и Дорошенко — брюки, свитера. Вся одежда име-

ла следы ровных разрезом, так как снималась уже с трупов Кривонищенко и Дорошенко.

При процедуре вскрытия в Ивделе выяснилось, что трое из четверых имели тяжёлые травмы. У Дубининой и Золотарёва были переломы 12 рёбер, у Дубининой — и

Особенно почему-то пробивает клетчатая ковбойка. У моего брата в начале 60-х была точно такая же

с правой, и с левой стороны, у Золотарёва — только с правой. Поскольку при переломах были зафиксированы следы кровоизлияния во внутренние органы, то был сделан вывод, что травмы получены прижизненно.

У Тибо-Бриньоля — тяжёлая черепно-мозговая травма, приведшая к смерти (согласно заключению судмедэксперта).

Колеватов каких-либо серьёзных травм не имел, кроме повреждения на голове, нанесённого лавинным зондом, с помощью которого искали тела.

Следствием поначалу обрабатывалась версия о нападении и убийстве туристов представителями коренной народности северного Урала манси. Под подозрение попали манси Анямов, Санбиндалов, Куриков и их родня. Некоторые были заключены в камеру предварительного заключения, обвинялись в насильственном проникновении в палатку к туристам.

В свою очередь, манси говорили, что видели над местом гибели туристов странные «огненные шары». Они не только описали это явление, но и нарисовали его. «Огненные шары» в период поисков наблюдали сами спасатели, а также другие жители Северного Урала.

Некоторые молодые ёлки на границе леса имели обожжённый след, но эти следы не носили концентрической формы или иной системы. Не было и эпицентра. При этом снег не был оплавлен, деревья не были повреждены.

После нахождения трупов четырёх туристов в ручье их одежда была отправлена в Свердловскую СЭС на радиологическую экспертизу. Главный радиолог Свердловска Левашов сделал следующее заключение: «Представленные на экспертизу предметы (свитер, шаровары) содержат радиоактивные вещества. Отдельные образцы одежды содержат несколько завышенное содержание радиоактивного вещества, являющегося бета-излучателем. Обнаруженные радиоактивные вещества при промывке смываются, то есть вызваны не нейтронным потоком и наведённой радиоактивностью, а радиоактивным загрязнением бета-излучением».

Со всех участников поисков группы Дятлова была взята подписка о неразглашении увиденного в течение 25 лет.

Уголовное дело было прекращено 28 мая 1959 г. за отсутствием события преступления.

Выводы профессионалов — туристов и альпинистов, при некоторых расхождениях в оценках, в общем и в целом сводятся к тому, что по какой-то причине вечером 1 февраля или ночью с 1 на 2 февраля, ночуя в палатке на безлесном склоне горы, члены группы в спешке покинули палатку и двинулись вниз по склону, к лесу. Люди ушли частью не одевшись, без обуви, не достав из палатки необходимые вещи и снаряжение, надев не всю верхнюю одежду.

Именно этот факт — причина покидания группой палатки — и представляет главный вопрос в данной трагедии.

Высказано много версий причин, побудивших группу покинуть палатку, и у каждой есть свои слабые места. Есть также определённое количество необычных, необъяснённых особенностей, замеченных при вскрытии: например, едва заметный фиолетовый оттенок одежды, отсутствующие язык Дубининой и глазные яблоки у нее и Золотарева, странный цвет кожи погибших или огненные шары, о которых говорили свидетели.

Только вот что я вам скажу, дамы и господа. Знаю я вас. Вы сейчас начнете дискутировать, строить версии и к тому времени, когда я, употев, предъявлю свой результат, вы уже всё сами решите. Поэтому объявляю эмбарго: никаких обсуждений темы в комментах к этому посту. За это будем сурово банить. Не мешайте человеку думать.

Уважайте труд
уборщицы!

Когда я придумывал
Эраста Фандорина,
визуально представлял
себе кого-то в этом роде

А чтобы вам было чем заняться и не один я скрипел мозгами, поработайте-ка и вы. Сейчас предъявлю вам еще один таинственный факт. А вы попробуйте разгадать, что же там на самом деле случилось. Гипотез там много, а наверняка никто не знает.

САМОУБИЙСТВО САМОЙ ЗАВИДНОЙ ПАРЫ ЕВРОПЫ

← Этот неприлично красивый денди — Макс Линдер, великий комик мирового кинематографа.

Для той эпохи это была гениальная придумка: сделать звездой комедийного кино не смешного человечка, не карикатурного толстяка, не клоуна, а импозантного джентльмена умопомрачительной красоты. Женщины получали в одном флаконе сразу два своих самых любимых угощения: можно было и полюбоваться, и похохотать.

Линдер был звездой первой величины. В Голливуде ему платили больше, чем Чаплину; в Европе соперничать с ним было вообще некому.

И вот этот баловень Фортуны женился. На нежной восемнадцатилетней девушке по имени Элен Питерс.

Ее портрета я в сети не нашел, но пара выглядела, вероятно, примерно так (это кадр из линдеровского фильма)

Она не была охотницей за сокровищами — сама происходила из богатой, добропорядочной (это важно) семьи. Жили молодожены привольно и блазированно: путешествовали по разным гламурным местам, развлекались, умиляли публику своей семейной идиллией. Родили очаровательную крошку. А через два года после свадьбы, вроде бы ни с того ни с сего, после похода в театр, вернулись в гостиничный номер, наглотались снотворного, укололись морфием, вскрыли вены. Умерли.

Как выяснилось впоследствии, пара до этого уже пыталась покончить с собой — но скандал был скрыт от прессы.

Конечно, после трагедии все стали писать, что великий актер страдал депрессиями, злоупотреблял наркотиками, боялся краха карьеры — в общем, всё, что пишут в подобных случаях.

Но истинная причина несомненно таилась в отношениях между супругами. Была там какая-то тягостная тайна, толкавшая (и в конце концов столкнувшая) образцово-показательную чету в могилу.

Элен за несколько дней до смерти написала подруге, что живет в постоянном страхе быть убитой.

Однако Линдер в последнем письме другу пишет нечто противоположное: «Всё, довольно! Я больше не могу жить с таким чудовищем! Это действительно невозможно. Сегодня вечером я излил на жену всё свое отвращение. Она предложила умереть вместе. Я согласился».

Так кто был инициатором — он или она?

И потом, как это возможно: двадцатилетняя девочка, мать полуторагодовалого ребенка — чудовище, из-за которого сорокалетнему бонвивану, всякое повидавшему на своем веку, смертельно опротивела жизнь?

Странная история, очень странная.

P.S. Сразу несколько человек прислали мне фотографию юного «чудовища». Любуйтесь и плачьте.

Я над этой загадкой голову ломать не стану — на мне группа Дятлова висит. А вы попробуйте. Автору версии, которая покажется мне самой интересной, pošлю любую из моих книжек на выбор, с надписью «Мастеру дедукции».

ПО СЛЕДАМ ГРУППЫ ДЯТЛОВА (ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)

Я ознакомился с существующими версиями трагедии. Их много. У каждой есть свои сторонники, которые весьма убедительно критикуют конкурирующие гипотезы и не очень убедительно отстаивают свою собственную. При этом на первый план выдвигаются факты и детали, которые вписываются в предлагаемую концепцию, а всё противоречащее ей дезавуируется или игнорируется. Так оно, впрочем, обычно и бывает в подобных дискуссиях.

Сам я, пожалуй, готов присоединиться к одной из существующих версий и потом обязательно расскажу, к какой именно. Только сначала предлагаю устроить совместное расследование. Давайте пройдем по канве событий и посмотрим, какой сюжет психологически устраивает большинство из вас.

Слово «сюжет» я употребил не случайно.

В предыдущем посте я вскользь упомянул о сложности, с которой столкнулся, когда стал копаться в этой таинственной истории. Сложность эта этического свойства.

Понимаете, девять погибших лыжников — реальные люди. У них наверняка остались родственники, знакомые. Не хочется никого обижать и травмировать слишком вольной игрой ума. Да, прошло больше полувека, но для кого-то дятловцы — живая память, а не персонажи квеста. Для меня теперь, когда я прочитал про каждого, они тоже не фигуры на шахматной доске.

Все симпатичные.
Всех жалко.
Это Игорь Дятлов,
Зина Колмогорова,
Семен Золотарев

В конце концов я решил, что поступлю естественным для писателя образом: беллетризирую повествование.

Я изменил имена. Кто захочет искать сходство с прототипами — ради бога. Но это не те, жившие когда-то люди. Из двух девушек, Зины Колмогоровой и Людды Дубининой, я даже сделал микс и поделил его надвое так, что определить, кто есть кто, невозможно.

При этом все фактические обстоятельства драмы, разыгравшейся февральской ночью 1959 года, я сохраняю в точности. За исключением финала, конечно. Но его ведь все равно никто не знает, верно?

Наши следственные действия будут разделены на три этапа. Я даю старт и излагаю ход событий, но направление и итог зависят только от вас. Предлагается девять версий. Две из них я сочинил сам, разгулялось воображение. Остальные — традиционные. Восемь версий вы отсеете — коллегиально. Останется одна, консенсусная.

В самом конце я объясню, как была устроена внутренняя механика выбора алгоритмов, а также расскажу, сторонником какой из гипотез являюсь я.

Ну что, готовы?

Сосредоточились...

Вперед!

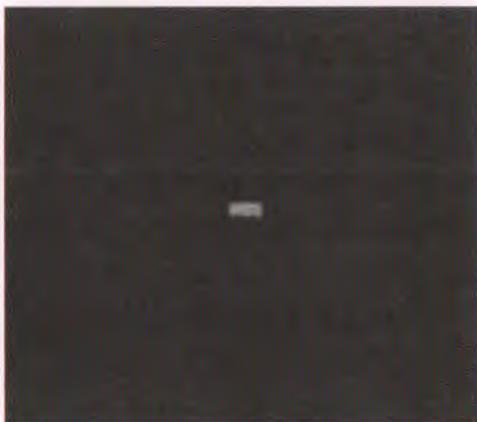

Это не картина Малевича. Это фотография, сделанная над Северным Уралом американским самолетом-разведчиком U-2 первого февраля 1959 года в 21.52 с высоты 20 000 метров. На сотни километров — ни одного населенного пункта, ни единого огонька.

Ниже — с пятисоткратным увеличением — крошечный фрагмент центральной части того же снимка. Темный фон — это голый засне-

женный склон горы. Маленькое прямоугольное пятнышко — палатка, поставленная на плоской площадке. Из-под брезента сочится слабый свет.

Там, на четырехметровом пространстве, в тесноте да не в обиде, сидят девять молодых людей: семь мужчин, две девушки. Никто не ждет беды, но через восемь минут произойдет страшное.

— Не верите — не надо, — проворчал Юрка Донченко. — Честное слово, видел! Прямо у вершины горы. Небольшой такой огненный шар. Пока вы вылезали, он исчез.

В ответ раздался смех. У Юрки была репутация трепача и выдумщика. Только добрая Люда Коломийцева сказала:

— Это наверно кто-нибудь костер жег.

Но Донченко заступничества не принял.

— Ага, костер. Шар был круглый и двигался!

— Я знаю. Это были огни святого Эльма! — с серьезным видом изрек Саша Копцов, посасывая трубку. Она была не зажжена, курить в палатке не разрешалось, но Саше нравилось держать в зубах мундштук вишневого дерева. В походе он перестал бриться и надеялся, что за две недели обрастет бородой.

Все опять засмеялись. Насмешить эту компанию было нетрудно.

— Нечистая сила! — подхватил другой Юрка, Криворученко. Он был редактором походной стенгазеты. Выводил на тетрадном листе лозунг: «Встретим 21 съезд увеличением туристорождаемости!», подсвечивая себе электрическим фонариком. Для творческого труда слабого света от двух спиртовых ламп было маловато.

— Лучше нечистая сила, чем костер, — веско сказал Максим Зайцев. — Хорошие люди в такой глуши бродить не станут.

Все посмотрели на него, а Зайцев с непроницаемым видом подкрутил мушкетерский ус. Это был мужчина под сорок, намного старше остальных. Сидел он в одной рубашке, холод ему был нипочем.

Сквозь расстегнутый ворот виднелась крепкая волосатая грудь и верх синей татуировки: то ли богатырский шлем, то ли купол церкви.

Максим Зайцев с самого первого дня похода поставил себя наособицу. То ли из-за разницы в возрасте. То ли из-за того, что чувствовал себя чужим в сплоченной компании студентов и выпускников Уральского политеха. Зайцев работал на Усть-Лобзинской турбазе инструктором и в походе участвовал — как шутил сам — «не от безделья, а за зарплату». Ребята про него знали немного. Фронтвик, четыре ордена. А еще Юрка Донченко, у которого батя раньше служил охранником в лагере, рассказал остальным, когда инструктора не было рядом, что тот, наверное, сидел. Такие татуировки абы кому не делают. Однако Юрка, как уже говорилось, слыл фантазером, и большой веры ему не было.

Подержав паузу, Зайцев подмигнул:

— Спокойно, ботва. Дедушка с вами.

Ему нравилось пугать туристов, но молодежь не испугалась, а заинтересовалась.

— Кто в этих местах может жечь костры? — с любопытством спросил Марат Лебедев. — Охотники? Беркены?

В бесплодных лесах и горах с незапамятных времен обитал скуластый, низкорослый народец. В энциклопедиях его причисляли к малым народностям Севера, хотя точной численности этого охотничьего племени никто не знал. Новорожденных и умерших они не регистрировали, детей от школы прятали, в армии не служили, в больницах не лечились. Жили при советской власти так же, как при царях, — били зверя да пили водку. Ни с русскими, ни с манси не роднились, всё сами по себе: никто им не нужен, и они тоже никому ни за чем не сдались.

Туристы на пути ни одного беркена не встретили. Только на деревьях кое-где попадались непонятные письмена, вырезанные ножом, — переписка лесных обитателей.

— Я слышал, — оживился Донченко, — будто где-то в горах есть капище Беркен-Чага, ихнего бога. И будто беркены таскают к нему в подношение золотой песок и самоцветы.

— Брехня, — отрезал Зайцев. — Если б беркены умели мыть золото, продавали бы. Никогда такого не бывало. А самоцветов в этих краях нету.

Но Юрке хотелось интересного.

— А еще говорят, здесь по речкам и ручьям добывают золото черные старатели. Из кавказских выселенцев. Кого встретят в лесу — режут.

— Черные артельщики есть, это правда, — солидно кивнул Максим. — Мужики лихие, живут по своим законам. Но зимой какое золото? Все ручьи промерзли. Гуляют старатели в городах, по ресторанам.

В палатке был не такой мороз, как на улице, но всё же минус. Все сидели в свитерах, в шерстяных носках. Обувь была сложена в углу, у железной печки. Перед тем как лечь спать, все надевали валенки или войлочные тапки, но сначала как следует их нагревали. Только печка-самоделка сегодня что-то капризничала. Дежурный по лагерю Коля Шмит провозился с ней битый час и плюнул. Сходил в ближний лесок, сложил у входа в палатку кучу хвороста для завтрашнего костра. По вечерам лыжники питались всухомятку, только разогревали на спиртовке чайник. Зато утром обязательно ели горячее: кашу с тушенкой, бульон из кубиков.

Пока остальные болтали, Шмит трудился. Разложил на клеенке сухари, стал резать корейку. Торопился — по распорядку ужин начинался в десять.

Режим в походе соблюдался строго. С Игорем Долотовым, старшим группы, шутки плохи. Так-то он был парень свойский, веселый, но малость ушибленный общественной работой. Говорил: «Это не просто турпоход, это идеологическое мероприятие. Никаких карт, никаких блатных песен. И железно сухой закон».

Пока разбивали палатку, Долотов один поднялся на утес — установил памятный вымпел в честь XXI съезда КПСС. Звал с собой, но добровольцев зябнуть на ледяном ветру не сыскалось.

Сейчас Игорь сидел и дулся. Не только из-за вымпела.

Его злило, что все так почтительны с Зайцевым. Что бы ни наплел — верят: про беркенов, про черных старателей.

Захотелось тоже рассказать что-нибудь интересное.

— А я вот чего нашел, — вспомнил Игорь. — Смотрите.

Достал две длинные тряпки.

— Портянки, что ли? — наморщила нос Люда. — Зачем ты их притащил?

— Передайте-ка мне... — Зайцев внимательно рассмотрел грязно-серые полосы материи. — Это же солдатские обмотки. В начале войны такие были... Нет, ткань другая. Мягче, теплее. Совсем протерлась. Откуда они тут? Главное, недолго провалялись, даже не задубели от мороза. Не иначе, вертолет пролетал, мусор выкинул, ветром разметало.

Снова все, развесив уши, слушали этого пижона, хотя находка была его, Игоря!

Имелась еще одна причина, по которой Долотов глядел на инструктора с ненавистью. Причина эта носила нежное имя Зина и сидела рядом с Игорем. Они все время держались вместе: где он, там и она; где она, там и он.

Но сегодня вечером Зина Добрынина была на себя непохожа. Молчала, нервно ежилась, иногда вздрагивала. Долотову казалось, будто между ними возникла прозрачная непроницаемая стенка. Он почувствовал эту преграду сразу же, как только спустился к палатке с утеса.

— Большая гора вон там (Зина показала в сторону и вверх) называется у беркенов «Гора Мертвецов». Слышите, как она гудит? Всё время гудит, весь вечер.

Все замолчали, прислушались.

— Ага, — неуверенно сказал Донченко. — Вроде как порывкивает.

Но никто его не поддержал, а Зайцев кинул на девушку какой-то особенный взгляд, смысл которого Игорь не понял и от этого еще больше разозлился.

Зина продолжила, ни к кому не обращаясь:

— Я читала, что беркены считают себя бессмертными. Они верят, что человек ныряет в смерть, как в воду. Выныривает в другом времени, и там он снова живой. Еще я читала, что мертвецов они не зарывают, а укладывают в пещеры. Но это неправда...

— Откуда ты знаешь, что неправда? — спросил Долотов.

Где Зина прочитала про верования беркенов, он не спросил — она вечно сидела, уткнувшись в какую-нибудь книжку.

— Алё, на камбузе! — гаркнул Зайцев дежурному. — Колька, уже десять! Жрать охота!

— Без двух минут, — ответил Шмит, быстро работая ножом.

Наклонившись к соседке, Долотов спросил:

— Куда ты с ним ходила, пока я устанавливал вымпел?

— Никуда.

— Не ври! Людка сказала, что вы с Зайцевым спустились из леса, с Горы Мертвецов.

— Я просто хотела посмотреть на засечки, — быстро ответила Зина, но поглядела не на Игоря — на Зайцева. Тот тоже на нее смотрел. — Там стволы деревьев почти все в узорах... Я хотела сфотографировать, но затвор от холода заело. А Максим меня сам догнал. Нельзя, говорит, в лес одной ходить. Инструкция.

— Тоже мне инструктор, — оскалился Долотов, страдая. — И чего там, на горе?

— Там...

Зайцев — у него был превосходный слух — поднес палец ко рту, будто губу почесал или пригладил ус. Зина осеклась.

Это окончательно добило Игоря.

— Целовалась с ним? — прошипел он девушке в самое ухо.

Она вспыхнула.

— Дурак! Ничего тебе больше не скажу!

Дежурный по лагерю, гордый своей пунктуальностью, объявил:

— Ровно двадцать два ноль ноль. Сеньоры и сеньориты, кушать подано!

Вдруг земля содрогнулась.

Мощный удар обрушился на палатку со стороны, обращенной к горе.

Полог прогнулся почти до самой земли.

Свет погас. Наступила кромешная тьма.

Никто даже не вскрикнул — так это было неожиданно и страшно.

Наступила абсолютная тишина. Казалось, стихла даже вьюга, только что трепавшая края брезента и завывавшая в ночи голодной волчицей.

/Продолжение следует/

ВНИМАНИЕ!

Теперь вам предстоит выбрать, в каком направлении двинется наша реконструкция дальше.

Всё будет зависеть от следующей фразы.

ОПРОС
ВЫБИРАЕМ АЛГОРИТМ
 И не торопимся!

Участников: 5843

«Ша, зелень! — крикнул Зайцев. — Слушай сюда!»

 1044 (18.0%)

В темноте раздался дрожащий Зинин голос: «Я... умерла?»

 1583 (27.3%)

«Спокойно, товарищи!», — бодрясь сказал Долотов.

 3164 (54.6%)

Срок голосования — ровно сутки. Потом перейдем к следующему этапу.

А теперь — про Макса Линдера.

Спасибо всем, кто порадовал оригинальными версиями. Приз достается **telegamochka** за следующую дедукцию:

«Элен работала на разведку. На советскую разведку. И после того, как Макс узнал об этом, его жена стала для него чудовищем. И потому, что работала на «красного молоха», и потому, что редкий муж придет в восторг, узнав в жене коллегу Маты Хари — со всем присутствующим женской стороне этой профессии арсеналом. Элен боялась разоблачения — и гибели. Макс же презирал ее и питал к ней искреннее отвращение. Писал ли он сам другу о планируемом совместном самоубийстве — или это была сделанная Элен подделка, но все кончилось смертью Макса и «девушки, похожей на Элен». Настоящая же Элен уехала в Советскую Россию, где прожила до 60-х годов прошлого века.

Кстати, чем еще можно объяснить отсутствие фотографий Элен? По каким-то причинам она избегала фотографироваться».

ПО СЛЕДАМ ГРУППЫ ДЯТЛОВА (ЧАСТЬ ВТОРАЯ)

И так, читатели без колебаний зарубили на корню шесть версий, а там две, которых мне жалко. С другой стороны, очень любопытно безусловное лидерство «линии Долотова» (54,6%!). Честно говоря, я этого не ожидал. Очевидно, слово «товарищи» по-прежнему имеет над людьми какую-то мистическую власть.

Осталось три варианта финала. Какой развязки желало бы большинство, определится после сегодняшнего голосования.

А еще хочу обратиться к «дятловедам», которые упрекают меня в разного рода вольностях. Я не утверждаю, что всё было именно так, как я описываю. Это беллетристика. Погодите, то ли еще в третьей части будет...

Вот реальные, а не беллетристические следы группы Дятлова (фото из материалов следствия)

— Спокойно, товарищи! — бодрясь сказал Долотов. — Это лавина. Если бы накрыла, нас бы уже не было!

— Не накрыла так накроет, — отозвался с другого конца палатки инструктор Зайцев. — Притормозила на плоском месте. Сейчас ветер посильней дунет — и кранты. Полундра!

Он попробовал нащупать застёжки на клапанной двери, чертыхнулся, открыл складной нож, рассек тесемки. Снаружи была сплошная снежная стена.

— Режь крышу, у кого ножи есть, скорее! — закричал Зайцев и, оттолкнув соседа, попробовал проткнуть палатку. Но она накренилась и провисла, разрезать ее было непросто.

Игорю Долотову не понравилось, что распоряжается кто-то другой.

— Всем приподняться! Натянуть палатку спинами! Колька, у тебя тоже нож, ты корейку резал. Кромсай!

Вдали снова что-то грохотнуло, девушки завизжали.

— Есть! — Нож Зайцева с хрустом распорол ткань. — Вылазь! Живо! Может, уйдем! Где наша не пропадала!

Он толкнул вперед ближайшего, Сашу Копцова. Тот протиснулся в щель, а сзади лезли, мешая друг другу, Донченко и Лебедев.

Коля Шмит, пыхтя, тыкал в стенку ножом. Тот проходил насквозь, делал небольшие разрезы и срывался. Получилось только с четвертой или пятой попытки.

— Зина, давай! Я за тобой! — Игорь раздвинул края дыры. Добрынина на четвереньках выбралась наружу.

— Хоть обуйтесь, померзнете! — выкрикнул Зайцев, натягивая бурки.

Его не слушали, всем хотелось поскорей выбраться из тесного мешка.

В ночи что-то рычало и вздыхало. Вплотную к палатке, частично подмяв ее, жался снежный гребень. Метель вырывала из него хлопья. Казалось, белая стена вот-вот снова придет в движение.

Все побежали вниз по склону — просто для того, чтобы быть подальше от угрожающей массы снега. Почти никто не успел схватить верхнюю одежду, а обутих было только двое: дежурный по лагерю (он не успел снять валенки) да Зайцев. Максим выбрался последним и поэтому отстал. Зато в руке у него был фонарик.

— Быстрее, быстрее! — покрикивал Долотов. — Уходим!

— Не вниз! — заорал инструктор. — Пойдет лавина — догонит! В сторону надо!

Все остановились, не зная, кого слушать.

— Куда в сторону? Ни черта не видно! И там снег глубже! — Игорь махнул рукой, но все же взял немного влево. — За мной, товарищи!

У кого-то в кармане тоже оказался фонарик — впереди заметался луч. Но он был слабый, выхватывал из темноты только косо летящую метель.

Поколебавшись, Зайцев бросился вслед за остальными.

Бежали долго, подгоняемые шумными вздохами горы. Что-то на ней осыпалось, двигалось.

Ребята были спортивные, закаленные, но снег лежал неровно. На продуваемых ветрами участках он был плотно сбит и пружинил под ногами, но кое-где достигал метровой глубины, и там движение группы замедлялось. То и дело кто-то падал, ему помогали подняться.

— Я больше не могу.. — выдохнула Люда. — Всё... Правда, всё...

Марат и Коля подхватили ее, но и они выбились из сил.

— Товарищи, еще чуть-чуть! — Долотов показывал куда-то вперед. — Вон дерево! Большое! А вокруг маленькие! Сделаем костер!

Действительно, впереди чернел довольно высокий кедр, окруженный низкорослыми пихтами, елями, чахлыми березками.

— А лавина? — нервно оглянулся Донченко. — Она сюда не докатится?

— Наверяд ли. — Зайцев остановился, прикидывая расстояние. — Километра полтора пробежали. Там и снега-то столько нет, на горе. Но здесь оставаться нельзя. Открытое место, ветер доконает.

— Максим, а когда можно будет назад вернуться? — спросила Зина, переступая с ноги на ногу. — Мы же в одних носках...

Пока бежали, холодно никому не было, а сейчас начинало пробираться не на шутку.

Тот самый кедр

Зайцев покачал головой:

— Пока метель не стихнет, нельзя. Надо до света докантоваться. Тогда видно будет, что это — лавина сошла или просто снежный навал.

Очень Игорю Долотову не понравилось, что Зина спросила не его, а Зайцева.

— Не стойте! — приказал он. — Тащите хворост!

— Как ты в пургу костер разожжешь? — спросил кто-то.

— Разожгу.

Голыми руками, обдираясь в кровь и не чувствуя этого, потому что пальцы онемели от холода, ребята наломали сучьев. Ловкий Лебедев вскарабкался на кедр, трещал там ветками.

— Встали плотно, заслонили меня! — Долотов накрылся с головой курткой, поколдовал. Над землей затрепетало пламя. Затрещало, поднялось. По снегу побежали черно-красные тени.

— Есть! Греемся!

Но едва живая стена расступилась, ветер прижал костер к земле, разодрал на искры. Алый язык лизнул Юру Криворученко, тянувшего к огню руки, по штанине — и ворсистая ткань вспыхнула. С криком Юра повалился на снег. Пламя сбили, но вся голень была обожжена.

Стонал Криворученко, правда, недолго. Холод — отличное обезболивающее.

Сели с наветренной стороны, прикрывая телами костер. Так он не гас, но и проку от него было мало — метель уносила все тепло прочь.

Мороз был не меньше тридцати. Через несколько минут Зайцев крикнул, заглушая свист пурги:

— Нет, орлы, так дело не пойдет! Перемерзнем на хрен. Уходить надо от ветра!

— Куда уходить?

Он встал.

— Я этот кедр помню. За ним овражек был. Укроемся. Вниз елок подложим, сверху лапником накроемся. Собьемся в кучу, авось до утра продержимся.

— А костер? — вскинулся Долотов. — Бросим?

Они заспорили.

— Хочешь тут околевать — твое дело! — махнул Зайцев. — Кто со мной елки ломать?

— Я. Хоть согреюсь, — сказал Шмит.

— И я, — поднялся Копцов.

Игорь попробовал их остановить:

— Не слушайте вы его! Только силы зря потратите.

Но трое ушли, исчезли во тьме. Через минуту оттуда раздался хруст и треск.

— Игорь, мне все кажется, будто на нас из темноты кто-то смотрит... — дрожа сказала Зина.

— Ерунда.

Долотов поднес к лицу оковеневшие Зинины руки, пытался согреть их дыханием. Но дыхание было холодным.

Никто уже не разговаривал. Сидели съежившись. Обожженный Криворученко лег на бок, свернулся калачиком.

— Не спи, Юрка! Не проснешься! — потеревил его Донченко. Оба Юрия были закадычные друзья.

— Игорь, мы погибнем? — спросила Люда.

— Перестань, — сердито ответил Долотов. — Люди на фронте не такое выдерживали. Мне отец рассказывал, как в Финскую...

— Эй, доходяги, околеете! Айда с нами!

Из мрака к костру вышел Зайцев. Он держал на плечах две молодые пихты, был весь облеплен снегом, усы заиндевели, низ лица будто оброс белой бородой. Дед Мороз да и только.

— Я пойду... — Люда с трудом встала. — Извини, Игорек. Не могу здесь... Страшно.

Он ничего ей не сказал. Не ответил и Зайцеву. Долотову и самому уже было ясно, что долго на ветру не продержаться, однако признать правоту инструктора не позволило самолюбие.

Когда Максим с Людой ушли, Игорь поднялся. Прикрыв ладонью глаза, посмотрел назад, в сторону оставленной палатки.

(Окончание следует...)

ВНИМАНИЕ! Выбираем следующую фразу, от которой будет зависеть концовка.

ОПРОС ГОЛОСУЙТЕ СЕРДЦЕМ

Но лучше все-таки подумайте

Участников: 5084

— Товарищи, надо возвращаться.

 1003 (19.9%)

— Смотрите, кто это?!

 2030 (40.3%)

— Что это было? Вы слышали?!

 2008 (39.8%)

Срок голосования — сутки.

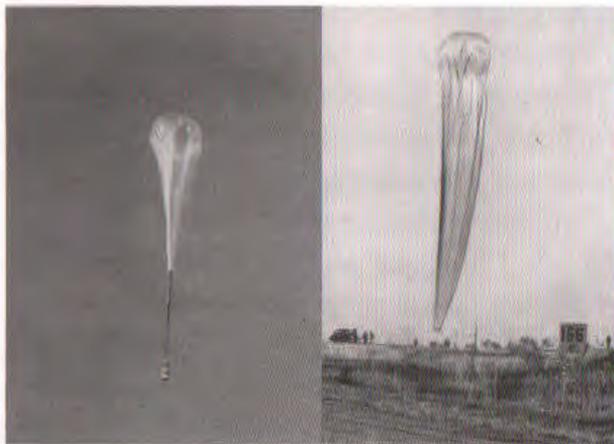

ПО СЛЕДАМ ГРУППЫ ДЯТЛОВА (ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ)

Ну вот и всё. Мы выяснили, какая версия случившегося устроила бы большинство — если не сознательно, так подсознательно. С небольшим опережением победила опция «Смотрите, кто это?!».

Что ж, «*Tu l'a voulu, George Dandin*». Хотя в данном случае больше подойдет английское: «*Enjoy!*» (переводится: «*На, вот возьми ее скорей!*»).

— Смотрите, кто это?!

Картинка № 1
Что это такое,
сейчас узнаете...

Долотову показалось, что сквозь пургу белеет странный — то ли размытый, то ли растрепанный силуэт, нечто среднее между человеком и медведем. Игорь зажмурился.

Остальные тоже обернулись, но склон был пуст: внизу снег, сверху черно-серая муть.

— Померещилось,.. — смущенно пробормотал Игорь. — Ребята, надо к палатке возвращаться. Рискнем. Иначе пропадем тут..

Криворученко сказал:

— Я не могу. Ногу не чувствую. Совсем...

С ним остался второй Юра, Донченко. Договорились, что они будут жечь костер, а трое остальных поднимутся наверх, оденутся и вернутся на лыжах, с теплыми вещами и спиртом.

— Держитесь, ребята, — сказал Долотов. — Мы постараемся быстрее.

Но подниматься было гораздо труднее, чем спускаться. Сил осталось мало, окоченевшие мышцы не слушались, а встречный ветер бросал в лицо снежную труху, слепил, валил с ног.

Первым во мгле потерялся Марат Лебедев. Он сбился, взял правее, чем нужно. Несколько раз падал и поднимался. Наконец упал — и больше не встал.

Добрынина и Долотов какое-то время держались вместе, но вот Зина на несколько шагов отстала — и уже не увидела Игоря. Кричать она не могла, сел голос. Девушка пригнулась к самой земле, побрела дальше одна.

Игорю Долотову не повезло, он соскользнул в снежную яму. Еле выкарабкался, потратив на это остаток сил. Кое-как проковылял сотню метров. Потом полз. Замер. Несколько минут шевелился. Перестал.

Так уж вышло, что Зина Добрынина, самая хрупкая в группе, поднялась выше всех. (Поисковики потом найдут ее замерзшее тело всего в пятистах метрах от палатки.)

Несколько часов спустя метель начала стихать. В рассветных сумерках по склону, словно бесплотный призрак, заскользила бесформенная белая фигура (та самая, которую увидел сквозь метель Игорь и решил, что примерещилось).

Это был не призрак и не снежный человек — просто человек. Он быстро и легко перемещался на коротких широких лыжах, обшитых особым материалом. Такие лыжи не оставляют на снегу следов.

Выглядела фигура как-то так

Неизвестный остановился над Зиной. Проверил пульс (его не было), профессионально ощупал одежду покойницы. Двинулся дальше. Так же быстро обыскал Марата и Игоря.

Два Юрия, неподвижно лежавшие у давно погасшего костра, тоже задержали белого человека ненадолго.

Зато у оврага, из которого слышались тихие голоса, неизвестный замер. Упал, слился со снегом.

Люда, Коля и Саша правильно поступили, когда послушались опытного инструктора. Они вырыли глубокую яму на дне овражка, накрыли снег срубленными елками. Ветер сюда не попадал, лапник давал какую-никакую защиту от холода. Все четверо сильно замерзли, но были живы, и ничего себе не отморозили.

Часа два назад Зайцев наведлся к кедру — еще раз позвать остальных, но нашел там только двух Юриев, уже бездыханных. Горько выругался. Снял с мертвецов теплую одежду. Отнес своим. Свитера и лыжные штаны погибших помогли четверке продержаться до рассвета.

— Еще часок, и туман рассеется, — сказал Зайцев. — Тогда поглядим, что там с лавиной.

— Хоть бы остальные ребята были живы, — всхлипнула Люда. Она плакала без остановки с той минуты, когда Максим вернулся с ужасным известием.

Разговор был вполголоса — Саша Копцов и Коля Шмит, прижавшись друг к другу, спали.

Послышался легкий шорох. Зайцев поднял голову — с края оврага на него упало что-то белое, косматое, огромное. Максим даже не успел понять, что это человек.

Неизвестный упал инструктору коленями на грудь, проломил ребра, убил. Мощным, техничным ударом кулака умертвил Люду Коломийцеву. Приподнявшемуся Саше ребром ладони расколочил череп. Шмит не проснулся, и его неизвестный бить не стал — просто сжал сонную артерию.

Этих четверых неизвестный обшарил с особенной тщательностью. Но обыск не дал того, на что он, очевидно, рассчитывал.

С каждой минутой убийца делался всё мрачней. Наконец шипяще выругался не по-русски: «Oh shit. Shit, shit!»

Зачем-то переташил тела одно за другим в сторону от хвойного настила.

Усатый мужчина и девушка смотрели в небо широко раскрытыми глазами. В ее удивленно разинутый рот падали снежинки. (Потом язык и глаза Добрыниной, как и глаза Зайцева, выключает лакомка-вóрон.)

Белый человек передернулся — ему вдруг показалось, что девушка похожа на Дину Дурбин, любимую актрису его детства.

Он поднялся на край оврага. Сел, обхватив голову руками, и оставался неподвижным до тех пор, пока в 9.05 — с пятиминутным опозданием — в небе не раздался гул двигателей.

Самолет-эвакуатор летел с минимальной скоростью, на небольшой высоте.

Сидящий встрепенулся, выстрелил в небо бледно-лиловой ракетой. Через несколько секунд на снег упала металлическая капсула системы surface-to-air recovery. Человек открыл ее. Снял свой snow camouflage suit, обшитый снаружи синтетическим мехом. Переделался в комбинезон. Застегнул ремни, прикрепленные к аэростату, подкачал гелия из специального баллона — и над оврагом вырос диковинный каплевидный пузырь (см. картинку № 1).

Аэростат взлетел, от него вниз тянулся нейлоновый канат.

Со второго захода самолет подцепил канат вилкой-захватом. Человека оторвало от земли. Он несся, рассекая воздух, над замерзшей речкой, над горным склоном, над деревьями. Лебедка плавно тянула ношу вверх.

Еще через несколько минут удалыца обнимали, хлопали по спине, называли «Джеком». Но он был угрюм, на поздравления не отвечал. Потребовал немедленно связать его с Центром.

Пилоты ушли в кабину, оставили Джека наедине с рацией.

Он лаконично доложил, что задание выполнено. Замеры земли и воды в заданном квадрате взяты. Миссия выполнена.

— Отличная работа, парень! — обрадовался начальник. — Теперь мы сможем доказать, что Советы проводят подземные испытания и нарушают мораторий... Но почему у тебя такой голос? Ты болен? Ранен?

— Скверная история, сэр. Я совершил ужасную ошибку.

— Что такое? — встревожился начальник.

— Вчера в точке эвакуации появилась группа из девяти лыжников. Я был уверен, что это команда захвата, переодетая туристами. Типично советский идиотизм — какие могут быть туристы зимой в диких горах Северного Урала? Я ликвидировал их...

— Ты поступил правильно.

— Нет, сэр. Я ошибся. У них не было ни оружия, ни средств связи, ничего. Боже, сэр, я убил девять чертовых хайкеров! Там было две девчонки, лет по двадцать...

После длинной паузы Центр ответил:

— Ты поступил по инструкции. Всякий на твоём месте сделал бы то же самое... Надеюсь, ты не оставил следов? Не хватало нам только международного скандала.

— Обижаете, сэр. Что я, новичок? В 22:00 с помощью вакуумной гранаты я спровоцировал сход снежного пласта, вынудил их покинуть палатку. Пятеро погибли от холода. Остальных я убрал без применения оружия, но на всякий случай отнес на лед ручья и засыпал снегом. Весной талая вода унесет трупы дальше по течению...

Когда сеанс закончился, Джек заглянул к пилотам.

— Ребята, дайте выпить. На душе погано.

Ему протянули флягу с бурбоном.

...Такая вот у нас с вами получилась история. Поздравим адептов «шпионской» концепции. Она существует в разных вариантах, но суть одна: группу Дятлова хитроумно истребили американские диверсанты (самая яркая и детально проработанная из версий этого рода принадлежит А. Ракитину).

Я-то надеялся подтолкнуть вас совсем к другому исходу, да не вышло. Оказывается, большинству подспудно хотелось, чтобы во всем оказались виновны враги Отчизны.

В следующем посте поведаю, как я безуспешно пробовал манипулировать голосованием, а также расскажу, какой из существующих версий придерживаюсь сам.

(Еще будет постскриптум)

ПО СЛЕДАМ ГРУППЫ ДЯТЛОВА (ПОСТСКРИПТУМ)

Я обещал объяснить, как работал механизм выбора сюжетной линии нашего коллективного повествования. Тут всё очень просто, даже примитивно.

Первая развилка (Зайцев — Зина — Долотов), как правильно диагностировали некоторые из вас, обозначала разделение на три основных жанра: brutally-реалистический; мистико-романтический; идеологическо-конспирологический. Мне как беллетристу интересней было бы сочинить что-нибудь фантазийное, поэтому я закулисно лоббировал линию Зины Добрыниной, вложив в ее уста массу всего загадочного. Но не тут-то было. Большинство читателей не клюнули на эти заглазки и отдали предпочтение третьему направлению. Это меня, честно говоря, озадачило.

На стадии второго голосования сюрприза уже не произошло. Здесь оставалось только сделать выбор между супостатами, погубившими туристов. Победил визуальный (то есть кинематографический, «голливудский») вариант. При аудиострашилке виновниками оказались бы отечественные спецслужбы (шепот, шорох, шухер — это родное, не американское). Ну, а если бы прошла опция «Товарищи, надо возвращаться», вас ждала бы встреча с ужасиком еще более архаичной категории, которая...

Но нет, не буду всё рассказывать. Я, может быть, как-нибудь сяду и запишу все девять сценариев буквами. Не наскоро, с жестким ограничением по времени, а более литературно. Есть идея сделать книжку, похожую на дерево: ствол один, а ветви сюжета расходятся,

в зависимости от читательского выбора. Называться этот интерактивный жанр будет «трибук» (Tree-Book).

Здесь, например, три развилки с семью разножанровыми финалами

Еще я обещал рассказать, какой версии придерживаюсь сам.

Разочарую вас: самой скучной из всех существующих. Я думаю, что ничего таинственного там у перевала не произошло.

Ночью, когда группа готовилась ужинать и переодевалась ко сну, из-за сильного ветра сдвинулся снежный пласт, палатку наполовину завалило.

Испугавшись, что это проснулась лавина, ребята кинулись вниз по склону. Решили развести костер на безопасном расстоянии и дожидаться утра, чтобы понять, существует опасность схода большого снега или нет.

Начали замерзать. Очевидно, произошел спор между двумя лидерами — старшим группы Дятловым и инструктором Золотаревым. Трое ушли с Золотаревым в овраг, где вырыли яму или нору в снегу, подстелив вниз срезанные деревца. Пятеро остались у кедра, но через некоторое время поняли, что до утра не продержатся. Снова разделились. Двое по какой-то причине (возможно, побоялись возвращаться) не тронулись с места, а Дятлов, Слободин и Колмогорова решили рискнуть, отправились назад к палатке за теплыми вещами и лыжами. Эти пять человек замерзли.

Кто-то из «золотаревцев» вернулся к кедру, когда Кривонищенко с Дорошенко уже скончались, и снял с них теплую одежду.

Укрывшись в овраге, четверка в принципе приняла верное решение, но с ними случилось несчастье. Скорее всего, обрушился подрытый снег и придавил троих насмерть, а четвертого, допу-

стим, оглушил. В мае поток талой воды отнес тела на несколько десятков метров от настила. Глазные яблоки и язык были склеваны птицей или выедены какой-то иной живностью.

Это — общая картина того, что, как мне кажется, произошло. Остается некоторое количество непроясненных вопросов, но на каждый из них можно найти рациональный ответ, не выходя из рамок данной концепции.

Если бы я сразу, в первом же посте, вам всё это написал, вы сказали бы: «Ну-у, это неинтересно». И были бы правы. С американским суперагентом, конечно, получилось остросюжетнее.

Напоследок, в качестве бонуса за терпение и выносливость, предлагаю вашему вниманию концовку, к которой я тщетно надеялся вас вывести. Уж больно она мне нравится. Может, на самом деле всё произошло именно так?

ВЕРСИЯ № 9

Все они умерли. Одни чуть раньше, другие чуть позже. Кто-то боролся до последнего, кто-то просто свернулся калачиком и постарался ни о чем не думать, кого-то придавило в овраге массой слежавшегося снега.

Но за мгновение до остановки сердца с каждым из девяти произошло вот что.

Умиравший увидел над собой, не близко и не далеко, прозрачный светящийся шар.

Оттуда доносилось попискивание, пощелкивание. Казалось, кто-то

Он был немного похож на апельсин или японский фонарь

крутит ручку настройки на приемнике и уже поймал некую станцию, но она ужасно далеко и говорят там на непонятном языке. Постепенно звуки из невнятных стали членораздельными, и голос, сначала плавающий и глотающий буквы, а потом всё более отчетливый, сказал:

— Приносим икс... искренние сожаления. Место посадки было выбрано с таким расчетом, чтобы никто из туземцев не по-

страдал. Ваше присутствие здесь стало для нас неожиданностью. Мы слишком поздно обнаружили, что движение снежного покрова, вызванное сигма-вибрацией, нанесло ущерб девяти жителям Земли. В условиях экспедиции произвести ремонтно-восстановительные работы вашего организма невозможно. Требуется эвакуация. Мы возьмем маленький фрагмент вашего тела и полностью его регенерируем посредством наноклонирования. При этом ваше сознание останется в неприкосновенности. Согласны ли вы переместиться на нашу планету?

Никто из девятиерых особенно не удивился. Молодые люди конца пятидесятых все без исключения увлекались научно-фантастическими романами и твердо верили, что установка контакта с внеземными цивилизациями неизбежна.

Но девять раз был задан один и тот же вопрос:

— А я потом попаду обратно на Землю?

— Как пожелаете, — вежливо отвечал шар. — Вряд ли вы захотите вернуться на вашу планету, но выбор останется за вами.

И все согласились. Потому что никому не хотелось умирать, а еще было ужасно интересно — как оно там устроено, в иных мирах.

— Одна маленькая просьба, — механический голос попытался синтезировать смущенную интонацию. — Для изучения анатомии человеческого тела нам не хватает некоторых конструкционных элементов: визуальных терминалов, то есть глазных сфер, и артикуляционного дифференциатора, устройство которого нам не вполне понятно. Регенерации тела отсутствие этих компонентов не помешает. Однако без вашего согласия позаимствовать их мы не можем, это запрещено правилами.

Охотнее всех пожертвовать своими «визуальными терминалами» во имя межпланетного сотрудничества согласились Максим Зайцев и Зина Добрынина.

А что такое «артикуляционный дифференциатор», с первого раза поняла только Зина — она всегда разгадывала шарады, ребусы и кроссворды быстрее всех.

— Вам нужен мой язык? — сказала она. — Да пожалуйста, не жалко. Он у меня знаете какой длинный? Я им до кончика носа достаю. Показать?

НЕПРИЯТНЫЙ ФАКТ

Давно известно, что литература плохо рифмуется с жизнью. В романах и легендах всё логично, одно проистекает из другого, там горбатого могила исправит, а от осины не родятся апельсины. Урия Гип не совершит красивого поступка, Ланселот Озерный ни при каких обстоятельствах не уронит рыцарскую честь.

В реальной жизни выходит иначе. Какое-то там всё не черное и не белое, а пятнистое.

Это я вот к чему.

Сейчас, в связи с 200-летней годовщиной, много пишут о войне 1812 года. Вот и мне вспомнился один маленький эпизод из недавнего прошлого, когда я довольно плотно занимался некоторыми аспектами Бородинской битвы.

Я тогда готовился писать роман «Квест», и мне нужно было изучить список французских военачальников — командиров соединений и частей, — которые сложили голову на Бородинском поле. Как вы знаете, в сражении полегло рекордное количество наполеоновских генералов и полковников. По уставам той эпохи, командир должен был показывать солдатам пример доблести и при атаке скакать впереди, а его эполеты и плюмаж становились отличной мишенью для неприятельских стрелков.

В поисках героя-удальца с подходящей для романа биографией (потом этот персонаж не понадобился) я заинтересовался шефом первого конно-егерского полка. Барон Медá был сражен картечной

пулей, когда вел своих солдат в сабельную атаку. *Voilà une belle mort*, подумал я. Разыскал биографию полковника — и ахнул. Как будто встретил знакомого из далекого прошлого. Причем такого знакомого, которого когда-то сильно не любил, даже ненавидел. (Ну да, у меня очень личные взаимоотношения с историей, я этого и не скрываю.)

Историей я увлекаюсь с детства. В пионерском возрасте (то есть за сорок лет до «Квеста») мне больше всего нравилось читать про Великую французскую революцию, а кумиром моим был Максимилиан Робеспьер. Я не виноват, такие уж были времена. Якобинцы у советских авторов считались предшественниками большевиков, а их вождь — вроде как французским Лениным. Только Робеспьер мне нравился гораздо больше Ленина, потому что был молодой, красивый, безукоризненно одетый и умер завидно, с достоинством.

Отлично помню, как я расстраивался из-за 9 термидора, когда буржуазные перерожденцы воткнули нож в спину революции — устроили подлый переворот.

«Группа захвата» ворвалась в здание, где засел Робеспьер с кучкой соратников. Один якобинец, молодой Лё-Ба, застрелился. Робеспьер хотел последовать его примеру, но самый шустрый из жандармов выстрелил раньше и ранил Неподкупного в челюсть. Я был уверен, что жандарм сделал это нарочно — чтоб Робеспьер, непревзойденный оратор, не смог на суде произнести речь в свою защиту. А потом тот же мерзавец подбежал к другому якобинцу, парализованному Кутону, и столкнул его вместе с инвалидным креслом с лестницы.

Это павший смертью храбрых барон Меда

Видите этого гада в двухуголке?

Впоследствии мое отношение к Робеспьеру и якобинцам изменилось (если б я жил в те времена, наверное, оказался бы среди жирондистов), но тот жандарм так и остался для меня символом подлого, жестокого вертухая, человека без убеждений и чести. Еще вчера по приказу Робеспьера и Кутона он волок кого-то на эшафот, а как только ветер подул в другую сторону, накинулся на прежних хозяев с удесятеренным усердием — чтобы продемонстрировать новому начальству свою полезность.

Имя этого сюзжэня я запомнил на всю жизнь, благо оно было говорящее: Мердá.

В общем оказалось, что бородинский герой барон Меда и гнусный выродок Мерда — один и тот же человек. В какой-то момент своей блестящей карьеры бывший жандарм ради благозвучия добился сокращения природной фамилии на одну букву. (Это как если бы у нас кто-то избавился от буквы «Г» и сделался аристократичным «Овновым».)

Но дело не в фамилии. Меня озадачило, что боевой офицер Меда слыл одним из храбрейших кавалеристов Великой Армии и пал славной смертью.

В голове никак не совмещались два эти образа. Из литературы, на которой все мы выросли, мне было доподлинно известно: ну не может быть героем мерзавец, который из желания выслужиться стреляет великому человеку в лицо, а беспомощного инвалида сталкивает с лестницы! Может быть, 9 термидора всё было не так, как написано в книгах? Впору вслед за Сальери усомниться: «Или это сказка тупой, бессмысленной толпы — и не был убийцею создатель Ватикана?»

Увы, всё правда. Я нашел и прочитал рапорт, написанный в 1798 году тем же Мерда-Меда, в ту пору лейтенантом. Видно, что автор документа — негодяй: разоблачает тайных врагов революции, требует повышения в чине в память о своих термидорианских заслугах (и перечисляет, каких именно).

Я прямо расстроился. И мысли черные ко мне пришли: «Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет и выше!»

Вот ведь и мерзостный палач Малиота, как это нам, литераторам, ни огорчительно, тоже пал героически — при штурме ливонской крепости Вейсенштейн.

А верный соратник Орлеанской Девы, доблестный Жиль де Ре, превратился в исчадие ада.

Да мало ли в истории подобных примеров.

Я давно уже смирился с тем, что гении запросто бывают злодеями. Приходится признать и то, что герои бывают подлецами, а подлецы — героями.

Неприятно, но факт.

КРУГ ЧТЕНИЯ

Вам наверняка хорошо знакомо это чувство: вычитаете в книге что-нибудь, зацепившее мозг или сердце, и хочется поделиться. Вот я и подумал, а почему бы мне не завести такую рубрику? Буду в ней пересказывать из свежепрочитанного то, что показалось мне интересным, примечательным или странным.

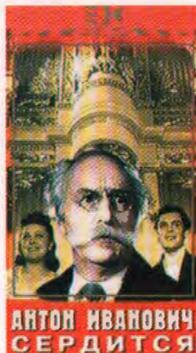
Сейчас, например, читаю книжку Александры Воеводской «Четыре года жизни, четыре года молодости» (тираж 1500 экземпляров). Автор — женщина, в молодости перенесшая Ленинградскую блокаду.

Мой любимый вид литературы — свидетельство очевидца, желательно человека незначительного, о подлинных событиях. Это именно такая книга. В ней есть всё, чего ожидаешь: описание горестей войны, голода, смертей и прочего. Но больше всего пробивает не трагическое (знаем, читали), а частное, непричесанное, неканоническое.

Две мелочи, упомянутые вскользь, между делом, превратили для меня рассказ о блокадных ужасах в нечто созвучное и осязаемое. Не знаю, произведут ли эти вещи такое же впечатление на вас.

Перед 22 июня, рассказывает Воеводская, весь Ленинград завесили анонсами музыкальной кинокомедии «Антон Иванович сердится». Потом сдирать плакаты было некогда, так они и провисели до конца осады. Добрейший Антон Иванович (его поминает в своей книге «Дневные звезды» и Ольга Берггольц) смотрел с афишных тумб на разрушенные дома, на занесенные снегом улицы, по которым дистрофики очень медленно тащили санки с детскими трупами, — и ужасно на всё это сердился.

Я подумал, что эта трагикомическая деталь очень понравилась бы моему любимому современному эссеисту Льву Рубинштейну. Когда страшное и смешное рядом, это и есть жизнь.

И вот вторая маленькая история, которая меня здорово тронула. Осенью 1941 года Александра получила весточку от мужа, который написал (вернее надиктовал), что тяжело ранен. Она стала слать по указанному адресу письма, каждый день. Две недели не было ответа, а потом вся почта вернулась обратно с краткой припиской, что адресат из лазарета выбыл. Женщина была в панике, не знала, что делать, куда кинуться. Кто-то сказал ей, что существует некая комиссия из волонтеров (тогда, впрочем, еще не было такого слова), которая помогает фронтовикам найти потерянные семьи, а семьям — фронтовиков. Помчавшись в это самое бюро, Александра увидела там каких-то удивительно энергичных, улыбчивых, быстро работающих молодых людей. «Садитесь, — сказали ей. — Пишите». Привыкшая к советской бюрократической системе, она спросила: «Что, заявление? Вот, у меня все документы с собой». Ей ответили: «Документы никакие не нужны, заявления тоже не нужно, просто пишите письмо мужу. Мы его непременно разыщем и переправим ваши старые письма вместе с новым. Всё будет хорошо, вот увидите».

Вот и вся история. Но автор говорит, что это было одно из самых светлых воспоминаний о блокаде. И, думаю, даже не потому, что волонтеры выполнили обещание и муж нашелся. Бедные наши сограждане что тогда, что сейчас до такой степени не привыкли к нормальному, человеческому отношению в присутственных местах, что оно воспринимается как чудо и запоминается на всю жизнь...

ДЕТСКИЙ ВОЗРАСТ КРИМИНАЛИСТИКИ

Читаю историю британской криминальной полиции, написанную сэром Бэзиллом Томсоном (1861–1939).

До чего же трогательно выглядят первые успехи дедукции, восхищавшие современников!

Сэр Бэзил — очень колоритный персонаж, но о нем как-нибудь в другой раз

Первым гением уголовного сыска в Англии был полковник Томас де Вейль (1684–1746), прославившийся храбростью, любвеобильностью (после него осталось 25 законных детей, сколько незаконных — неизвестно) и фантастической по тем временам проницательностью.

Главный триумф дедукции у де Вейля был следующий.

Однажды ограбили посудную лавку, причем в замке остался кончик ножа, которым преступник воспользовался вместо отмычки.

Через некоторое время сыскался подозреваемый. Но вот беда — этот человек упорно отрицал причастность к краже. И тут де Вейль блеснул креативом. «Не одолжишь ли мне свой ножик, приятель?» — невинным тоном осведомился он. Что было дальше, вы догадываетесь. Взломщику и в голову не пришло выкидывать хорошую вещь только из-за того, что у нее отвалился крошечный кусочек лезвия.

И весь Лондон ахнул, поразившись уму и находчивости полковника де Вейля.

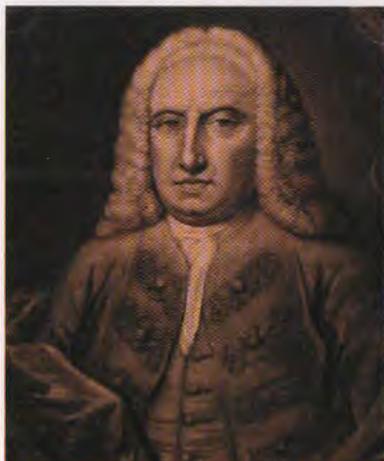
Другая история, случившаяся в более утонченные времена, в двадцатые годы XIX века, так и осталась бы неразрешимой загадкой, если б не случайность.

Обокрали почтовую карету. Подозреваемого вскоре нашли по приметам и схватили. Это был некий Том Партридж. При опознании на него указали очевидцы.

Но арестованный клялся, что невиновен, и вообще держался как-то очень уж уверенно. На суд он привел целую дюжину свидетелей, людей вполне уважаемых, которые подтвердили, что в день кражи обвиняемый находился совсем в другом месте. Суду оставалось только оправдать подсудимого.

А пару лет спустя прокурор, оставшийся с носом, случайно увидел Партриджа на улице. Решил за ним проследить — чтобы на всякий случай знать, где теперь проживает тот, кого он считал ушедшим от заслуженного наказания преступником. Том подошел к какому-то дому, крикнул: «Эй, открой дверь!» — и из окна высунулся... еще один Том Партридж.

То есть, собственно, не Том, а Сэм — его брат, с которым они были совершенно на одно лицо.

Взгляд — прямо насквозь пробирает

Очевидцев было примерно столько, сколько изображено на этой картинке

СВАТОВСТВО МАЙОРА («КРУГ ЧТЕНИЯ»)

В издательстве «НЛО» есть замечательная серия «Россия в мемуарах». Я являюсь постоянным потребителем этой книжной продукции — она будто создана специально для людей вроде меня. (Судя по тиражам, нас таких на свете немного.)

Н. Варенцов. Умного человека видно по глазам

Ужасно интересное чтение — воспоминания предпринимателя Николая Варенцова (1862–1947) «Слышанное, виденное, передуманное, пережитое», которые были написаны в глухие советские годы для домашнего употребления (большинство интересных и честных мемуаров именно так и созданы).

В книге со знанием дела показана жизнь купеческой России, особой субкультуры, так много значившей и так много сделавшей для страны. Множество поразительных судеб, ярких личностей, невероятных

историй описывает умный, спокойный автор, обладающий феноменальной памятью и не склонный к привиранию (это всегда чувствуется).

Один сюжет хочется пересказать. Он порастил меня тем, чем всегда поражает подлинная жизнь: незарифмованностью событий. Обычно, если нам что-то рассказывают, мы, будучи людьми начитанными и умудренными, заранее начинаем кивать головой: мол, как же, как же, можете не продолжать, знаю, чем этакие фабулы заканчиваются. В литературе всё именно так и случается. В жизни — необязательно.

Жил-был на окраине Москвы отставной офицер — одинокий, немолодой, бедный. Окна его домика выходили на кладбище Покровского монастыря, где в 19 веке часто хоронили купцов. Майор просиживал на этом наблюдательном пункте с утра до вечера. Как завидит похоронную процессию попышней и помноголюдней, сразу — мундир, ордена. Ввинтится в толпу скорбящих, давай раскланиваться направо-налево. Через несколько минут вроде как уже свой. Опять же высокоблагородие, купечество смотрит с уважением. Никто не удивлялся, что почтенный человек отправляется вместе со всеми на поминки. Там майор как следует закусывал, выпивал, учтиво прощался и возвращался домой, считая, что день удался. Такая в общем была у него жизнь.

Однажды, рассказывает Варенцов, этот самый отставной май-

ор Берг пристроился к особенно помпезным похоронам. Узнал, что умер промышленник Ершов, оставивший после себя большущий капитал, который достанется сильно хворой, к тому же еще и горбатой дочке. И что-то такое у Берга в его немецкой голове щелкнуло, как в арифмометре. Подкатился он к карете, помог вдове спуститься с подножки. Сказал, что является давним приятелем незабвенно-

Покровский монастырь — кормилец отставника

го Прова Самсоныча (или как там звали покойника). Вдова пригласила в дом, помянуть усопшего.

На поминках майор проявил себя сахаром медовичем, хозяйке ужасно понравился, и она пригласила его заходить еще. Он — с удовольствием. И вскоре посватался к юной инвалидке, которая, несмотря на свое богатство, не чаяла когда-либо выйти замуж.

«Ну дальше понятно, — говорит здесь читатель. — Продолжение этой злой сказки можешь не рассказывать. Скользкий и бесстыжий гад этот ваш Берг! Бедную девушку он, конечно, быстренько свел в могилу, а приданое пустил на ветер».

А вот и нет, дорогой читатель.

Горбунья действительно через несколько лет умерла, потому что была сильно нездорова. Но за эти годы родила мужу несколько детей и жила с ним как-то очень счастливо. Берг не растранижил ершовские капиталы, а совсем наоборот: переписался из потомственных дворян в купеческое сословие, взял управление предприятием в свои руки и развернул дело до невиданных масштабов.

Автор пишет, что весь остаток жизни, каждый день, Берг с утра ездил на могилу жены и отстаивал панихиду в ее память, а уж потом отправлялся в контору вершить дела.

Дочитав трогательную притчу, я сказал себе: «Умилительно, но смахивает на приукрашенную легенду. Проверим-ка, как оно было на самом деле».

Представьте себе, именно так всё и было. Павел Васильевич Берг (1818—1894) был, поправка, не отставным майором, а отставным подполковником. Прочее же всё истинная правда. К концу жизни П.В. Берг владел золотыми приисками, заводами, текстильными мануфактурами. Жена похоронена на Покровском кладбище, рядом с которым я прожил много лет. На месте монастырского погоста в мои времена находилась спортплощадка, где я скакал с теннисной ракеткой — выходит, по костям счастливой горбунии.

Там много подобных историй, в варенцовских мемуарах. Рекомендую.

ГЕРОЙ ПРЕДПОЧИТАЕТ БОЛЬШОМУ МИРУ МАЛЫЙ, НО НЕ НАХОДИТ ТАМ СЧАСТЬЯ

Ничего, если я начну с цитаты из моего романа «Весь мир театр»? Японец Маса там говорит Фандорину: «Всякий мужчина сам решает, герой он или нет. Нужно сделать выбор и потом уже ему не изменять. Мужчина, который сначала решил быть героем, но потом раздумал, являет собой жалкое зрелище».

Яркий пример такого коллапса — бегство генерала Жоржа Буланже (1837–1891), которому современники сулили судьбу нового Бонапарта. Но Буланже не стал Бонапартом, потому что «малый мир», то есть мир личных привязанностей и чувств, в решающий миг оказался для генерала важнее Большого Мира, в котором нет места для частных сантиментов.

Блестящий и очень молодой для медленной в чинопроизводстве французской армии генерал возглавил в Третьей республике реваншистское движение, жаждавшее поквитаться с Германией за позор Седана. На пике карьеры он занимал должность военного министра. Испугавшись растущего влияния Буланже, президент отправил его в отставку, но тем лишь увеличил популярность «железного человека». Вся страна, а в особенности столица жаждали, чтобы генерал взял власть в свои руки и объявил себя диктатором. Париж конца 1880-х тосковал по «крепкой руке». (До определенной степе-

Фотопортрет работы знаменитого Надара

Премьер-министр протыкает лидеру оппозиции горло

ни на Буланже был похож наш генерал Лебедь образца 1996 года, только француз, выражаясь по-современному, имел гораздо более высокий рейтинг.)

Приключился, правда, один странный эпизод, из которого можно было бы предположить, что Буланже не настолько железен, как думают окружающие. В 1889 году он дрался на дуэли с премьер-

министром Флоке (о, трогательный девятнадцатый век!). Все ждали, что бравый генерал проткнет шестидесятилетнего шпака, как курицу вертелом. Но вышло наоборот: кабинетный червь едва не отправил великого мачо на тот свет.

Публика ужасно удивилась, но простила своему кумиру это фиаско.

Однако дальнейшие события поставили крест и на репутации, и на политической карьере генерала.

В Париже начались беспорядки. Толпа кричала под окнами у генерала: «Буланже, веди нас на Елисейский дворец!» Правительство приготовилось к бегству. Власть лежала под ногами, ждала, пока Буланже ее подберет.

Но генерал бездействовал. К толпе он так и не вышел.

На то имелась причина, вот она, на фотографии слева.

Как видите, на фам-фаталь эта женщина совсем не похожа, но Буланже любил ее много лет. Маргерит болела чахоткой, и в те мартовские дни ее состояние резко ухудшилось.

Разрываясь между двумя мирами, не в силах отойти от ложа больной, генерал упустил время.

Маргерит де Бонмэн

Его противники опомнились, выписали ордер на арест. Еще не поздно было всё повернуть, но Буланже отказался от борьбы. Сел со своей возлюбленной в поезд, уехал из страны. Собственно, даже не из страны, а из Большого Мира в малый. Движение буланжистов потерпело крах.

Маргерит угасала еще два года. Оставшись и без Большого Мира, и без малого, Буланже застрелился на ее могиле.

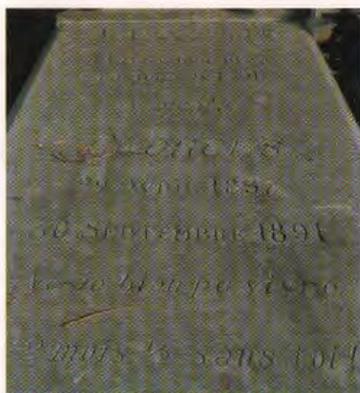
На камне, под которым теперь лежат они оба, согласно пожеланию генерала, высечены имена без фамилий и надпись: «Как я смог прожить без тебя целых два с половиной месяца?»

Всё это, конечно, очень возвышенно и трогательно, но прав был человек Большого Мира великий Клемансо, прежний соратник нежного генерала: «Умер, как жил — младшим лейтенантом».

Хотя с другой стороны, что нам, сегодняшним, до политических страстей Третьей республики? Распри буланжистов с республиканцами волнуют нас не больше, чем вражда Монтечки и Капулетти. А поступок человека, который пожертвовал всем ради того, чтобы скрасить любимой женщине последние месяцы жизни, нас волнует и сегодня, не правда ли?

Ах, как это понравилось тогдашней прессе!

Он, она, брошенное знамя и сломанная шпага — символ бесчестья

АНГЛИЯ – ЩЕДРАЯ ДУША

После поражения первой русской революции множество политэмигрантов нашли пристанище в Лондоне, потому что английские законы гарантировали защиту людям, которых преследуют за убеждения.

Но у некоторых политэмигрантов убеждения были опасными, привычки экзотическими, а представления о морали сугубо классовыми. Эсэры, большевики и в особенности анархисты имели обыкновение пополнять свои партийные кассы за счет «эксов», потому что собственность они считали кражей и руководствовались этическим кодексом Нечаева: «Нравственно всё, что способствует торжеству революции».

Либеральным принципам Британии предстояло выдержать тяжкое испытание.

Шайка (если угодно — группа пламенных бойцов революции) из российской Риги решила произвести экспроприацию драгоценностей у одного уайтчепельского ювелира. Темной ночью 16 декабря 1910 года, когда кварталу полагалось крепко почивать, взломщики начали сверлить стену. На их беду квартал был еврейский, а ночь субботняя, поэтому никто не спал и встревоженные подозрительным шумом соседи вызвали полицию.

Она немедленно приехала, застала злоумышленников на месте преступления, а дальше последовал big surprise. Вместо того чтобы сдаться или, на худой конец, смыться, наши соотечественники повели себя так же, как в подобной ситуации поступили бы на родине: достали «маузеры» и открыли пальбу.

Надо сказать, что лондонские констебли той поры не носили огнестрельного оружия — за ненадобностью. Местному преступнику не пришло бы в голову стрелять в бобби. Поэтому два сержанта и констебль были убиты и несколько полицейских ранены, а удивительные грабители унесли ноги.

Вся Англия пришла в ужас от такого неслыханного злодеяния. Это и поныне самое кровавое побоище в анналах британской полиции.

По всему Ист-Энду, где в ту пору обитало множество эмигрантов, начался грандиозный шмон. Через некоторое время выяснилось, что банда российская и состоит из «литовцев» (так английские газеты с обычным пренебрежением к племенным различиям между дикарями называли латышей), русских и евреев.

Какой-то информатор сообщил, что их логово находится в доме на Сидней-стрит.

3 января 1911 года развернулось сражение, которое у англичан вошло в историю под названием «Осада Сидней-стрит» и сравнивалось современниками с осадой Sebastopol (а у нас оно скорее вызовет ассоциацию с «Боем за избушку лесника»).

Пятьдесят полицейских, на сей раз вооруженных до зубов, окружили дом и стали стучать в дверь. Им, how strange, и не подумали открывать. Тогда они вызвали подкрепление из еще двухсот констеблей. Начали кидать в окно камешки (честное слово). В ответ из дома открыли огонь на поражение.

Войско отступило, решив, что силы неравны. К утру прибыли еще 750 полицейских, шотландские гвардейцы с пулеметом и двадцать один гвардейский снайпер.

Началась жуткая пальба, продолжавшаяся много часов. Предполагалось, что в доме засело 30 или 40 страшных русских отмозгов.

Вон он в цилиндре,
который вскоре
продырявит шальная пуля

Прибыл министр внутренних дел Уинстон Черчилль.

Министр затребовал взвод саперов и два полевых орудия.

Дом наконец загорелся, крыша обвалилась. Осада была завершена.

Внутри нашли всего два трупа (в них опознали русского еврея Якова Фогеля и латыша Фрица Сварса), а больше там никого не было. Для англичан осталось загадкой, какого черта они не сдались. (Я думаю, боевики знали, что их выдадут в Россию, а там быстренько отправят на виселицу за старые дела, поэтому пред-

почли красную смерть на миру.)

Потом был судебный процесс, где на скамье подсудимых оказались 23-летняя Nina Vassilieve и Якоб Петерс (впоследствии знаменитый чекист). Смешные англичане оправдали их за недостатком улик.

В скандализированной русским размахом Англии развернулось движение за ужесточение иммиграционного законодательства.

К черту таких борцов за свободу, писали газеты, пусть у себя дома безобразничают. Но возобладала точка зрения, которую сформулировал член парламента Джосайя Веджвуд: «Очень просто обосновать подобные меры, но они принизят качество нашей нации... Человеческие жертвы менее страшны, чем гибель идей и измена английским традициям».

Многие эмигранты последующих поколений, в том числе российских, должны быть благодарны британцам за приверженность прекраснотушным идеям и традициям.

А британцы должны быть благодарны нам за то, что начиная с 1911 года у лондонской полиции появилось право ношения огнестрельного оружия.

ДИВЕРСАНТ № 2. (ИЗ ФАЙЛА «SECOND BEST»)

Меня с давних пор занимают исторические фигуры, которые являются, так сказать, «серебряными медалистами». Это когда все внимание потомков досталось другому герою, добившемуся на том же поприще лучших результатов или больше прославившемуся по прихоти случая. Допустим, понятно, почему весь мир знает имя Юрия Гагарина, а космонавт № 2 Герман Титов известен куда меньше. Но часто бывает, что «второй номер» ни в чем не уступал первому, а может быть, даже его превосходил, однако остается в памяти последующих поколений лишь бледной тенью «золотого медалиста».

Скажем, все слышали про Отто Скорцени, которого военные историки, вне зависимости от национальной принадлежности, признают самым результативным диверсантом Второй мировой. Блестящая операция по освобождению Муссолини и личное покровительство фюрера принесли лихому австрийцу огромную прижизненную славу, а напищанные саморекламой мемуары возвели бывшего оберштурмбанфюрера в статус непревзойденного гения спецопераций, хотя на самом деле неудач у Скорцени было не меньше, чем триумфов.

А я хочу рассказать про немецкого диверсанта № 2. Не без сожаления выдаю с потрохами исторический прототип, из которого собирался слепить харизматичного злодея для «Шпионского романа-2». Сиквел у книжки, вероятно, не будет, потому что я надолго погрузился в другой литпроект (пока не скажу, какой). Так что ладно, не жалко.

«Застенчивый,
очень спокойный.
Блестящий аналитик»
(Из воспоминаний
соратника)

Познакомьтесь (кто не слышал этого имени раньше): Адриан фон Фёлькерзам, «актер второго плана» из свиты суперзвезды Скорцени, при том что результативность у Фёлькерзама была выше, а приключения не менее поразительны.

Причин, по которым этот человек малоизвестен, две: во-первых, он числился заместителем Скорцени и все лавры доставались начальнику; во-вторых, не дожил до конца войны и не имел возможности написать мемуары. Но те, кто лично знал обоих, пишут, что молчаливый, незаметный зам дал бы сто очков вперед своему хвастливому шефу.

Нам этот человек интересен еще и тем, что он был нашим соотечественником. Во всяком случае, родился в России, вырос в русскоговорящей семье и на русском говорил как на родном.

Бароны фон Фёлькерзам были остзейцами, российскими подданными еще с петровских времен.

Это их герб

Дед Адриана — русский адмирал, младший флагман печально-памятной тихоокеанской эскадры, погибшей при Цусиме. Правда, он скончался от болезни накануне баталии, но погребен завидным для моряка образом: положенный в холодильник, отправился на дно вместе с потопленным броненосцем «Ослябя».

Внук адмирала родился в Петербурге, но во время Гражданской войны семья эмигрировала, поэтому воспитывался и учился Адриан в независимой Латвии, а потом в Германии.

В 1940 году вступил добровольцем в знаменитый полк «Бранденбург-800», готовивший диверсантов для заброски на вражескую территорию. Боевым группам полка была отведена очень важная роль на первом этапе операции «Барбаросса». Маленькими отрядами

Младшие флагманы 2-й Тихоокеанской эскадры: (слева направо) контр-адмиралы Небогатов, Энквист и Фелькерзам

они просачивались в советский тыл и наносили удары по узлам связи, мостам и штабам, нарушали стратегические коммуникации, сеяли панику и так далее. Отец мне рассказывал, что в ужасные дни отступления от западной границы в наших войсках царил настоящий психоз по поводу вездесущих «парашютистов» — и вреда от этой истерики было во много раз больше, чем от самих диверсантов, которых отец ни разу так и не видел.

Лейтенант Фелькерзам возглавил ударную «Балтийскую роту», состоявшую из русскоговорящих фольксдойче, литовцев и белоэмигрантов; она натворила много всяких пакостей — например, захватила штаб целой дивизии, оставив ее без управления.

Не буду перечислять все досадные для нас фелькерзамовские военные подвиги, а остановлюсь на одном, который и сегодня фигурирует в учебниках диверсионно-разведывательных школ под названием «Майкопский рейд».

Летом 1942 года Гитлер решил, что не стоит тратить силы на взятие Москвы, а лучше повернуть удар на юг и захватить каспийскую нефть. Больше всего немцев беспокоило, что, отступая, русские подожгут промыслы, трубопроводы, нефтеочистительные сооружения и на восстановление уйдет много месяцев.

Фелькерзам получил практически невыполнимое задание: забраться в глубокий тыл противника и сберечь от разрушения нефтедобывающую инфраструктуру Майкопа.

Бойцы как бойцы. Только левый, на мой взгляд, какой-то подозрительный

Согласно немецким источникам, в июле диверсионный отряд в составе 62 человек просочился через линию фронта. Все были русскоязычные, одеты в форму НКВД; у Фёлькерзама — документы на имя майора Трухина.

По пути «Трухин» задержал беспорядочно отступающих бойцов, пристыдил за малодушие, построил в колонну. Доставка к командующему обороной Майкопа, который был рад подкреплению. В суматохе катастрофического августа 1942 года формальности не соблюдались. Генерал брал с собой «майора госбезопасности» в объезд по ключевым точкам обороны и города. Фёлькерзам постарался повсюду примелькаться.

Когда 8 августа немецкие танки приблизились к Майкопу и там началась спешная подготовка к уничтожению нефтяных объектов, диверсанты разделились на полтора десятка мобильных групп. Одна захватила центральный пункт связи, откуда передала в части приказ о срочном отступлении; несколько «пятерок» имитировали при помощи гранат артобстрел, чтобы вызвать панику; остальные разъехались по буровым и предприятиям с приказом об отмене запланированных взрывов. Если верить немецким репортажам, вся эта авантюрная, но тщательно рассчитанная механика сработала: Майкоп был оставлен без серьезного сопротивления, а буровые остались целы. Фёлькерзам получил высшую военную награду — Рыцарский крест.

Освободив из плена Муссолини, Отто Скорцени стал фаворитом Гитлера и получил возможность брать в свое спецподразделение лучших специалистов диверсионного дела. Гауптштурмфюрер (капитан) Фёлькерзам стал начальником штаба и главным помощником «человека со шрамом», занимаясь подготовкой всех важных операций. Так он разработал планы похищения маршала Петэна и убийства маршала Тито, однако эти акции в последний момент

Освободив из плена Муссолини, Отто Скорцени стал фаворитом Гитлера и получил возможность брать в свое спецподразделение лучших специалистов диверсионного дела. Гауптштурмфюрер (капитан) Фёлькерзам стал начальником штаба и главным помощником «человека со шрамом», занимаясь подготовкой всех важных операций. Так он разработал планы похищения маршала Петэна и убийства маршала Тито, однако эти акции в последний момент

были отменены. Зато в октябре 1944 г. Фёлькерзам рассчитал и провёл как по нотам фантастическую операцию «Панцерфауст». (Скорцени подробно описывает ее в своих мемуарах, переведенных на русский, но, как обычно, блистает там главным образом он сам.)

Коротко расскажу. Венгерский диктатор Хорти через своего сына вел тайные переговоры с Советским Союзом о выходе из войны.

В Будайском замке. Слева Скорцени, мой экс-прототип справа

Только что то же самое проделала Финляндия, но Финляндия была от Рейха далеко, а через Венгрию у нашей армии появился бы прямой выход к германской границе, и война закончилась бы на несколько месяцев раньше.

Диверсанты сначала напали на охрану Хорти-младшего, скрутили его, закатали в ковер и переправили самолетом в Рейх. Когда диктатор, несмотря на похищение сына, всё же объявил о выходе Венгрии из войны, отряд Скорцени-Фёлькерзама внезапным ударом захватил Будайский замок, резиденцию Хорти — почти без боя, с минимальными потерями. Хорти был смещен, во главе Венгрии встал Салаши, и война продлилась столько, сколько продлилась. (В марте 1945, за два месяца до победы, мой отец чуть не погибнет в мясорубке под Секешфехерваром — чтоб тому Фёлькерзаму провалиться с его талантами.)

Потом была масштабная диверсионная операция «Гриф» — в Арденнах, где Фёлькерзам, говоривший по-английски не хуже, чем

по-русски, вредил как мог непуганым американцам. А потом дела у Рейха стали совсем плохи, и Гитлеру пришлось забивать гвозди микроскопом.

В январе 1945 года элитный «Ягдфербанд-Ост» («Охотничий отряд — Восток») во главе с Фёлькерзамом был брошен на затыкание дыры в прорванном фронте. Против советских танков и артиллерии навыки диверсионно-разведывательного мастерства были бесполезны. Из восьмисот человек выжили пятнадцать. Пробиваясь к своим, они тащили на носилках смертельно раненого командира — это о многом говорит.

Вот такой у нас в ту войну был противник. Когда-то один счастливец, вернувшийся с фронта одноруким, зато живым, сказал мне, юнцу: «Знаешь, я не верил, что мы их победим. И сейчас не понимаю, как у нас это получилось».

Эта фраза произвела на меня большее впечатление, чем все серии киноэпопеи «Освобождение» вместе взятые. Верили — не верили, но ведь победили же.

ПЕЧАЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФРАНЦУЗОВ В РОССИИ

Когда-то в России жило много иностранцев. Одни приехали «на лошю счастья и чинов», другие просто за куском хлеба. Каждый обладал какими-то полезными знаниями (на худой конец мог просто учить своему языку) — иначе зачем бы они здесь сдались?

Многие прижились. В восемнадцатом и девятнадцатом веках Россия была приятна к европейцам. Во втором поколении семьи обрусевали, начиная с третьего — становились обычными русскими.

Но наступил двадцатый век, и Россия разлюбила соотечественников с иностранными фамилиями. Тяжкие времена для многочисленных русонемцев начались еще при царе, в 1914 году. А потом становилось только хуже. Сейчас французские, шведские или итальянские фамилии у нас большая редкость, и даже немецких, которых сто лет назад было чуть не пол-Петербурга, осталось немного.

Когда я придумывал проект «Б. Акунин», у меня была идея сделать главного героя полицейским врачом, причем непременно с какой-нибудь маленькой экзотинкой. Просматривая уголовную хронику 70-х годов девятнадцатого века, я наткнулся на имя врача московской полиции статского советника Александра Гетье, который был назван «французом». Ага, подумал я. Пожалуй, мой персонаж будет из «понаехавших». Французик из Бордо. Можно обыграть комичный конфликт с туземными нравами, галльскую жовиальность в контрасте со славянской тяжелокровностью, опять же успех у дам, смешное грассирование, эгалите-фратерните.

Я принялся искать дополнительные сведения об Александре Гетье, но попадались лишь упоминания о его потомках. Потом концепция серии поменялась (герой будет русский, но с причудливой фамилией «Фандорин»), и папка «Гетье» была заброшена.

А сейчас наткнулся на старый файл и заинтересовался — не французским уроженцем, его потомками. О них и расскажу.

Сын полицейского врача, статского советника, Федор Александрович Гетье (1863—1938) был человеком известным. Он убедил миллионщика Кузьму Солдатенкова завещать два миллиона на постройку городской больницы. В 1910 году корпуса нынешней Боткинской приняли первых пациентов. Возглавил больницу тот, чьим попечением она была основана, — Ф.А. Гетье. Он был одним из самых известных врачей-практиков своего времени. После Октября стал ведущим специалистом кремлевского Лечсанупра, пользовал многих вождей, у которых считался светилом терапии. Кроме Свердлова, Троцкого и Дзержинского доктор Гетье лечил и самого вождя, при том что Ленин терпеть не мог врачей, не подпускал их к себе. Единственный, кого он признавал и кому доверял, был Гетье.

Все помнят ужасную фотографию больного Ленина в Горках:

Полностью снимок выглядит иначе.

Думаю, что справа — доктор Гетье (верхняя фотография на соседней странице). Во всяком случае, похож.

Там произошла какая-то подозрительная история с протоколом вскрытия Ленина. Гетье подписывать этот документ почему-то отказался, что породило всякие неприятные для большевиков слухи. У медиков дореволюционной выучки были очень твердые правила

врачебной этики. Лечить доктор мог (и был обязан) всех, а вот поставить подпись под сомнительным документом — ни в коем случае. Впоследствии, после опалы Троцкого, слишком принципиальный Гетье был убран из большевистских лейб-медиков.

У Федора Александровича было двое детей. Их биографии тоже не вполне обычны.

Дочь Наталья (1892—1973), знаменитая красавица и спортсменка, перед Первой мировой была чемпионкой Москвы по теннису и состояла в Клубе лыжников. Записалась в сестры милосердия, была на фронте, получила Георгиевский крест (таких женщин очень немного). Всех поразив, вышла замуж за некрасивого офицера с сильным заиканием, поручика Любченко, и вместе с ним воевала в Белой армии. В эмиграции сначала жила в Болгарии, где вновь стала теннисной чемпионкой. Потом оказалась во Франции. Работала медсестрой, дружила с Буниными. Ее фотографии я, к сожалению, не нашел. Пишут, что Наталья Федоровна оставила неопубликованные мемуары. Почитать бы.

От ее брата Александра Федоровича (1893—1938) фотография осталась, но странная:

Он тоже был спортсмен, но любил не теннис, а бокс. Окончил военное училище, воевал с немцами, потом с красными. Отец выхлопотал бывшему белогвардейцу помилование у своего пациента Дзержинского.

Александр Федорович — один из создателей отечественной боксерской школы. Он был тренером, автором нескольких книг по боксу. Но в 30-е годы страстно увлекся альпинизмом. На фотографии он запечатлен по время знаменитого восхождения на Пик Сталина (7495 м).

В декабре 1937 года спортсмена арестовали и почти сразу расстреляли. Удивляться нечему: бывший офицер, «белый», с иностранной фамилией. К тому же чекистов ни с того ни с сего вдруг охватила параноидальная ненависть к альпинистам — их почти всех тогда репрессировали.

Старый доктор не пережил смерти своего замечательного сына. А дочь, как мы знаем, к тому времени давно уже вернулась обратно на родину предков.

«Россия, которую мы потеряли», говорите? Мы за последний век много России потеряли. В том числе и такую.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ВЕСЕЛОГО ЧЕЛОВЕКА

Впервые я наткнулся на это имя, читая воспоминания Сергея Волконского (бывшего директора императорских театров) о революционных годах:

«Один случай мне рассказывали. Был в Москве приговорён к расстрелу некто Виленкин. В то время расстреливали в Петровском парке. Когда его поставили, тот, кто командовал расстрелом, вдруг узнаёт в нём своего бывшего товарища. Он подходит к нему проститься и говорит:

— Уж ты, Саша, извини их, если они не сразу тебя убьют: они сегодня в первый раз расстреливают.

— Ну, прости и ты меня, если я не сразу упаду: меня тоже сегодня в первый раз расстреливают...»

Дорогого стоит, когда человек не теряет юмора перед расстрельным взводом, подумал я тогда и наверняка забыл бы не слишком приметную фамилию, если бы по случайности вскоре не наткнулся на нее опять в мемуарах гусара Владимира Литтауэра. Тот влюбленно пишет о солдате своего полка Виленкине, «романтике и поэте», который сочинил веселые стихи и отличался невероятной храбростью — получил семь из восьми возможных наград, причем от восьмой несколько раз отказывался, чтобы не слишком выделяться. Литтауэр, сам бравый офицер, с восхищением рассказывает, как весельчак, получив рану, начал немедленно сочинять стишок про это героическое событие, или как под ураганным огнем, когда все ждали смерти, Виленкин предложил полковнику шоколадку и был послан к черту.

Тут я заинтересовался этим шутником всерьез.

Оказалось, что человек он довольно известный: его поминают Роман Гуль, Ходасевич, Солженицын — и все самым приятным образом. (В «Википедии», кто заинтересуется, есть отсылки на две хорошие и подробные биографические статьи.)

Нижний чин гусарского полка

← Знакомьтесь: нестандартный гусар Александр Абрамович Виленкин.

Почему нестандартный — понятно, да? Еврей, и вдруг гусар. Чудно.

С чего вдруг иудея, студента-белоподкладочника, сына купца первой гильдии, понесло в кавалеристы, совершенно непонятно. Семья была богатая, интеллигентная. Александр закончил с медалью (по тем временам большая редкость для еврея) знаменитую Царскосельскую гимназию, классным наставником у него был замечательный поэт Иннокентий Анненский. А потом, уйдя из Петербургского университета, зачем-то поступил вольноопределяющимся в Сумский гусарский полк. Вначале не знал, с какой стороны к лошади подхо-

дят, но потом освоил все кавалерийские премудрости и стал любимцем полка. Ставил смешные спектакли, однополчане распевали сочиненные им песенки. Офицерского звания не выслужил — для этого требовалось сначала креститься. Виленкин был нерелигиозен, но менять вероисповедание не пожелал. Всякий человек русского воспитания, но еврейской крови оказывался тогда перед серьезным искушением: прими христианство, и все двери перед тобой откроются. Но чувство собственного достоинства мешало пойти на сделку с совестью. Уверовал — тогда да, а просто так, на холодную голову, стыдно. Старший брат Александра, крупный дипломат, повел себя точно так же: редкий случай, когда чиновник получил генеральский чин, дававший права потомственного дворянства, но дворянином так и не стал по причине «неправильной» веры.

Отслужив в кавалерии, Александр окончил юридический факультет и стал адвокатом. Участвовал во многих политических процессах, считался блестящим судебным оратором. Правда, репутации серьезного юриста несколько мешали слишком живой нрав и чрезмерное увлечение модой — Виленкин слыл первым московским шеголем.

Война застала его в столице дендизма, Лондоне, где Александр вполне мог бы спокойно досидеть до конца войны, но уже через три недели он на фронте, в прежнем полку, связь с которым не терял все минувшие годы. Несколько раз был ранен, заслужил полный «георгиевский бант», но так и оставался унтер-офицером. Лишь после Февральской революции, отменившей дискриминацию, Виленкин получил первую звезду, а к осени имел уже четыре.

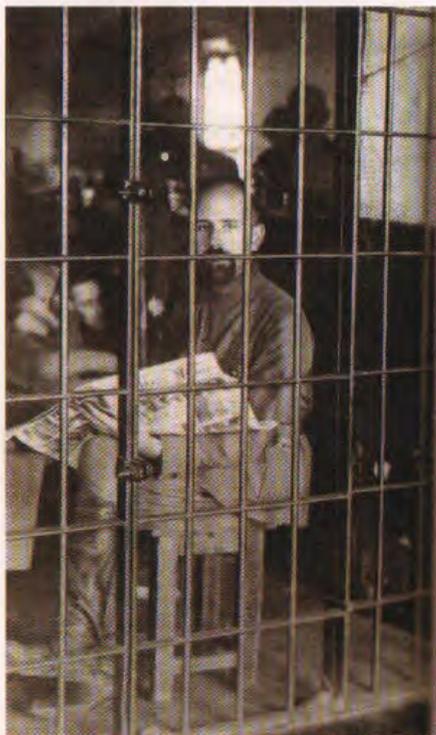
Боевые награды, отсутствие какого бы то ни было заискивания перед толпой, а главное — ораторское остроумие сделали Виленкина очень популярным среди солдат. Его выбрали председателем армейского солдатского комитета (то есть на должность, стоявшую уровнем с командармом). И это при том, что Виленкин был членом непопулярной на фронте кадетской партии и вообще сторонником строгой дисциплины.

После развала фронта Александр стал одним из руководителей «Союза евреев-воинов», объединявшего ветеранов иудейского происхождения. Большевики объявили, что Россия выходит из войны, и многие члены Союза уезжали, чтобы сражаться дальше в рядах английской армии.

Однако Виленкина больше волновала судьба России. Он вступил в подпольный «Союз защиты Родины и Свободы», где возглавил кавалерийский центр. В мае 1918 года, после доноса, чекисты арестовали офицеров, входивших в эту организацию. Виленкина взяли не сразу, он мог бежать, но задержался, чтобы уничтожить документы, которые могли бы выдать товарищей, и упустил время.

Штабс-ротмистр
Виленкин, теперь
с офицерским
«Георгием»

В Таганской тюрьме

Сидел он в Таганской тюрьме, где сильно облегчал жизнь товарищам по несчастью: обучал их английскому, помогал выстраивать линию защиты, устраивал шахматные турниры, выпускал юмористическую газету и даже затеял какое-то кабаре.

Большевики долго не решались его расстрелять — многие из них помнили, как при старом режиме он защищал их в суде. Сам Дзержинский распорядился Виленкина не трогать — но и не выпускать.

На следствии участники заговора вели себя по-разному. Многие выдавали сообщников. Виленкин не назвал ни одного имени.

Как-то раз ему объявили, что смертный приговор вынесен и завтра

будет приведен в исполнение. Он написал прощальное стихотворение:

*От пуль не прятался в кустах.
Не смерть, но трусость презирая,
Я жил с улыбкой на устах
И улыбался, умирая.*

Виленкина поставили перед ямой, дали залп в воздух — оказывается, это была попытка побудить его к даче показаний. Не сработало. (Значит, в Петровском парке его все-таки расстреливали не в первый раз, опыт уже имелся.)

Чекистские цирлихи-манирлихи со следствием и прочими юридическими формальностями закончились, когда был объявлен «красный террор». Тут уж не помог и запрет Дзержинского.

5 сентября 1918 года, в первый же день массовых казней, Виленкина увезли расстреливать, теперь уже по-настоящему. Как он вел себя перед смертью, мы знаем. Это была не бравада, а всё то же ЧСД (чувство собственного достоинства). В прощальном письме сестрам Александр шутить не пытается: «Тяжело умирать, когда вся жизнь не прожита, когда многое еще впереди и три года войны остались позади — но я не боюсь смерти и буду спать так же спокойно, как и каждую ночь... Моя совесть чиста, поскольку я никогда не совершал бесчестных поступков и, смотря в лицо смерти, не поддался соблазну купить себе жизнь за счет других».

Те, кто читал мой роман «Аристонмия», знают, что у меня большие проблемы с выбором моей стороны на Гражданской войне. Обе стороны мои — и не мои. И красные, и белые вызывают у меня сложное чувство, в котором восхищение смешивается с отвращением, и всех жалко. Поэтому история, которую я вам рассказал, не про героического борца с большевистской чумой. Это история про редкую и драгоценную вещь — легкое, ненатужное мужество. Таких людей очень мало, они почти всегда гибнут молодыми. Без них жить на свете было бы тошнее и страшнее.

БРАТЬЯ И РАЗБОЙНИКИ

Знаете ли вы, что одну из самых уважаемых в мире полиций, британскую, в свое время основали двое людей, казалось бы, совершенно не приспособленных для подобного рода начинаний? Удивительно не то, что они были братьями, а то, кем были эти братья.

Старшего, Генри Филдинга (1707–1754), вы знаете: он был писателем, автором «Истории Тома Джонса, найденыша» — на мой взгляд, это первый роман, который и сегодня можно читать с удовольствием, без скидки на год написания. В свободное от сочинительства время Генри Филдинг исполнял обязанности судьи.

Взгляд лукавый, совсем не судейский

В Англии середины XVIII века эта должность предписывала не только судить преступников, но и способствовать их поимке. С этим в Лондоне было плохо. То есть, с преступниками-то хорошо, они просто кишмя кишели, грабили обывателей прямо среди бела дня, а вот с поимкой — плохо. Со всем никак. В городе с полумиллионным населением не существовало полиции. Констеблей выбирали по жребию, как сейчас

присяжных. Приличные люди этой повинностью брезговали, нанимали вместо себя всяких бродяг. Таких «народных дружинников» следовало опасаться не меньше, чем откровенных разбойников.

Писателям иногда приходят в голову странные фантазии. Вот и Генри Филдинг придумал невиданную штуку: профессиональную полицию.

Власти сначала покрутили пальцем у виска, но писатель был человек настойчивый, с хорошими связями. В конце концов ему ассигновали сумму, на которую можно было содержать целых 6 (шесть) сыщиков. Работы у них было так много, что они носились по городу с утра до вечера и с вечера до утра, а поскольку контора судьи Филдинга находилась на Боу-стрит, первых полицейских прозвали «бегунами с Боу-стрит».

К сожалению, Генри Филдинг так и остался в истории британской полиции лишь «автором оригинальной идеи». Применить ее на практике он не успел — умер. Продолжил дело его младший брат Джон, унаследовавший судейское звание и кабинет на Боу-стрит.

Если беллетрист кажется вам мало-подходящей фигурой для столь серьезного дела, как создание профессионального правоохранительного ведомства, то Джон Филдинг на роль борца с преступностью и вовсе не годился.

Дело в том, что он был слепой. В юности, служа в королевском флоте, получил травму головы и лишился зрения.

Это был уникальный человек. Он использовал «бегунов» в качестве своих «рук» и «ног», а сам исполнял функцию мозга. Никто лучше «Слепого Клюва» (так его прозвали преступники) не умел проводить допросы. Обла-

Джон Таунсенд, самый знаменитый из «бегунов», первый настоящий сыщик

Джон Филдинг (1713—1780). На лбу у него была черная повязка, в руке — неизменный хлыстик

дая феноменальным слухом, Джон держал в памяти целую аудиотеку — различал голоса трех тысяч уголовников.

Многие приемы, считающиеся азбукой криминалистики, впервые были введены и опробованы слепым судьей. Он первым стал печатать в газетах приметы находящихся в розыске преступников; завел картотеку; стал устраивать опознания и очные ставки. На судебные заседания Джона Филдинга публика собиралась, как на спектакли.

Это он в английском сериале
«Город порока»

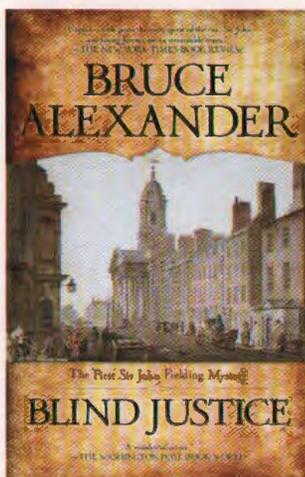
За какие-то два года «Слепой Ключ» избавил Лондон от организованной преступности. В 1763 году он создал первый отряд конной полиции, всего-навсего десять человек, но и этого оказалось достаточно, чтобы на улицах столицы совершенно прекратился дневной разбой (а ночью порядочным людям выходить из дому все равно незачем).

Впервые прочитав про слепого начальника полиции, я подумал: вот отличный персонаж для исторического детектива!

Но вскоре выяснил, что таких умных и без меня полно. Про Джона Филдинга сняты и фильмы, и телесериалы.

А писатель Брюс Александер сочинил целый цикл детективных романов «Тайны сэра Джона Филдинга».

В общем, и слава, и интерес потомков достались младшему брату, а старший так и остался автором «Тома Джонса». Хотя, может быть, его бы это только порадовало.

ЖЕНЩИНА, У КОТОРОЙ ЛОПНУЛО ТЕРПЕНИЕ

Десять с лишним лет назад я сочинял роман, для которого мне была нужна молодая злодейка — такая, чтоб могла заткнуть за пояс любого мужчину, а убийства совершала бы с грациозной легкостью кошки, ловящей муху. Как раз в это время, будто по заказу, в международных новостях замелькало имя индийской «Королевы бандитов», и я решил: вот мой источник вдохновения. Десятки трупов, полсотни уголовных дел — шутка ли?

Но когда углубился в тему, понял: нет, это совсем другая история. И совсем про другое. Не про хладнокровную художницу смерти, а про женщину, у которой однажды лопнуло терпение. Помню, как, ознакомившись с биографией Пхулан Деви, я впервые испытал нечто вроде симпатии к воинствующему, экстремистскому феминизму.

Впрочем, не думаю, что она считала себя феминисткой и вообще знала столь мудреное слово. Эта женщина даже не умела читать.

Она родилась в 1963 году в нищей деревеньке индийского штата Уттар-Прадеш, где людей живет в полтора раза больше, чем во всей России. Семья принадлежала к одной из низших каст — маллахов (рыбаков). С женщинами в этой среде обращались примерно так же, как с домашней скотиной.

Девочка с раннего возраста отличалась независимым нравом, что само по себе большая редкость. Родственники избавились от строптивицы, выдав ее, одиннадцатилетнюю, замуж в дальнюю деревню. Обменяли на корову и велосипед.

Мало того, что Пхулан была ребенком, а муж — не первой молодости. Он еще и оказался редкой сволочью: и бил, и насиловал. Из-за этого она так и не выросла, осталась ростом метр сорок с чем-то сантиметров.

Когда Пхулан убегала, родственники доставляли ее обратно, на расправу. Так продолжалось три года. Невероятно, но девочка все-таки сумела настоять на своем: в конце концов муж плюнул и выгнал ее прочь.

Так она попала из одной беды в другую. Изгнанная жена считалась в родной общине опозоренной, почти неприкасаемой. Никто не стал заступаться за Пхулан, когда ее обворовал двоюродный брат. Она пожаловалась в полицию — и сама угодила за решетку. Три дня ее избивали и насиловали. С этого момента она стала мужененавистницей.

Но и это было еще не худшее из несчастий, которые приготовила ей судьба. В шестнадцать лет девушку похитила шайка бандита Бабу Гуджара. Сначала всё было предсказуемо: несколько дней главарь

Пхулан Деви

измывался над пленницей. Потом произошло чудо. Один из разбойников, не выдержав, пристрелил мерзавца и — еще одно чудо — не ради того, чтобы попользоваться самому, а из сострадания.

Очевидно, Пхулан впервые в жизни поняла, что не все мужчины — исчадия ада. Она влюбилась в этого человека (его звали Викрам Маллах), а поскольку никакого другого ремесла кроме бандитизма ее любимый не знал, Пхулан тоже стала налетчицей. Смелости ей было не занимать, владеть оружием она научилась быстро, и тут у девушки началась совсем другая жизнь.

Шайка грабила поезда, нападала на деревни, жители которых принадлежали к привилегированным кастам, брала в заложники

богатых землевладельцев. Поразительно, что вся эта ковбойско-махновская эпопея разворачивалась в современной Индии.

Не преминула Пхулан навестить и своего драгоценного муженька. Выволокла из дома, пырнула ножом — но не до смерти. Убивать она станет позже, после новых потрясений.

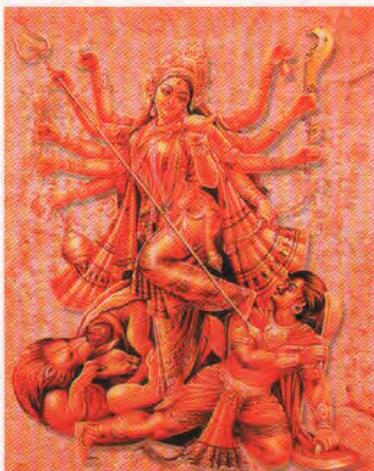
Любовная идиллия разбойницы длилась недолго. Двое участников шайки убили Викрама, а его жену отвезли в свою деревню Бехмай. Семнадцатилетнюю Пхулат держали взаперти. Деревенские мужчины насильовали ее день за днем и всё не могли насытиться. Ее водили голой по улицам, осыпали оскорблениями. Продолжалось это три недели. Потом девушке удалось убежать.

Пройдя через всё это, потеряв любимого, она будто стала другим человеком. Собрала новую шайку и сама ее возглавила (поразительное явление для Индии). Объявила себя служительницей Дурги, богини разрушения и смерти.

14 февраля 1981 года банда, переодетая в полицейскую форму, ворвалась в деревню Бехмай — ту самую. Хватали всех мужчин. Кто-то из них был в числе обидчиков Пхулан, кто-то нет. «Королева бандитов» (так ее прозвала пресса) отдавала приказы через мегафон. 22 человека были расстреляны.

От этой бойни содрогнулась вся Индия. Полиция устроила несколько больших облав, но поймать шайку не смогла.

Еще целых два года Пхулан Деви терроризировала богатые деревни, не трогая людей из низших каст, из-за чего заслужила репутацию индийского «Робин Гуда». В конце концов сама Индира Ганди — женщина, сумевшая доказать свое превосходство над мужчинами совсем другим способом, — предложила разбойнице сдаться в обмен на снисхождение.

Кто пригодился в прототипы моей Жанны Богомоловой — так это Дурга

Пхулан выторговала членам своей банды небольшие сроки и на публичной церемонии, в присутствии десяти тысяч зрителей, сложила оружие перед портретом Махатмы Ганди.

«Королева бандитов» и ее люди сдаются (почему у двоих на газетном снимке замазаны лица, не знаю)

Следствие по ее делу (вернее, 48 делам) длилось одиннадцать лет. Всё это время Пхулан находилась в тюрьме. Там представители сильного пола поглумились над ее телом еще раз: во время гинекологической операции хирург нарочно удалил ей яичники, заявив, что «нечего плодить новых Пхулан Деви».

Тем временем «Королева бандитов» стала международной звездой. Про нее писали книги, даже вышел художественный фильм, имевший успех.

В конце концов ее помиловали — несмотря на все преступления, общественное мнение было на стороне Пхулан Деви.

После освобождения бывшая разбойница (ей было едва за тридцать) перестала поклоняться богине смерти и приняла буддизм. Создала партию, защищающую представителей низших каст. Стала депутатом парламента, вышла замуж.

Но хеппи-энда у этой даже не голливудской, а болливудской истории не вышло.

Защищать права можно не только с винтовкой, но и с микрофоном

21 июля 2001 года, как раз когда я мучился в поисках женщины-убийцы, на Пхулан Деву около ее дома напали трое мужчин в масках. Всадили пять пуль, застрелили телохранителя.

Кажется, это была месть за расстрел в деревне Бехмай.

Нет, считать злодейкой эту женщину я не согласен. Она, конечно, поступила чудовищно, когда схватила и расстреляла всех тех мужчин из деревни Бехмай, не разбирая, кто прав, кто виноват. Хотя вообще-то все они виноваты. Потому что три недели наблюдали за происходящим — и никто не заступился.

Знаю, что я не прав. Но на месте правительства я бы эту женщину тоже в конце концов помиловал.

А вы?

Ужасная жизнь, ужасная смерть

ПИСАТЕЛЬСКОЕ ПРИВИДЕНИЕ

Я сейчас читаю замечательно интересные мемуары Н. Волкова-Муромцева, и попалась мне там вот такая история из 1878 года (граф Стенбок-Фермор — это дядя автора):

«...Пришло известие в Петербург о перемирии в Турецкую войну, Стенбок-Ферморы дали бал, чтобы это отпраздновать. Муж был на войне под Адрианополем. Вдруг камердинер вошел в залу и донес графине, что приехал граф. Через несколько минут открылась дверь, и вошел Стенбок-Фермор в сильно запыленной шинели, улыбнулся гостям, махнул рукой и прошел в частную часть дома. Жена сейчас же побежала за ним. Он вошел в спальню детей, посмотрел на них улыбаясь и вдруг исчез. Через день пришла телеграмма, что он был убит под Адрианополем именно в это время какими-то турками, которые не слышали о перемирии. Его видела [во время бала] масса народу...»

Мемуарист — не мистик, а человек в высшей степени здраво-мыслящий, практического склада. Таинственную семейную историю он пересказывает без комментариев — словно оставляет за скобками нормального бытия.

Точно так же реагирую и я, когда сталкиваюсь с каким-нибудь явлением, отчетливо папахивающим мистикой. Я нерелигиозен, в чудеса не верю, но когда они случаются (а изредка они таки случаются), отношусь к ним с осторожным почтением. Мне, в общем, ясно, что *there are more things in heaven and earth*, чем меня учили на школьных уроках физики, однако что с этим делать, я не знаю.

При этом я очень четко разделяю мистические происшествия на две категории: со свидетелями и без. Вторая группа меня интересует меньше. Мало ли что мне могло привидеться в полусне, на ночной дороге или при высокой температуре? Другое дело, когда одну и ту же непонятницу вместе со мной видел кто-то еще.

Пожалуй, только раз в жизни я наблюдал нечто призракообразное в присутствии другого человека. История эта не особенно захватывающая, но зато абсолютно правдивая.

Лет двадцать назад я был гостем одного почтенного японского издательства и проживал в «консерве». «Консервой» назывался старый особнячок, окруженный садом. Издательство имело право «засадить в консерву» писателя, нарушившего контракт.

Японцы, как известно, народ дисциплинированный и пунктуальный. Но японские писатели — прежде всего писатели, а уж потом японцы. И ведут они себя, как все другие писатели: пьют, дерутся, безобразничают, жалуются на отсутствие вдохновения, хапают авансы и не сдают тексты в срок. В последнем случае издательство и может посадить штрафника в «консерву».

Там вообще-то рай. Тишина, покой, во всем доме ни души, кроме ангелоподобной бабушки, которая все время кланяется и кормит деликатесами — только выпить не дает. На первом этаже мышкой сидит редактор. Следит, чтобы писатель работал, и забирает у него готовые страницы. Дверь на электронном замке, да еще с инфракрасными лучами. Если писатель попытается сбежать через окно (такое бывает часто), срабатывает сигнализация.

Стало быть, жили мы с женой в этом писательском элизиуме — не как арестанты, а просто как гости. С правом гулять и выпивать.

Ой! Спокойно. Призраков не существует

Как-то раз ночью просыпаюсь от непонятного звука. Открываю глаза — вижу, жена тоже проснулась. «Ой, — говорит. — Смотри! Что это?»

По потолку очень медленно двигалось круглое освещенное пятно.

«Хозяйка по саду с фонариком ходит. Спи», — говорю.

«Никто там не ходит», — отвечает жена.

И действительно, никто в саду не ходил. И никакой луч к пятну не тянулся. Просто блуждающий круг света, и всё.

При этом загадочный ореол плавно ползал прямо над нашей кроватью, будто изучая нас.

Никакой жути мы не испытывали — лишь любопытство.

Так продолжалось несколько минут, потом свет исчез.

Мы обсудили загадочное явление.

Японские привидения бывают — не приведи Амаатерасу

Я предположил, что в этом странном доме за без малого сто лет ночевало столько разных писателей с раздерганной душой, столько всяких суицидных Акутагав и Кавабат с Мисимами, что здесь просто не могло не завестись какое-нибудь специальное писательское привидение.

Осмотрело оно нас, увидело, что мы не его клиентура, разговаривать с нами не о чем, а чем пугать — непонятно, да и растаяло. Другого объяснения загадочного феномена

у меня не было тогда и нет сейчас.

Вот и вся история. Нестрашная и без разгадки.

А случались ли мистические вещи с вами? Не с кем-то, а именно с вами. И при свидетелях. Групповые галлюцинации тоже годятся.

ПОРНОКРАТИЯ

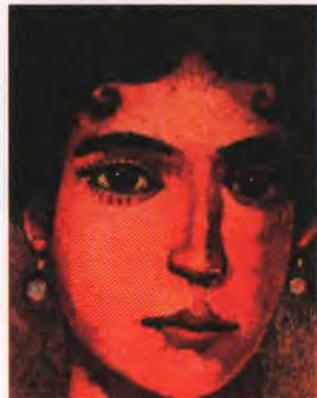
Ужасно понравилось слово. Оно означает «Правление шлюх». Я наткнулся на этот чудесный термин, которого раньше, к своему стыду, не знал, изучая историю X века (это мне нужно для проекта, над которым я сейчас работаю).

Rpornocrazia — период в истории христианской церкви, когда Святейший Престол погряз в неопикуемой коррупци и отвратительном разврате. Авторитет духовной и светской власти в Риме был втопан в грязь, престиж религии пал так низко, что, казалось, ей уже не возродиться.

В это время Вечным Городом правила патрицианская семья Теофилактов, назначавшая пап по собственной прихоти. Двенадцать понтификов, один мерзее другого, сменили друг друга, прежде чем закончилась эта вакханалия. На протяжении шестидесяти лет четыре поколения Семьи открыто торговали церковными должностями, предавались всевозможным порокам и извращениям, убивали неугодных — и проделывали всё это, никого и ничего не стеснясь. Близ папского престола и раньше свершалось немало злодейств, но никогда еще власть не вела себя с таким поразительным бесстыдством.

Главная звезда эпохи — красавица Марозия: любовница Сергия III и Льва VI, убийца Иоанна X, мать Иоанна XI и бабка Иоанна XII.

Эта дама, наградившая себя небывалыми прежде титулами патрициии и сена-

Пап много, она одна

триссы, была свергнута и посажена в темницу собственным сыном.

В конце концов от бесконтрольности порнократический режим дошел до окончательного маразма и сам себя угробил. Внук Марозии был провозглашен папой в восемнадцатилетнем (по некоторым источникам даже в шестнадцатилетнем) возрасте под именем Иоанна XII. Милый юноша превратил папский дворец в самый настоящий бордель, где постоянно проживали сотни блудниц. В этот гарем входили собственные сестры его святейшества.

Даже сан епископа можно было приобрести — однажды князем церкви сделали десятилетнего мальчика. Молиться папа не любил, бравировал богохульствами, а нрав имел обидчивый. Своего духовника, например, велел ослепить. Вице-канцлера, находившегося в кардинальском звании, приказал кастрировать, а потом прикончить.

Преставился Иоанн XII в двадцатисемилетнем возрасте, во время прелюбодейственных упражнений — согласно преданию, его прикончил муж-рогоносец.

Сильно же надо было истаскаться, чтобы так выглядеть в 27 лет

На этом впечатляющем аккорде Порнократия закончилась. Римская церковь начала зализывать раны и потихоньку восстанавливать загубленную репутацию. На это ушли долгие годы.

Если кто-то подумал, что это я делаю жирные намеки на бесстыдство российской властной элиты, то напрасно. Захотел бы — написал бы прямым текстом.

Просто действительно термин понравился.

БЕЛЫЕ АМАЗОНКИ

Черт его знает, почему убитых на войне женщин должно быть жальче, чем мужчин. Но почему-то жальче. Может, оттого, что кашу всегда завариваем мы, а когда оказываемся недюжи, на помощь приходят они — идейные, или любящие, или просто экзальтированные, но в любом случае самоотверженные. Воюют они чаще всего неумело, врагов убивают плохо, а сами гибнут легко и быстро, как летящие на огонь мотыльки. И поэтому их невыносимо жалко.

Я недавно про это целую повесть написал — про женские батальоны смерти, прекрасную и постыдную страницу нашей военной истории (прекрасную для российских женщин и постыдную для российских мужчин). В повесть попала малая толика материалов, которые я собрал в ходе подготовки, — лишь про события 1917 года. Но, начав читать про русских амазонок, я уже не мог остановиться. Хотелось узнать, как сложились их судьбы дальше, в еще более жестокие времена.

Судьбы сложились грустно. Большинству патриоток, откликнувшихся на призыв Марии Бочкаревой, пришлось воевать не с германцами, а со своими — на Гражданской.

Известно, что в Красной армии женщин было много: комиссарши, комсомолки, пулеметчицы, санитарки, чекистки, просто бойцы. У большевиков они считались равноправными товарищами, а коли ты равноправная — никаких поблажек. Тащи мужскую ношу и не рассчитывай на джентльменство. Моя бабушка 1899 года рож-

дения тоже воевала у красных. В детстве я замороженно щупал осколок от белоказачьего снаряда, засевший у нее в локте, — это было прикосновение к истории.

Но моя бабушка, как и большинство красноармеек, была пролетарского происхождения. Сирота, выросла «в людях». Таким было легче привыкнуть к лишениям, грязи, вшам, грубой фронтовой жизни. Бабушка рассказывала мне о простоте солдатских нравов безо всякого осуждения, даже со смехом.

Намного тяжелей пришлось тургеневским барышням, оказавшимся по другую сторону. Да и участь у них, проигравших войну, была трагичней.

Их, женщин Белой армии (да простит меня бабушка-большевичка), я и хочу вам показать. Просто посмотрите на эти лица.

Помню, как я начал выуживать их по всему Интернету в процес-

се работы над повестью — и не мог остановиться. Если было известно имя, пытался выяснить биографию. Иногда удавалось.

Я тогда не записывал, откуда беру снимки, а теперь не восстановишь. Прошу извинения у первоначальных публикаторов.

В 1917 году Александровское военное училище выпустило 25 девушек-прапорщиков. Одна погибла тогда же, когда был сделан этот снимок — во время московских уличных боев; почти все остальные ушли к белым. Девять были убиты на Гражданской войне. Еще две застрелились вскоре после ее окончания.

Девушки-прапорщики.
Москва, ноябрь 1917 г.

Первый ряд (слева направо): Виденек,
З. Реформатская, Н. Заборская.
Сзади: А. Кочергина,
З. Свирчевская, З. Готгард

Из тех, кого вы видите на снимке, ничего не нашел о прапорщике Виденек (даже имени не знаю) — кроме того, что она участвовала в корниловском «Ледяном походе».

Зинаида Реформатская была несколько раз ранена. Дожила до старости, умерла в США.

Подпоручик Надежда Заборская застрелилась в Парагвае.

Антонина Кочергина воевала у Деникина и Врангеля. Эмигрировала.

Зинаида Свирчевская была командирована с юга в Москву с секретным заданием. Схвачена, расстреляна.

Подпоручик Зинаида Готгард застрелилась в Югославии.

Две из них есть и на другой фотографии:

Справа сидит Зинаида Готгард (та, что застрелилась в Югославии).

Стоит Надежда Заборская (тоже застрелилась. В Асунсьоне, прости господи). Полулежит вольноопределяющаяся Валентина Лозовская (между прочим, в будущем — жена знаменитого певца Юрия Морфесси).

А как вам вот это лицо?

Из воспоминаний А.Г. Невзорова, участника «Ледяного похода»:

«Вопрос о пулеметах и артиллерии нас забавил. Но с пулеметами дело решилось просто: к нам явились две женщины-прапорщика с двумя пулеметами Максима. Они уже были в боях, и одна из них была легко ранена в руку. Тем, как держали себя эти два прапорщика, можно было только восторгаться: они спокойно лежали

Врангелевский Крым.
Октябрь 1920 г.

Мария Мерсье

Супруги Бузун.
Снимок 1919 года

за своими «максимами» и по приказанию открывали огонь./.../Это были сестры Мерсье. Вера и Мария Мерсье окончили в 1917 г. Александровское военное училище и были произведены в прапорщики. С ноября 1917 г. находились в Добровольческой армии и участвовали в 1-м Кубанском («Ледяном») походе в составе пулеметной роты Корниловского ударного полка. Вера погибла в этом походе, а Мария продолжала служить в армии и была убита в 1919 г. под Воронежем».

Посмотрите на эту супружескую пару (жена с «Георгием» и орденом за «Ледяной поход», муж — без наград):

Красавица с кинжалом — Ванда Бузун, батальонный адъютант (Алексеев-

ский полк). Рядом ее муж штабс-капитан Петр Бузун, командир того же батальона.

В следующем посте расскажу про трех самых известных «белых амазонок»: одна — романтическая героиня, другая — верная подруга, третья — неистовая воительница.

БЕЛЫЕ АМАЗОНКИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

Это нежное создание, баронесса Софья де Бодэ, запомнилась многим, кто видел ее на Гражданской войне или просто слышал о ней.

Она происходила из давно обрусевшей французской семьи, вроде тех, о которых я недавно писал. Из сильно романтизированной биографической справки можно узнать, что Софья де Бодэ — выпускница Смольного института благородных девиц, во время Первой мировой отправилась на войну и служила под командой отца в конной разведке.

Отчество Софии мне неизвестно. Баронов де Бодэ в армии было двое. Полагаю, речь идет об Августине Клементьевиче (1871—1915), бывшем военном атташе в Вашингтоне. На фронте он командовал полком и пал в бою.

Думаю, впрочем, что история про разведку относится к области мифов: к отцу Софья ездила, казаком наряжалась и на коне скакала, но в разведке служила вряд ли. В 1915 году это было бы такой экзотикой, что о юной кавалерист-девице раструбили бы все газеты.

Мужской наряд пока еще маскарадный, à la cosaque

Отношение к женщинам-военным стало меняться лишь с весны 1917 года, когда Мария Бочкарева призвала соотечественниц взять в руки оружие. Одной из тех, кто с энтузиазмом откликнулся на этот зов, была Софья Бодэ. Она записалась в женский батальон смерти, а потом попала на офицерские курсы при Александровском училище — вместе с 24 другими девушками (см. предыдущий пост).

Кадр кинохроники (нашел в YouTube), снимавшей летом семнадцатого года принятие присяги на Красной площади, выхватил из шеренги вольноопределяющуюся Бодэ — она оглянулась на камеру. Посмотрите, как она изменилась: усталое лицо, вместо кокетливой бекешки — простая солдатская гимнастерка. Уж не знаю, как ей удалось сохранить волосы, ведь доброволок стригли под ноль.

Маскарадные времена закончились. Теперь все будет по-другому: кроваво и жестоко.

В октябре она вместе с другими выпускницами надела погоны прапорщика.

«Молоденькая, красивая девушка с круглым лицом, с круглыми голубыми глазами в своем военном мундире прапорщика казалась нарядным и стройным мальчиком. Дочь русского генерала, воспитанная в военной

среде, она не поддельвалась под офицера, а усвоила себе все военные приемы естественно, как если бы она была мужчиной...» — пишет один из мемуаристов, видевший Софью в то время.

Меньше чем через месяц произошла революция. В отличие от Петрограда, Москва упорно сопротивлялась большевистскому перевороту. Кровавые бои продолжались несколько дней. Софья командовала отрядом юнкеров, в бою у Никитских ворот была ранена в ногу.

Едва лишь зародилось корниловское движение — уехала из Москвы на юг.

Участвовала в отчаянном «Ледяном походе», откуда мало кто вернулся живым. Софья мелькает в воспоминаниях генерала Богаевского: «Спустя полчаса ко мне подлетает карьером одетая в черкеску баронесса Боде, служившая ординарцем в нашей коннице, отчаянно храбрая молодая женщина, впоследствии убитая во время атаки генерала Эрдели под Екатеринодаром, и докладывает, что генерал Корнилов посылает мне свой последний резерв: два эскадрона конницы. Вдали рысью шла за ней конная колонна».

Конная бригада Эрдели понесла тяжелые потери в бою 13 марта 1918 года — это и есть дата смерти Софьи Боде. Она погибла в самом начале страшной войны, но запомнили ее лучше, чем других девушек-прапорщиков. Баронесса де Боде — единственная, у кого был титул, и в кавалерию из выпускниц Александровского училища попала только она.

Офицер-эмигрант Виктор Ларионов вывел ее под именем княжны Черкасской в своем романе «Последние юнкера»: «И вот в первых же боях она показала себя не только лихим, но и смышленным, распорядительным бойцом, способным понимать обстановку и командовать другими. Ее все полюбили, заботились о ней подчас трогательно, но, к сожалению, не могли удержать ее боевых порывов. Она как бы искала смерти... И нашла ее под Матвеевым курганом, когда два орудия, прикрывая отход пехоты перед сильнейшим противником, готовились уже бить картечью, а она, стоя во весь рост между орудиями, выпускала обойму за обоймой из карабина».

Я прочитал, что по телевидению несколько лет назад показывали документальный фильм «Баронесса де Боде — легенда Белой армии». Там наверняка более подробно рассказано об этой короткой и романтической жизни.

А вот совсем другая история. Не столько про героизм, сколько про любовь и верность.

Вы наверняка читали про генерала Слащева, отчаянного храбреца и гениального тактика. Это был позер, дебошир, кокаинист, без конца со всеми ссорившийся, но не раз спасавший белый фронт. Слащев обожал экстравагантность, носил какие-то умопомрачи-

Дедушка
и бабушка.
Начособотдела
дивизии
и начособотдела
бригады (ну
у меня и гены)

тельные мундиры собственного дизайна. «Пускай всякий, кто так воюет, наряжается как ему угодно», — говорил про него Врангель.

Но мы смотрим не на щеголя Слащева, а на девушку, которая рядом.

Это Нина Нечволодова, она с палочкой после ранения, полученного на Чонгарской гати. В ней трудно узнать пухлую барышню, тоже наряженную казаком, со следующего снимка.

Нужно было увидеть и пролить немало крови (своей и чужой), чтобы так перемениться всего за два года. Должен сказать, что, когда сравниваешь любое женское лицо *до* и *после* фронта, содрогаешься.

Девушка с верхней фотографии к тому же еще здорово похожа на мою бабушку в юности. Тот же возраст, та же стрижка, та же непримиримая интенсивность во взгляде. (Во времена моего детства моя бабушка, сорок килограммов пламенного марксизма-ленинизма, будет запихивать в меня ложку манной каши, говоря: «Любить надо партию, а кашу нужно есть».) Если бы они с Нечволодовой в двадцатом встретились — убили бы друг друга.

Но про бабушку расскажу как-нибудь в другой раз.

Читаем в воспоминаниях И. Сагацкого: «... Около вагона Слащева стояла большая группа и Ниночка-ординарец.

Это была миловидная и стройная девица в белой рубаше с погонями унтер-офицера и одним или двумя Георгиевскими крестиками, в кавалерийских синих бриджах и сапогах со шпорами. Мне успели шепнуть, что Ниночка — из хорошей семьи, ведет себя безупречно и вполне заслуживает свои Георгиевские крестики...».

Сагацкий видел Нечволодову в апреле 1920 года, когда она уже состояла при своем сорви-голове и была личностью полугенеральной.

Годом раньше, когда начиналась эта любовь, Нина была сестрой милосердия. Однажды Слащев, в ту пору командир дивизии, был прошит пулеметной очередью. «Между тем пришлось отступить с позиции, и селение, в котором расположился Слащев, оказалось в районе, захваченном красными. Спасла Слащева молоденькая сестра милосердия, бывшая при гвардейском отряде, т.к. была сестрой служившего в этом отряде офицера. Она верхом отправилась в селение, в котором лежал Слащев, метавшийся в жару и беспамятстве, взвалила с помощью крестьян раненого на лошадь и прискакала с ним к гвардейскому отряду. Эта сестра милосердия неотлучно оставалась при боровшемся со смертью Слащеве и выходила его. Вскоре после выздоровления Слащев женился на ней. Его первый брак был несчастлив. Эта же вторая жена вполне подходила к нему: под видом ординарца (из вольноопределяющих) Никиты, она неотлучно находится при Слащеве и сопровождает его и в бою, и под огнем», — пишет очевидец.

С того дня и до самой смерти полоумного генерала Нина была с ним неразлучна. Куда он — туда и она. Даже если на верную гибель.

Вот описание знаменитого боя на Чонгарской гати — двухметровой насыпи через Сиваш.

22 марта 1920 года Слащев решил пройти по ней под ураганным огнем красных и захватить противоположный конец. Все офицеры сказали, что это невозможно. Тогда генерал построил мальчишек-юнкеров и под духовой оркестр, строевым шагом, повел вперед. «Ординарец Нечволодов» шел рядом — и был ранен. Гать в результате взяли, красные не выдержали «психической атаки».

Помните, как в пьесе «Бег», где Михаил Булгаков разделил образ реального Слащева на двух генералов — Чарноту и Хлудова, последний говорит вестовому Крапилину: «Я на Чонгарскую гать ходил с музыкой и на гати два раза ранен!», а Крапилин в неистовстве кричит: «Все губернии плюют на твою музыку!»?

По-моему, губернии правильно делают. Гнать под пулеметы любимую женщину — скверный героизм.

Биографию Слащева я пересказывать вам не буду, и так знаете. Разве что совсем коротко.

У Врангеля лопнуло терпение, и он снял самодура с командования армией. Нина последовала за Слащевым.

В эмиграции Слащева разжаловали и оставили без пенсии — Нина (в отличие от подруги генерала Чарноты) любимого не бросила.

Потом Слащеву взбрело в голову вернуться в Совдепию, где он был заочно приговорен к смертной казни. Нина поехала с ним.

Бывшего генерала амнистировали, и он преподавал тактику на высших командных курсах «Выстрел». Нина руководила там театральной студией.

Даже в кино они снялись вместе: в кинокартине «Врангель» сыграли самих себя.

Но в 1929 году Слащева убил некий Коленберг, мстя за брата, казненного белыми (у Слащева было прозвище «вешатель»).

В фильме «Бег» подружку Чарноты сыграла
Татьяна Ткач

И здесь следы Нины Нечволодовой теряются. Куда она исчезла и что с ней было дальше, неизвестно.

Хотел вам рассказать еще про одну «белую амазонку», самую поразительную из всех, но пост и так слишком длинный.

Next time.

БЕЛЫЕ АМАЗОНКИ (ОКОНЧАНИЕ)

Эту-то женщину вы почти наверняка знаете, а во времена моего детства, когда телесериалов было мало и каждый из них становился событием, ее знала вся страна. Правда, многие думали, что ротмистр Мария Захарченко из фильма «Операция «Трест»» — персонаж вымышленный или, по крайней мере, сценаристы нарочно подбавили «женщине с маузером» колорита.

А вот и нет. Реальная Мария Лысова-Михно-Захарченко-Шульц прожила жизнь еще более удивительную, чем героиня Людмилы Касаткиной. В кино, снятом к «пятидесятилетию великого Октября», всей правды про белогвардейскую подпольщицу, конечно, рассказать было невозможно, но чувствовалось, что авторы против воли восхищаются этим вроде бы отрицательным персонажем.

[Кстати говоря, написал про «пятидесятилетие октября» —

и вздрогнул. Мальчишкой я смотрел тот фильм про чекистов и белых террористов как сказку про невозможно далекие времена. А ведь 1967 год от наших дней дальше, чем тогда был 1927-ой, когда происходит действие фильма. «Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной» (И. Бродский). Но не буду отвлекаться.]

Самая яркая роль фильма

Юность у генеральской дочери Маши Лысовой была вполне заурядной для девушки ее круга. Пожалуй, единственная не совсем обычная деталь — страстная любовь к лошадям. Мария с детства была прекрасной наездницей. А так что ж? Закончила Смольный, годик поучилась в Швейцарии, в двадцать лет выскочила замуж за гвардейского офицера. Было это за год до начала мировой войны. Теперь сравните две фотографии.

Марии двадцать лет

Марии немногим
за тридцать

Невозможно поверить, что это один и тот же человек. Между снимками всего одно десятилетие. Но какое...

Что ж, давайте посмотрим, как из милой мадемуазель с хлыстиком получилась железная женщина с маузером.

Муж Марии, капитан Михно, в самом начале войны был смертельно ранен и скончался в госпитале, на руках у беременной жены (она родила три дня спустя).

Проявив невероятное упорство, вдова — через великую княжну Ольгу Николаевну и императрицу — добилась назначения в боевую часть (в прошлом посте я уже говорил, что для 1915 года это было совершенно исключительным событием). Оставив грудного младенца, она поступила в гусарский полк. Сначала сослуживцев раздражало ее присутствие, да и проку от горе-кавалеристики было мало. Ее «штатская» посадка не годилась для конного боя. Но вольноопреде-

ляющаяся Михно была упряма и со временем постигла всю гусарскую науку.

Первый георгиевский крест она получила за то, что ночью вывела отряд в германский тыл. Второй — за то, что, сама будучи ранена, вывезла из-под огня раненого товарища. Медаль «За храбрость» — за взятие пленного.

Та война была хоть и суровой, но «по правилам». На следующей, Гражданской, правила отсутствовали, суровость превратилась в озверение, а пленных, даром что соотечественники, «пускали в расход». (Однополчане будут называть бывшую барышню с хлыстиком «бешеной Марией» за то, что она не брала красных в плен.)

К Деникину Мария добиралась долго и сложно. К этому времени у нее уже была другая фамилия, она вышла замуж за полковника Захарченко. Супруги раздобыли документы персидских подданных и поэтому попали в Добровольческую армию кружным путем, через Персию.

Мария воевала в уланском полку, которым командовал Захарченко. Как и ее первый муж, он умер в госпитале. Сама она тоже получила тяжелое ранение, была обморожена. Эвакуировалась вместе с остатками врангелевской армии. В общем, исполнила классическое белогвардейское «хождение по мукам» от точки до точки.

В эмиграции другие офицеры устраивались таксистами, офицантами, швейцарами. Мария хотела только одного: продолжать борьбу с красными.

Она вступила в организацию генерала Кутепова, занимавшуюся подпольной и террористической деятельностью на территории Советской России.

В 1923 году вместе со своим третьим (невенчанным) мужем лейбегерским капитаном Радкевичем они пересекли эстонско-советскую границу и в последующие годы проделывали это рискованное путешествие не раз.

Вышло так, что «супруги Шульцы» оказались игрушкой в руках ОГПУ, которое в это время проводило многокомпонентную провокацию с кодовым названием «Трест». Принцип операции был поза-

имствован у царской Охранки, использовавшей двойного агента Азефа для контроля над террористами.

Эта игра продолжалась не один год. В конце концов, в мае 1927 года, чекистская интрига была раскрыта. Подпольщиков немедленно начали арестовывать, но «Шульцы» сумели уйти в Финляндию.

И сразу же после этого, вместо того чтоб благодарить судьбу за чудесное спасение, Мария стала добиваться у руководства организации разрешения вернуться в СССР. Она чувствовала себя скомпрометированной, опозоренной, желала смыть вину кровью.

Не прошло двух недель, как она и Радкевич вновь оказались на советской территории, но теперь поврозь — каждый вел собственную диверсионную группу. Никакого специального задания у них не было: они шли просто убивать чекистов.

Георгий Николаевич
Радкевич (1898–1927)

Радкевич отправился в Ленинград. Через два дня после перехода границы бросил бомбу в бюро пропусков ОГПУ. Долго уходил от погони. Был окружен. Отстреливался. Покончил с собой.

Своего третьего мужа Мария к этому времени уже разлюбила, у нее завелся новый спутник — Александр Опперпут (в фильме эту роль сыграл Донатас Банионис), вместе с ней державший путь на Москву. Я не уверен, что можно назвать романтическим словом «любовь» отношения тридцатилетней Марии с мужчи-

нами. Полагаю, к концу жизни она разучилась любить (посмотрите в глаза женщины со второй фотографии). У людей, которые живут одной ненавистью, на другие чувства не остается душевных сил.

Боевики попытались устроить взрыв в чекистском общежитии на Лубянке, но теракт сорвался.

Уходили, разделившись: Опперпут одним маршрутом (и вскоре погиб в перестрелке), Мария и еще один офицер — другим.

На них устроили гигантскую облаву с перекрытием железных дорог, прочесыванием лесов, мобилизацией армейских частей и даже

местных жителей. Ротмистр Захарченко считалась самым опасным террористом белого подполья.

Мария и 23-летний Юрий Петерс-Вознесенский угодили в ловушку близ Полоцка. Отбивались до последнего патрона. Точнее, до предпоследнего. Если верить фильму «Трест», Мария стреляла по-снайперски.

Сейчас она застрелится

Красноармеец, участвовавший в этом бою, так описывает последнюю минуту жизни белой Немезиды: «На противоположной опушке леса, в интервале между мишенями [перестрелка происходила на армейском полигоне], стоят рядом мужчина и женщина, в руках у них по револьверу. Они поднимают револьверы кверху. Женщина обращается к нам, кричит: — За Россию! — и стреляет себе в висок. Мужчина тоже стреляет, но в рот. Оба падают».

Известно, что бывают люди, до такой степени пропитавшиеся войной, что они уже не могут остановиться. История жизни Марии Захарченко свидетельствует, что этой болезни подвержены не только мужчины.

ЗОЛОТОЙ НОС, ИЛИ ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА

Всё началось с Трулььского собора, постановлениями которого оперировали эксперты обвинения по делу несчастных «кошунниц» из «Пусси райот». Что за труляля такое, заинтриговался я и полез искать.

В Хамовническом суде упоминались 62-е и 75-е правила почтенного церковного съезда, состоявшегося в 691—692 годах нашей эры.

Правило № 62 в кратком каноническом пересказе звучит следующим образом: «Еллинских обычаев удалятися, личин на ся не налагати, и плясания не творити». Так, с этим ясно.

Правило № 75, которое тоже нарушили осужденные преступницы, вот какое: «Желаем, чтобы приходящие в церковь для пения не употребляли бесчинных воплей, не вынуждали из себя неестественного крика, и не вводили ничего несообразного и несвой-

Кто из нормальных христиан станет с ними дружить? Бр-р-р...

ственного церкви: но с великим вниманием и умилением приносили псалмопения Богу, называющему сокровенное».

Там было принято еще много всяких мудрых решений, на том соборе. Например, правило № 11 запретило христианам под страхом отлучения дружить с иудеями

ми, лечиться у них и в особенности (почему-то) ходить с евреями в баню. Думаю, если бы следствие работало добросовестней, то за-

просто могло бы обнаружить у злодеек среди друзей какого-никакого еврея, опять же есть дантисты, гинекологи. В общем, недоработка.

Но я пишу пост не про Pussy Riot и даже не про Трулльский собор. Как я уже сказал, с этого всё только началось.

Меня (я ведь как-никак историк) заинтересовали политические обстоятельства, при которых происходил собор. И, в частности, кто был инициатором созыва этой роковой конференции. Роковой — потому что ее решений не признал папа римский, и с этого момента начался серьезный конфликт между западным и восточным христианством, впоследствии завершившийся полным разрывом.

Так я открыл для себя византийского императора Юстиниана Второго — это он постановил собрать церковных иерархов, дабы восстановить религиозную дисциплину и пошатнувшееся благочестие.

Пожалуйста, не путайте этого Юстиниана с великим реформатором Юстинианом Первым (482–565). Разница между ними еще больше, чем между Петром Вторым, который ничего не успел сделать в своей коротенькой жизни, и Петром Первым.

Юстиниан Второй Риномет как раз много чего натворил (и помимо Трулльского собора). Это один из самых омерзительных правителей всех времен и народов — а у истории в данной номинации, как вы знаете, конкуренция очень жесткая.

Он стал базилевсом в шестнадцатилетнем возрасте, правил десять лет и даже по тем суровым временам отличался невыносимо гнусной жестокостью. Подобно Иосифу Сталину, он любил отправлять в ссылку неугодные народы, которые в пути вымирали от голода и болезней. Однажды после поражения в войне с арабами император приказал умертвить семьи воинов того отряда, который обвинил в неудаче. При этом Юстиниан считал себя ревностным христианином и еретиков с сектантами предавал сожжению.

Еще хуже были императорские фавориты — министр финансов Феодот и казначей патриархии Стефан, которые занимались пря-

Золотой Юстиниан

мым вымогательством: хватали богатых людей и пытали их до тех пор, пока не заплатят выкуп. Настоящей властью в стране обладала именно эта парочка эффективных менеджеров. Однажды они даже приказали выпороть вдовствующую императрицу, мать Юстиниана, и тот ничего, стерпел.

В конце концов произошло то, что должно было произойти, — бунт. Временщиков прикончили, кесаря свергли и отправили в ссылку.

Но еще через десять лет изгнанник вернулся, приведя с собой чужеземное войско, и снова захватил трон.

Тут-то и начинается поразительное. Второе правление Юстиниана Риномета прямо-таки заворожило мою писательскую фантазию, а заодно пробудило воспоминания о прежней профессии.

Когда-то я перевел с японского роман Юкио Мисимы «Золотой Храм». Там главный герой, препротивный мальчишка, страдающий сильным заиканием, предается грезам о власти: «...Начитавшись исторических романов, я воображал себя могущественным и жестоким владыкой. Он заикается и поэтому почти всегда молчит, но как же трепещут подданные, живущие в постоянном страхе перед этим молчанием, как робко заглядывают в лицо своему господину, пытаясь угадать, что их ждет, — гнев или милость? Мне, государю, ни к чему оправдывать свою беспощадность гладкими и звучными фразами, само мое молчание объяснит и оправдает любую жестокость. С наслаждением воображал я, как одним движением бровей повелеваю предать лютой казни учителей и одноклассников, мучивших меня в гимназии».

Очень возможно, что герой романа прочитал какой-то роман о базилевсе Риномете (что по-гречески означает «Безносый»). Дело в том, что после свержения мятежники отрезали деспоту нос и язык. Вместо носа император стал носить золотой футляр, но язык заменить было нечем. Поэтому в период реставрации рядом с Юстинианом всё время находился толмач, умевший понимать мычание правителя и переводить его приказы. Приказы эти были чудовищны, фантазия калеки — причудлива и ужасна. Первое правление Юстиниана вспоминалось теперь подданным как утраченный рай.

Ну, месть обидчикам — это, как говорится, святое. Хотя, конечно, повесить на стенах всех офицеров столичного гарнизона (переводчик, наверное, десять раз переспросил, правильно ли он понял) — это перебор. С патриархом тоже получилось некрасиво: ладно отрезали нос и язык, это с учетом личных страданий кесаря по-человечески понятно — но выколоть главе церкви глаза и замуровать живьем в стену? Как-то оно все-таки не *comme il faut*. (Представляю, сколько времени мычал и жестикулировал Юстиниан, чтобы объяснить этот свой креатив.) С двумя императорами, успевшими поцарствовать во время его ссылки, триумфатор поступил изящнее: не сразу казнил, а сначала поунижал — во время праздничных игр на стадионе положил их наземь, наступил ногами на головы, любовался ристалищем и слушал, как толпа поет 90-й псалом: «На аспида и василиска наступишь; попирать будешь льва и дракона».

Однако праздник мести закончился, начались будни, а безъязыкий задавал переводчику всё новую работу. Хроника рассказывает, что тиран очень любил черный юмор. Осчастливит чиновника назначением на высокую должность — и тут же посылает вдогонку палачей. Сёрпрайз! Или пригласит кого-то на пир, да и подсыплет яду. Тот корчится, орет — смехота! Еще очень любил обласкать кого-нибудь на аудиенции, а потом «му-му» переводчику — человека в мешок, да и в море.

Если какая-нибудь выходка вызывала чрезмерное возмущение, всегда можно было свалить ответственность на толмача: не так-де понял, скотина. Назначали нового переводчика, старого — сами понимаете куда. И всё шло как прежде.

Целых шесть лет золотоносый немой так измывался над своими рабами, пока один из телохранителей не оттяпал отцу Трульского собора его гнилую башку.

Во всей этой удивительной истории мне почему-то больше всего жалко переводчиков. Наверное, из-за того что я когда-то сам работал синхронистом, переводил разных начальников и в конце концов был изгнан с этой нервной должности за одно ужасное *faux pas*. Но о собственном опыте по части трудностей перевода расскажу в следующий раз.

СУДЬБА ПЕРЕВОДЧИКА

В прошлом посте обещал рассказать про бесславный конец своей толмаческой карьеры.

Но сначала несколько слов об особенном жанре фольклора — переводческих байках. Поскольку я отучился в языковом вузе, где готовили переводчиков, а потом в течение нескольких лет зарабатывал этим нервным ремеслом на жизнь, я наслушался от учителей и коллег самых разных историй о подвигах находчивости, ужасающих ляпах, трагикомических ситуациях. Кое-что повидал сам, а кое в чем, увы, и лично поучаствовал.

Устные предания существуют у переводчиков всех стран и народов, но в иностранных переводческих сказаниях нет такого накала страстей, потому что нет сакрального трепета, сохранившегося у моих преподавателей еще со сталинских времен, когда с проштрафившимся толмачом могли поступить вполне в духе Юстиниана Безносого.

Один синхронист-американец с гордостью мне рассказывал, как, переводя речь прибывшего в Москву заместителя госсекретаря, прибавил кое-что от себя. На беду оказалось, что вашингтонец понимает по-русски. Он обернулся и злобно прошептал: «I didn't say that!» («Этого я не говорил!»). «But you should have» («А следовало»), — якобы ответил ему мой знакомый, уверенный, что лучше знает обыкновения туземцев — и начальник заткнулся.

У нас такой диалог вряд ли был бы возможен. Начальнику заведомо видней. Разве что можно поманеврировать с нюансами. Однажды я, еще студентом, присутствовал при беседе товарища Полянского, раз-

жалованного из членов Политбюро в послы, с очень важным японцем древнего аристократического рода. «А ты хи-итрый старикан!» — сказал бывший хрущевский любимец потомку владетельных даймё, который пришел на встречу в парадном кимоно с гербами. Переводчик не моргнув глазом прошелестел: «Мы знаем вас, сенсей, как большого друга Советского Союза». Я стоял рядом, учился мастерству.

Мои байки все такие, с ориентальным колоритом — я ведь из востоковедов.

Расскажу парочку, которые мне поведали заслуживающие доверия очевидцы.

Одно время я работал вместе с замечательным арабистом Владимиром Соломоновичем Сегалем, воспитавшим не одно поколение мгимошников. Он переводил на встречах высшего уровня, а для работы с обычными делегациями выпускал аспирантов — но сам при этом находился неподалеку, чтоб в случае чего прийти на помощь.

Однажды на какой-то советско-иракский прием, где ученики Сегалья переводили, а сам он прохаживался да прислушивался, прибыл маршал Буденный.

Надо сказать, что во время Первой мировой войны, еще вахмистром, Буденный воевал в Междуречье и с тех пор считался в Ираке большим героем. (Потому он, надо полагать, и приехал на прием.) Было Семен Михалычу в это время под девяносто.

Увидев прославленного маршала, иракцы сгрудились вокруг него, стали говорить всякие торжественные слова. Маршал слушал, приложив руку к уху; аспирант пыхтел-переводил; Сегаль стоял позади, контролировал.

Вдруг один из арабов, расчувствовавшись, воскликнул: «Господин маршал, по-

Большой дипломат тов. Полянский и тот самый сенсей

Вот каким орлом его звали иракцы

звольте вас поцеловать!» А переводчик как воды в рот набрал — то ли оробел, то ли не понял. Тогда Сегаль просунулся между иракцев и отчетливо, назидательно говорит (переводчику): «Гос-по-дин мар-шал, поз-воль-те вас по-це-ловать. Ясно?»

Многие, я думаю, с таким поцеловались бы

Довольный, что всё расслышал, Буденный разгладил усы, крикнул, взял маленького Владимира Соломоновича за виски, прижал к своей орденосной груди и трижды облобызал могучим конармейским поцелуем.

А вот еще одна история, печальная.

Один мой соученик переводил переговоры товарища Скачкова, многолетнего начальника комитета по внешнеэкономическим связям, с премьер-министром Турции.

И тот в какой-то момент вежливо поинтересовался, как дела у госпожи Насридиновой (была такая важная советская тётя, незадолго до этого посетившая с визитом Анкару). Переводчик не понял, что такое «Насридин-ова». Вернее, понял неправильно, поскольку по-турецки «ова» значит «равнина», «долина» (тем более речь шла о чем-то хлопковом). Говорит: «Его превосходительство интересуется, как дела в долине Насреддина». Скачков бодро, без малейших колебаний отрапортовал: «Очень хорошо. Собрали отличный урожай». Ну, а про дальнейшее мой знакомец рассказывал уже неохотно. Кажется, ему пришлось сменить место работы.

Тов. Насридинова, с которой собрали хороший урожай (рядом с Никитой Сергеевичем)

Слушая этот горестный рассказ, я, помню, бессердечно хохотал. Не знал, что моя переводческая карьера оборвется еще более катастрофическим манером. Ав ту пору, лет до двадцати пяти, она меня очень недурно подкармливала. За синхрон платили рублей, что ли, по двадцать в день (немаленькие деньги), и кроме того у японских

делегаций была милая традиция во время переговоров дарить советским друзьям сувениры. Мне как переводчику всё доставались диктофоны или фотоаппараты-«мыльницы». В тотально-дефицитную эпоху за эту чепуху в комиссионном магазине выдавали мою двух-трехмесячную зарплату. Переводил я бойко, поэтому приглашали меня часто. Брежневский застой был ко мне, обормоту, ласков.

Но однажды всё закончилось.

Я переводил на встрече нашего и японского министров. Точнее, на банкете.

Длинный стол. Справа — наши, слева — японцы. На торце — один я, между двумя торчащими флажками и двумя превосходительствами. Сознаю ответственность, стараюсь изо всех сил.

Наш министр встает произносить тост. Я тоже вскакиваю. В руке полный бокал шампанского, которое я пить не собираюсь, но «впустую» переводить тосты не положено. Японский министр сидит, опершись подбородком на кулак, внимательно меня слушает. Тост трудный — какая-то белиберда про успех грядущего сотрудничества по разработке континентального шельфа Сахалина. От сосредоточенности я покачнулся — и шампанское из бокала пролилось. Почти всё. Точнехонько в рукав японскому превосходительству.

Это еще не самое ужасное.

Самое ужасное началось, когда я увидел, как министр сосредоточенно трясет рукой, а на скатерть из манжета всё льется, льется, льется шампанское. Советское. Игристое. Полусладкое. Главное, очень уж сановный был японец, и на лице у него было такое несказанное изумление... Не иначе от стресса, разобрал меня неостановимый хохот. Извиняюсь и прыскаю, извиняюсь и давлюсь, а потом даже не извиняюсь — просто речочу без удержу, потому что терять уже нечего. На меня с каменными лицами смотрят две делегации и ждут, пока я закончу веселиться.

Вот вспомнил — и тридцать с лишним лет спустя опять покраснел от стыда. Но и захихикал.

Больше меня переводить не приглашали. Пришлось переквалифицироваться с устного перевода на письменный. И вся моя планίδα повернула в другую сторону..

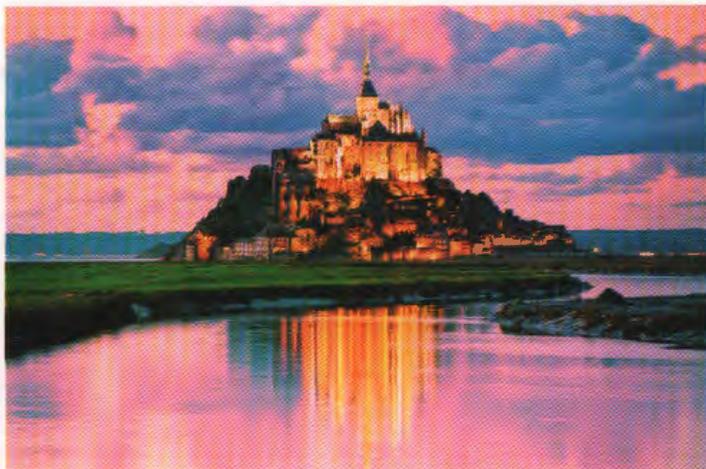
ЗАЧЕМ ЧЕЛОВЕКУ НЕСЧАСТЬЕ

В больших городах, а особенно в столицах, достопримечательностей пруд пруди. Творения человеческого гения толкаются локтями, переливаются сиянием и затмевают друг друга.

Провинциальным городкам и деревням обычно приходится довольствоваться красотами природы и свежестью воздуха. Но зато если уж по воле случая в каком-нибудь глухом углу создано (да еще и сохранилось) нечто прекрасное, оно пребывает в царственном одиночестве, как и надлежит чуду. Классический пример — Покрова-на-Нерли, маленький шедевр архитектуры посреди пустого поля.

Или гора Святого Михаила, возвышающаяся над плоским нормандским берегом.

Я хочу показать вам чудо, находящееся всего в полчаса езды от Мон-Сен-Мишеля, однако почти неизвестное за пределами округа.

Это произведение искусства не обладает такой уж художественной ценностью и не освящено древностью. Толпы туристов сюда не навещаются. Всякий раз, когда я там бываю, скучающий касир радуется, что кто-то пришел, и охотно рассказывает мне историю, которую я неоднократно слышал.

А бываю я там довольно часто. Это поразительное место.

Находится оно в бывшей рыбацкой деревне Ротенёф, которая сейчас стала частью города Сан-Мало, тоже не бог весть какого мегаполиса.

Музей под открытым небом называется «Скальные скульптуры аббата Фуре».

В девятнадцатом веке жил себе в бретонской глуши сельский кюре Адольф-Жюльен Фуре (1839–1910). Служил в церкви: крестил, венчал, отпевал. Слыл красноречивым проповедником. Так он дожил до 54 лет, то есть до того возраста, в котором всякому-то человеку — по себе знаю — ужасно нравится проповедовать, а уж если профессия обязывает и благодарная аудитория в лице паствы имеется, то это просто счастье.

И вдруг с аббатом случилась страшная беда. Он сначала оглох, а затем лишился речи. Нести слово Божье он больше не мог, и жизнь утратила всякий смысл.

Глухонемой проповедник

Уехав из родных мест, бедняга поселился в деревне Ротенёф, расположенной в суровом краю, на семи ветрах, над высоким и скалистым берегом.

Там безъязыкий старик изо дня в день ковылял меж утесов. Чем-то гроыхал, пропадал целыми днями.

Оказалось, что он вырезает на каменном склоне изваяния. Никто аббата не учил этому искусству, он как-то приоровился сам. Долгое время странная причуда инвалида ни у кого не вызывала интереса. А когда тринадцать лет спустя Фуре перестал стучать резцом, потому что

совсем состарился и одряхлел, оказалось, что он создал настоящее чудо: на крутом, почти отвесном утесе высечено более трехсот скульптур. Они занимают пятьсот квадратных метров.

Представьте.

С одной стороны вечно сердитые волны и неутихающий ветер, распластывающий по земле грубые кустарники.

С другой — обрыв. Во время прилива вода поднимается выше, чем на десять метров. Крутой скос берега покрыт бугристым каменным панцирем, на первый взгляд похожим на застывшую лаву.

Начнешь приглядываться — а это никакие не бугры. То неожиданно проступит чье-то лицо:

То какого-то безмятежного мертвеца:

То увидишь притаившегося (не очень страшного) змея:

Из брошюрки можно узнать, что аббат изобразил историю хищного семейства разбойников и контрабандистов, когда-то живших на этом берегу. Но эта фольклорная информация ничего не прибавляет к ощущениям. А они сильные.

Это очень одинокое, пустынное место. Представляешь проповедника, у которого шестикрылый серафим вырвал его грешный язык, однако взамен не вставил в разверстые уста жало мудрой змеи, а оставил безгласным. Но проповеднику есть что сказать людям. И он го-

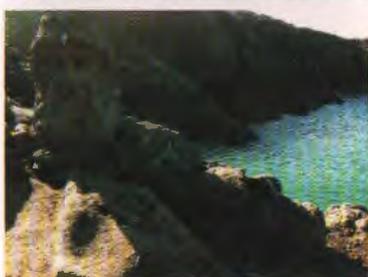
ворит, говорит, говорит. При этом каждому своё.

Например, мне он объяснил, что не следует бояться несчастий, потому что всякая беда, которая может с тобой произойти, станет благом, если только не впадать в отчаяние и не предаваться жалости к себе.

Если тебе нужно сделать что-то важное — сделаешь. Если тебе есть что сказать — скажешь. Еще красноречивее и долговечней, чем словами.

Вероятно, если вы заедете в Ротенёф, аббат прочтет вам проповедь о чем-то другом, важном персонально для вас.

PRO DOSTOYEVSKY

Господи, какая же мерзость смертная казнь. В тысячу раз хуже любого, самого зверского убийства.

И какое счастье, что у нас в России этой гадости нет.

Прежде чем я расскажу вам то, что собираюсь рассказать, спрошу: вы помните историю Ришара из «Братьев Карамазовых»?

Если не помните — вот она, с небольшими сокращениями:

«...В Женеве, очень недавно, всего лет пять тому, казнили одного злодея и убийцу, Ришара, двадцатитрехлетнего, кажется, малого, раскаявшегося и обратившегося к христианской вере пред самым эшафотом...

Его схватили, судили и присудили к смерти. Там ведь не сентиментальничают. И вот в тюрьме его немедленно окружают пасторы и члены разных Христовых братств, благотворительные дамы и проч. Научили они его в тюрьме читать и писать, стали толковать ему Евангелие, усовещевали, убеждали, напирали, пилили, давили, и вот он сам торжественно сознается наконец в своем преступлении. Он обратился, он написал сам суду, что он изверг и что наконец-таки он удостоился того, что и его озарил Господь и послал ему благодать. Все взволновалось в Женеве, вся благотворительная и благочестивая Женевка. Все, что было высшего и благовоспитанного, ринулось к нему в тюрьму; Ришара целуют, обнимают: «ты брат наш, на тебя сошла благодать!»

...И вот наступает последний день. Расслабленный Ришар плачет и только и делает, что повторяет ежеминутно: «Это лучший из дней

моих, я иду к господу!» — «Да», кричат пасторы, судьи и благотворительные дамы, «это счастливейший день твой, ибо ты идешь к Господу!» Все это движется к эшафоту вслед за позорною колесницей, в которой везут Ришара, в экипажах, пешком. Вот достигли эшафота: «умри, брат наш», кричат Ришару, «умри во Господе, ибо и на тебя сошла благодать!» И вот покрытого поцелуями братьев, брата Ришара втащили на эшафот, положили на гильотину и оттяпали-таки ему по-братски голову за то, что и на него сошла благодать».

А теперь — не литературная, а подлинная драма. Она произошла не так давно, притом в самом что ни есть правовом государстве — Соединенных Штатах.

Жила-была на свете отвратительная злодейка, хуже не придумаешь.

Полубуйтесь, Велма Барфилд, 1932 года рождения.

Эта милая американская тетенька начала криминальную карьеру с того, что сожгла свой дом, а в нем пьяненького мужа — чтобы получить страховку.

Второго мужа отравила — с той же целью.

Потом отравила собственную мамашу.

Всё это сошло ей с рук, осталось шито-крыто.

Тогда Велма превратила убийство в приработок. Она нанималась сиделкой к старым людям, подделывала их подпись на чеках, а когда возникал риск разоблачения — отправляла подопечных на тот свет.

В 1977 году она отравила 94-летнего Монтомери Эдвардса и его 84-летнюю жену Долли. Три месяца спустя — 77-летнего Джона-Генри Ли. Потом своего бойфренда Роуланда Тейлора, который, как ей показалось, начал что-то подозревать.

Полицейских навела на преступницу собственная сестра (и этим, вероятно, спасла себе жизнь).

Следствие эксгумировало трупы. Обнаружились следы мышьяка.

Судебный процесс был эмоциональным. Убийца вела себя цинично — язвила, огрызалась, не проявляла ни малейшего раскаяния. Особенное возмущение у всех вызывали два обстоятельства: хладнокровное умерщвление людей, которые полностью доверяли Велме, и ее облик «божьего одуванчика». Она выросла в глубоко религиозной семье, беспрестанно поминала Всевышнего, истово молилась в церкви. В общем — классический персонаж из не слишком креативного голливудского триллера.

Присяжные заседали всего час и не нашли никаких смягчающих обстоятельств; суд с удовольствием приговорил гадину к высшей мере.

А дальше произошло по Достоевскому.

Представьте себе, в тюрьме с Велмой Барфилд произошла метаморфоза — ведь в США, как известно, исполнение приговора растягивается на долгие годы. Раньше Велма только изображала богомольную христианку, а теперь уверовала по-настоящему. Она ухаживала за больными заключенными, использовала каждый оставшийся день жизни, чтобы кому-то помочь. Так продолжалось шесть лет.

Сам Билли Грэм, старейший и авторитетнейший из американских проповедников, возносил хвалы узнице блока смертников. В стране началось общественное движение за отмену казни. Многие были уверены, что Велма именно с этой целью и затеяла весь спектакль с «преображением». Но разоблачители заткнулись, когда она запретила своим адвокатам подавать апелляцию в Верховный Суд. Велма Барфилд действительно преобразилась. На нее, по ехидному выражению Ивана Карамазова, «сошла благодать».

Перед самой казнью ей все-таки стало страшно, она подала губернатору штата прошение о помиловании. Но у губернатора на носу были выборы в Сенат, а большинство избирателей, как известно, отнесется к «высшей мере» одобрительно. Губернатор помилования не дал (но выборы потом все равно продул).

2 ноября 1984 года Велму умертвили летальной инъекцией. Не ту сюсюкающую тварь, которая хладнокровно убивала людей, а женщину, которую вы видите на этом снимке.

Вот в такой комнате ее очень цивилизованно, с соблюдением всех формальностей, убили.

Перед смертью дали погрызть чипсов и попить кока-колы. И вообще очень жалели.

Короче, ура. Справедливость восторжествовала.

Ну, мое мнение относительно смертной казни вам уже известно. А теперь позвольте спросить вас:

ОПРОС ПОМИЛОВАЛИ БЫ ВЫ ВЕЛМУ БАРФИЛД НА МЕСТЕ ГУБЕРНАТОРА?

Участников: 5386

Да

 1860 (34.9%)

Нет

 3470 (65.1%)

ОТЧЕТ О ПРОДЕЛАННОЙ РАБОТЕ

29 октября я ходил к Соловецкому камню, где «Мемориал» каждый год, в День памяти, проводит прекрасную акцию: люди стоят в очереди, чтобы прочитать несколько имен из мартиролога жертв сталинских репрессий.

Я не думаю, что нужно объяснять, почему я считаю эту акцию важной. Или нет, все-таки объясню.

Главная беда нашего государства в том, что из века в век оно относилось к людям, как к навозу. Щедро удобряло ими почву, поливало кровью полезные с точки зрения очередного правительства растения: возведение среди болот Петрова Града, коллективизацию, индустриализацию, укрепление трудовой дисциплины накануне войны и так далее, и так далее.

Апофеоз приоритета государственных ценностей над личными — сталинская эпоха. «Мы рубим лес, и сталинские щепки, как прежде, во все стороны летят», — поется в известной песне. Историки всё никак не подсчитают количество тех «щепок»: сколько сотен тысяч расстреляно, сколько миллионов репрессировано, сколько десятков миллионов заморено голодом.

На Лубянской площади у Соловецкого камня во время акции «Возвращение имен»

Хуже всего вот что: 99,99% убитых не просто убиты, но еще и забыты. Их вроде как никогда не было.

«Мемориал» создан для того, чтобы — если удастся — вспомнить каждого. Когда человек, живущий сегодня, просто произносит вслух имя другого человека, убитого семьдесят или восемьдесят лет назад, тот словно воскресает из небытия и перестает быть историческим «навозом».

В этот раз в очереди было очень много народу, я простоял три часа. Намерзся, устал, но не жалею. Было время ощутить что-то вроде связи с четырьмя людьми, чьи имена были напечатаны на доставшемся мне листке.

Дождавшись очереди у микрофона, я пообещал, что постараюсь хоть что-то разузнать о моей четверке, — это минимум того, что я могу для них сделать. Им-то это не нужно (хотя кто знает?), а вот мне самому — даже очень.

Мои четверо — люди маленькие, неисторические. И всё же кое-что про их погубленную жизнь я теперь знаю и готов рассказать вам.

29 октября я переписал себе с листка следующие сведения:

1. **Кронгауз Лев Данилович.** 39 лет. Старший лейтенант госбезопасности. Расстрелян 7 марта 1939 года.
2. **Кротков Михаил Алексеевич.** 45 лет. Инвалид труда. Расстрелян 25 марта 1925 года.
3. **Кротовский Мечеслав Константинович.** 34 года. Электросборщик завода электромедицинского оборудования. Расстрелян 9 августа 1938 года.
4. **Кругликов Филадельф Иванович.** 46 лет. Инженер Московского машиностроительного треста. Расстрелян 17 августа 1930 года.

1. Лев Данилович Кронгауз родился в селе Старое Мстиславского уезда Могилевской губернии (то есть в черте оседлости), в 1900 году. Образование имел «низшее» — стало быть, происходил из еврейской бедноты, которая почти поголовно подалась в «красные». «Старший лейтенант госбезопасности» — это две «шпалы», по-армейскому майор. Руководил отделом госбезопасности в мо-

сковском метрополитене — по тем временам, между прочим, ответственная должность. По крайней мере, сам не арестовывал и не расстреливал — за это спасибо. Естественно, член партии. Жил на улице Малая Лубянка, д. 16, кв. 94 (так что если его взяли дома, везти было недалеко).

Арестован 9 июня 1938 года — одна из последних жертв «ежовской» волны репрессий. Не знаю, какого рода сведения выбивали следователи из Льва Кронгауза, но допрашивали его в печально знаменитой Сухановке, пыточной тюрьме. В письме-ходатайстве арестанта говорится: «Я был хуже животного. Рядом со мной нельзя было стоять... В камеру меня уносили на одеяле». Если за время чекистской службы Кронгауз и участвовал

Вот этот дом. Ночной звонок. «Вам телеграмма»

в преступлениях, то предсмертными страданиями и мученической смертью он свою вину искупил.

Обвинения были вздорные: шпионаж в пользу польской разведки и участие в террористической организации. Расстрелян на Донском кладбище.

Вечная память.

2. Михаил Алексеевич Кротков 1880 года рождения был кореным москвичом. Из личных дворян. Образование среднее — значит, окончил гимназию или реальное училище. Понятное дело, беспартийный — с таким нехорошим происхождением. Почему стал «инвалидом труда», не знаю. Жил в Ермаковской Роше (был такой квартал за Шмитовским проездом). Арестован в относительно травоядное время — 14 ноября 1924 года. Обвинялся в шпионаже и участии в контрреволюционной террористической организации. Может быть, действительно, враг советской власти? Приговор вынесен коллегией ОГПУ. Место казни — Яузская больница. В двадцатые годы она была отдана ГПУ, там в подвале расстреливали.

Совсем немного дополнительных сведений добыл я о Михаиле Кроткове. Жалко.

Вечная память.

3. Мечеслав Константинович Кротовский родился в 1904 году в городе Двинске. Образование незаконченное среднее — видимо, революция помешала. Беспартийный. Быть электросборщиком на заводе электромедицинской аппаратуры — для тридцатых годов престижная и высокооплачиваемая специальность. Жил по адресу: Колодезный пер., д. 7, кв. 77. Арестован 16 марта 1938 года,

Прохожу мимо чуть не каждый день, а не знал

на самом пике массовых репрессий. С заграничным местом рождения (буржуазная Латвия) и криминальной национальностью (поляк) у бедного Кротовского было мало шансов уцелеть. Его расстреляли по представлению комиссии НКВД как «польского шпиона» 9 августа 1938 года на Бутовском полигоне — там в 1937–38 гг. убили больше 20 тысяч человек.

Вечная память.

4. Человек с редким именем, Филадельф Иванович Кругликов, родился в Астрахани в 1884 году. Он из «бывших», беспартийный. Имел высшее образование. До революции жил в родном городе и в 1916 году был товарищем казначея (уважаемая общественная должность) в Обществе народных университетов. В двадцатые годы работал в Нижегородском университете. Потом преподавал в Химико-технологическом институте имени Менделеева. Перед арестом жил в Москве: Котельническая набережная, д. 321, кв. 4 (пять минут от моего дома). Судя по тому, что служил инженером в машиностроительном тресте и взят в начале 1930 года, возможно, проходил

по одному из так называемых «отраслевых» дел, примыкавших к шумному «Процессу Промпартии» — когда на старых специалистов попытались свалить вину за неуспехи Пятилетки.

«Букет» обвинений пышный: тут и участие в контрреволюционной организации, и шпионаж, и вредительство, и подготовка террористического акта. Даже что-то многовато для одного человека. Расстрелян 17 августа на Ваганьковском.

Вечная память.

Фотографий, естественно, я не нашел. Может быть, кто-нибудь из родственников или потомков откликнется? Хотелось бы посмотреть на лица.

В общем, вот. Четыре забытые щепки с большевистского лесоповала. Но вы прочитали про них — и уже не щепки, уже не забытые.

P.S. Из письма, которое пришло после этого поста, от внучки Льва Кронгауза: «...У него оставалась жена, дочь чуть старше 10 лет и совсем маленький сын. Он хотел, чтобы они выжили».

О СТЕРВОЗНОСТИ КАРМЫ

Когда-то я уже писал о том, как меня возмущает черный юмор судьбы, играющей с человеком в кошки-мышки: то прижмет когтистой лапой, то вроде бы отпустит и даст побегать, но в конце обязательно сделает цап-царап, да иногда еще с особым цинизмом.

Есть люди, вся жизнь которых — сплошное сальто-мортале. Расскажу про одного из них.

Он принадлежал к прекрасной или опасной (в зависимости от точки зрения) породе молодых бунтарей, которая у нас в России не переводится: пассионарный борец с несправедливостью. Сейчас такие ходят тридцать первого на Триумфальную или дерутся на демонстрации с ОМОНОм. На рубеже XX века они повалили в боевики и террористы.

Студент Петр
Карпович

Виновата была, как обычно в подобных случаях, власть. На усиление общественного протеста она реагировала неадекватно, особенно нервно относясь к студенческому движению. К исходу XIX столетия террор, казалось, ушел в прошлое, тогдашнее «гражданское общество» училось бороться с самодержавием не бомбами и пулями, а словом. Но тут в правительственных кругах взяла верх партия «закручивания гаек». (Я не подмигиваю с намеком на сегодняшнюю ситуацию, сейчас всё иначе и страна совсем другая. Просто описываю, как было.)

Политически активных студентов стали выгонять из учебных заведений, отправлять в ссылку «в административном порядке» (то есть без суда и следствия). Кто-то ушел в подполье, кто-то сбежал от ареста за рубеж. Среди последних был и 25-летний Карпович, исключенный из Юрьевского университета за противоправительственную агитацию.

Зимой 1900 года министр просвещения Боголепов подписал приказ, по которому 183 студента Киевского университета были не только отчислены, но и отданы в солдаты. Эта идиотская мера подняла всю оппозиционную Россию на дыбы. Терпение кончилось.

В студенческих кружках и ячейках заговорили о возмездии. Травоядных либералов больше никто не слушал. Тон стали задавать молодые и горячие проповедники «добра с кулаками». Именно с боголеповского приказа, не столь уж кровожадного по меркам более поздних времен, и началась эпоха большого революционного террора, в конце концов приведшая к революции.

(Удивляться, собственно, нечему. Вообразите, что завтра приказом министра образования где-нибудь в МГУ составят списки студентов, которые ходили на Болотную, и одним росчерком пера всех исключат, а заодно лишат отсрочки от армейской службы и развезут под конвоем по военкоматам. Представляю, что началось бы.)

Бывший студент Карпович, который томился в Берлине от бездействия и мечтал о Самопожертвовании во Имя Великого Дела, немедленно выехал в Россию. Теперь он знал, что нужно делать.

Четыре дня спустя он вошел в приемную министра — якобы подать прошение, и выстрелил в Боголепова, смертельно ранил. Бежать убийца не пытался, он торжественно сдался безо всякого сопротивления.

Бедный Боголепов, в прошлом профессор римского права, пал жертвой собственного дуболомства и общественного ожесточения

Самое печальное, что большинство передовых людей страны, в том числе и травоядные либералы, отнесли к Карповичу как к герою. Эти рукоплескания вскружили тогда голову многим юным брускам, которые вскоре ринутся вступить в «боевые группы».

За терроризм Карпович должен был предстать перед военным судом, который безусловно приговорил бы преступника к виселице. Он был готов, даже мечтал о такой героической участи. Но правительство побоялось еще больше обострять ситуацию, и дело передали в суд гражданский, в юрисдикции которого смертная казнь отсутствовала.

Так судьба провела Карповича в первый раз: он жаждал красивой смерти, а вместо этого получил ненужный подарок — жизнь.

Правда, приговор скорее выглядел как замена быстрой смерти на медленную: 20 лет каторги мало кто выдерживал, а Карповича гнали даже не на каторжных работах, а в казематах зловещего Шлиссельбурга. Потом перевели в еще более страшный Акатуй. Казалось, он обречен и судьба его все-таки слопаёт, только сначала помучает.

Однако пришел 1905 год с октябрьским манифестом и амнистиями. В 1907 году, отсидев за убийство министра всего шесть лет, Карпович был выпущен на поселение. Конечно, тут же сбежал и вскоре уже был за границей.

Но герою-революционеру очень хотелось пожертвовать собой. Он вступил в легендарную «Боевую организацию эсеров», готовившую покушения против «сатрапов», и стал самым активным помощником великого, ужасного, тщательно законспирированного руководителя «Б. О.».

В то время эсеры собирались убить самого царя. Карпович просил обожаемого руководителя доверить подвиг ему, ибо нет ничего прекрасней столь возвышенной гибели. Обожаемый руководитель обещал, лишь просил набраться терпения. Звали этого человека Азеф.

Когда поползли слухи, что Азеф — агент Охранки, пылкий Карпович грозился застрелить всякого, кто посмеет порочить это славное имя.

Не знаю, как эсеры могли доверять типу с такой физиономией

Но Азеф скрылся, и Карпович поклялся теперь уже застрелить подлого предателя, а потом застрелиться сам — смыть кровью вину перед товарищами.

Не нашел. Не застрелил. Не застрелился.

Судьба упорно отказывала пассионарию в пассионарной смерти.

Тогда он разочаровался в революции и революционерах. Отошел от политики, потух, приготовился прожить долгую, скучную, обыкновенную жизнь.

Поселился в Лондоне, событиями на родине не интересовался. Научился ремеслу массажиста, тем и существовал. Бывшие товарищи по борьбе говорили: «опустился».

Но грянула Февральская революция, и пламень снова вспыхнул в его груди. «В Россию, в Россию!» — восклицал он», — пишет в мемуарах Вера Фигнер («А он кричал: «Огня, огня!»). Воскресшему к жизни и борьбе революционеру, наверное, мерещились бои,

баррикады, а в конце непременно героическая гибель с красным знаменем в руках.

Вместе с еще одним эмигрантом, эсером И. Яковлевым, он сел на корабль, чтобы переправиться из Англии в Норвегию. Но 13 апреля 1917 года жестокая кошка-судьба сделала цап-царап: германская подводная лодка отправила пароход «Зара» торпедой на дно.

Тут напоследок была еще одна, особенно изуверская пакость. Карповичу с Яковлевым повезло — они успели добраться до шлюпок, только сели в разные лодки. Но та, в которой оказался герой моего рассказа, уже считавший себя спасенным, вдруг перевернулась. Людей водоворотом засосало в пучину.

«Шиш тебе, а не героическая гибель», — промурлыкала тонущему Карповичу судьба.

Ну не стерва?

Карпович опустился

ДРУГАЯ ОККУПАЦИЯ

Как во время войны вели себя фашисты на советской территории, известно. Пожалуй, самое отвратительное в истории оккупации то, что степень жесткости в обращении с местным населением определялась на высшем государственном уровне и тщательно дозировалась в соответствии с расовой теорией и политической целесообразностью. Методы, считавшиеся «нормальными» в восточной Европе — на Украине или в Белоруссии (сожжение деревень, массовые казни, угон молодежи в рабство), — в Европе центральной применялись лишь в исключительных случаях, в западной и северной — почти никогда. Ранжирование наций по «качеству» было частью фашистской идеологии.

В городе Сент-Хельере, столице
острова Джерси

В этом отношении примечательна относительно малоизвестная страница войны: захват немцами Англо-Нормандского архипелага в проливе Ла-Манш.

Джерси, Гернси и еще несколько островов, расположенные вблизи французского берега, стали единственной частью Британии, которая была оккупирована гитлеровцами. Около ста тысяч англичан целых пять лет (с июля 1940 до мая 1945) прожили под германским управлением.

Это сосуществование протекало — во всяком случае с нашей точки зрения — в условиях поистине экзотических.

Немцы вели себя на островах выше всяких похвал. Всё очень культурно, вежливо, необременительно для населения. Худшее из зверств, причинившее джерсийцам и гернсийцам тяжкие страдания, — замена дорожного движения с левостороннего на правостороннее.

Местная администрация продолжала работать на своих местах, на улицах поддерживали порядок британские бобби в своих знаменитых шлемах.

Учтивые немецкие солдаты держались сущими джентльменами.

Конечно, когда война закончилась, появился и перечень немецких преступлений. Но по сравнению с тем, как юберменши вели себя в других странах, всё выглядит очень скромно.

Жертв оккупации набралось 5 (пять): двое агитаторов-антифашистов были арестованы и умерли в тюрьме; трех евреев депортировали в Освенцим.

Причины фашистской галантности секретом не являлись. Во-первых, фюрер сильно уважал британцев, считал эту нацию почти равной немцам. Во-вторых, Рейху было очень важно сделать из Англо-Нормандских островов

образцово-показательную «витрину» — чтобы остальные англичане поняли: ничего такого уж ужасного в «Новом Порядке» нет.

Особенно поразили меня некоторые подробности оккупации Сарка.

Это такой крохотный остров, население которого в ту пору составляло менее пятисот человек.

Вот он, снятый сверху.

Сарк: пять с половиной квадратных километров пастбищ и скал

некоторыми феодальными правами: например, ему единственному разрешалось разводить голубей и держать дома невыхолощенных псов. Другими привилегиями к середине XX века саркские сеньоры с дамами, кажется, уже не обладали.

Вот как выглядела эта удивительная беседа

Несмотря на размер, Сарк считался отдельным государством, глава которого («Сеньор» или «Дама», в зависимости от пола) был непосредственным вассалом британского монарха. Так повелось еще со времен Елизаветы I.

Владелец острова по традиции пользовался

3 июля 1940 года два немецких майора с солдатами высадились на островке, чтобы объявить его зоной германской оккупации. Офицеров пригласили пожаловать к Даме Сибил-Мэри Коллингс-Бомон-Хэтауэй, 21-ой владельнице Сарка (правила с 1927 по 1974 г.).

Строгая пожилая леди начала с того, что попросила представителей Вермахта немедленно удалиться, поскольку государство Сарк не объявляло войны Германскому Рейху.

Сконфуженные офицеры уплыли обратно и послали запрос в министерство иностранных дел Риббентропу: как быть? Когда же остров все-таки был оккупирован, дама Хэтауэй заявила, что по законам острова здесь можно пользоваться только конной тягой, употребление автомобилей и мотоциклов строжайше запрещено — и немцы не посмели спорить.

Так же смиренно они вели себя на Сарке до самого конца войны.

10 мая 1945 года дама Хэтауэй приняла у гарнизона капитуляцию и потом командовала им в течение недели, до прибытия английских военных.

Не знаю, какое чувство у меня было сильнее, когда я читал про эти цирлихи-манирлихи, — умиление или раздражение. Боюсь, злобы было больше.

Но в конце концов я сказал себе: британские островитяне не виноваты в том, что им выпало провести ужасные военные годы в относительном благополучии. Хоть кому-то тогда повезло — и слава богу.

Дама острова Сарк на склоне лет с королевским (каким же еще?) пуделем. Поди, невыхолощенным.

ПУТЕШЕСТВИЯ СТАРУХИ ШАПОКЛЯК

Если вы думаете, что самая поразительная фигура в истории географических открытий — Христофор Колумб или Марко Поло, значит, вы не слышали про Иду Пфайфер. Эта женщина покорила мое воображение парадоксальностью судьбы и загадочным устройством души.

Если ограничиться лишь чтением биографических очерков, рассказывающих об Иде, можно прослезиться от восторга. Если же...

Но нет, сначала давайте прослезимся от восторга.

Родилась Ида в 1797 году в Вене. Выйдя замуж, переселилась в Лемберг, нынешний Львов, где много-много лет жила тоскливой, зевотно заурядной жизнью — как тысячи и тысячи других тогдашних немок: киндер-кюхе-кирхе. Нелюбимый муж, который был на много старше; вечное безденежье; тяжкий и неблагодарный домашний труд — и ни минуты времени на себя.

Наверное, Ида Пфайфер засохла и состарилась бы, как говорится, «не приходя в сознание». Но однажды случилось чудо.

Она отправилась к родственникам в Триест, подлечить морским воздухом больного ребенка, и впервые увидела большие парусники в порту. У Иды появилась мечта: сесть на такой корабль и поплыть куда глаза глядят. Путешествовать по дальним странам, где живут совсем другие люди и вообще всё по-другому. Мечта была совершенно несбыточной, даже идиотской. Какие у львовской домохозяйки середины XIX века могли быть путешествия? Чего ради? И на какие шиши? Смешно говорить.

У многих «маленьких людей» бывают нелепые фантазии, которые никогда не осуществляются. Но Ида Пфайфер была слеплена из особенного теста.

Главным для нее, как для всякой истинной немки, было чувство долга. Поэтому прежде всего она сполна расплатилась по жизненным обязательствам: подождала, пока состарится и умрет муж; вырастила и пристроила детей. Зато после этого почувствовала себя абсолютно свободной и воспользовалась свободой на тысячу процентов.

В 1842 году, сорока пяти лет от роду, Ида Пфайфер кардинально изменила свою жизнь. Она села на корабль, плывущий в Константинополь, и потом путешествовала почти без остановки. До самой смерти.

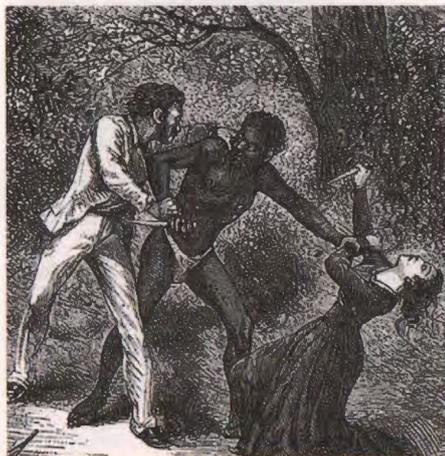
Росту она была маленького, тощая, сутулая. Отличалась завидным здоровьем и верблюжьей выносливостью. Она и ела как верблюд: могла по много дней обходиться без пищи, а при случае, особенно если на дармовщинку, проявляла чудеса прожорливости. Денег у сухонькой фрау было кот наплакал, она берегла каждую монетку. Всюду, где возможно, норовила пристроиться бесплатно. Где нельзя — бешено торговалась, сбивала цену.

Главным принципом, по которому она выстраивала свои невообразимые маршруты, была, как сказали бы теперь, «халява». Найдется добрый капитан, который пустит скромную тетеньку на корабль, — отлично. Она садится и плывет, куда Бог послал. Но с одним условием: это должно быть место, где прежде мало кто бывал (из европейцев, разумеется, — все прочие тогда не считались).

В общей сложности Ида проплыла по морям больше 200 тысяч километров и еще 30 тысяч километров преодолела сушей, в основном на своих двоих. Дважды обогнула она земной шар, побывала во множестве невероятных мест. В некоторых — первой из белых

Ида в походном снаряжении

Некоторые из ее приключений

людей. Например, у охотников за головами на Борнео и у каннибалов Суматры. Последние хотели ее слопать и уже приготовились осуществить свое кровожадное намерение, но Ида произнесла заранее заготовленную фразу на туземном языке: «Не надо меня есть, я старая и жесткая». Людоеды расхохотались и позвали смешную чудачку к себе в гости.

Ида была невероятно смелой и настырной. Одна, безо всякой охраны, почти без денег, она отправлялась в места, откуда живым никто еще не возвращался. И ничего, как-то обходилось.

Свои впечатления Ида старательно записывала, а записки издавала — чтобы заработать деньги на следующее путешествие. Никаких научных целей она не преследовала и особенных открытий не сделала, но Французское и Прусское географические общества приняли храбрую даму в постоянные члены. Британское хотело, но не смогло — туда не пускали женщин.

Всё это выглядит славно, любопытно и очень мило. Если только (вы ведь помните, что в начале моего рассказа было «если» с много-точием)... если только не ознакомиться с обширными записками госпожи Пфайфер.

Это озадачивающее чтение.

Оказывается, любознательной даме ужасно не нравилось всё, что

она видела в дальних краях, столь мало напоминавших Вену с Лембергом. Многое (практически всё) вызывало у фрау Пфайфер брезгливость и отвращение. Потому что грязно, неустроенно, некультурно, а главное — неприлично! В особенности, конечно, не нравились ей всякие неевропейцы. Лица их безобразны, цвет кожи постыдно темен, про манеры и говорить нечего. Весь свет будто сговорился испытывать благонравие почтенной особы. Она путешествовала по всем широтам и взирала вокруг с крайним неодобрением.

Мадагаскарцы у нее «еще уродливей негров и малайцев, ибо вбирают в себя безобразие обеих этих рас». Таитяне «непристойны и безнравственны». Индийские танцы и песни вызывают у Иды гадливость. Американские индейцы невыносимо вульгарны. Und so weiter.

Прямо какая-то старуха Шапокляк, высматривающая кого бы еще обложить пообидней.

Вот так, с поджатыми губками и неприязненным прищуром в течение пятнадцати лет изучала она многообразие Божьего мира, в конце концов подорвала свое хваленое здоровье и еле добралась до родной Вены, чтобы умереть там от последствий тропической лихорадки.

Объясните мне, какого черта эту ворчливую, всем недовольную особу столько лет мотало по свету? Что за негасимый пламень пылал в ее неприветливой душе? В чем хотела она удостовериться? Что правильно провела свою скучную молодость и что лучше австрийской провинции мест на свете нету? Или же хотела найти где-то далеко неслезанную Красоту, померещившуюся ей в силуэтах триестских парусников, но не нашла и от этого на всех осердилась?

Ей-богу не знаю. Тайна.

Прав, прав Митя Карамазов: «Страшно много тайн! Слишком много загадок угнетают на земле человека. Разгадывай как знаешь и вылезай сух из воды».

Суровая и несправедливая

РОКОВАЯ ЖЕНЩИНА: РОССИЯ, ДВАДЦАТЫЙ ВЕК

Сильно не люблю «роковых женщин» — как типаж. Живьем мне, правда, таковых встречать не доводилось (лишь какие-то мелкие экземпляры, трущиеся вокруг музыкальных «звезд», тоже не слишком крупных). Но история культуры этими тетеньками довольно густо населена или, точнее говоря, обсижена — потому что они очень похожи на мух: летят на ярких мужчин, как на мед, и жужжат вокруг них, жужжат. «Жжжж, смотрите, я выше этого вашего гения, потому что сижу у него на макушке! Жжжж, смотрите все на меня, а не на него! Жжжж, а кто это там появился такой интересный? Ой, он перспективнее того! Всё, полетела на нового!»

Никого кроме себя «фам-фаталь» любить не умеет. Никакими талантами кроме умения вампирить мужские сердца обычно не обладает. Больше всего от этого паразитического подвида достается людям творческим, потому что у них сердце нараспашку.

Всё это так.

Но правда и то, что роковые женщины придают культурной среде некий блеск и нервное сияние. Кроме того от их укусов художнику больно, а когда художнику больно, он создает произведение искусства. И за это мы должны сказать спасибо всем этим Авдотьям Панаевым, Аполлинариям Сусловым и Лилям Брик. Я их все равно терпеть не могу, но отдаю должное.

Хорошо. Пусть они будут не мухи — пчелы.

А еще я знаю, что, если над лугом (или помойкой — в зависимости от эпохи), именуемым «культурной жизнью» страны, жужжат

эти деловитые насекомые, значит, в общем, всё нормально. Солнышко светит, цветы цветут, жизнь продолжается. Ибо когда налетают исторические бури, они не щадят и золотистых пчелок — их быстро уносит злым ветром. Не все же обладают цепкостью и живучестью Лили Юрьевны, благополучно пережившей и пролетарских поэтов, и комкоров.

Недавно, читая воспоминания выдающегося хирурга С.С. Юдина, я наткнулся на имя одной такой «фам-фаталь» — и заинтересовался ее судьбой. Эта разбивательница сердец менее известна, чем Лиля Брик, но отзвуки ее мелодичного жужжания, следы ее любовных перелетов с цветка на цветок остались во многих мемуарах.

Юдин пишет, как во время Первой мировой войны к его приятелю приехала погостить на фронт (уже странно) любовница: «очень красивая блондинка среднего роста, роскошного телосложения, с чарующим грудным голосом». Прекрасная особа поразила Юдина своей раскрепощенностью, смелостью суждений, а еще тем, что повсюду водила на цепи ручного волка (тут, как говорится, и Фрейда не надо).

Это была Софья Шамардина (1894—1980), еще в самом начале своей длинной многоцветной жизни.

Дочь мелкого чиновника, она, в числе многих таких же провинциальных девочек, приехала в столицу учиться на Бестужевских курсах, но вместо учебы увлеклась богемной жизнью. В первой своей молодости Софья Шамардина была чем-то вроде переходящего вымпела у декадентов и получила звонкий титул «первой артистки-футуристки».

От небольшого поэта Вадима Баяна (настоящая фамилия у него неромантическая — Сидоров) она перелетела к повсеградно обэкранный Игорю Северянину, который называл ее Эсклармондой. Потом расцвел новый цветок — Маяковский, и пчелка стала

Десятые годы. Она без волка, но, кажется, с чьим-то сердцем в руке

виться вокруг него. Владимир Владимирович, у которого со вкусом было лучше, чем у Северянина, окрестил ее «Сонкой».

Впрочем, может быть, я путаю последовательность увлечений Шамардиной. Баян вот пишет:

*Стало очень обидно, стало очень тоскливо
Оттого, что вы — лучшая в цветнике амуресс,
Оттого что безжалостно, оттого что игриво
От меня к Маяковскому увозил Вас экспресс.*

Не от Северянина, стало быть — от Баяна? Впрочем, неважно, кто там за кем был. Главное — остались стихи:

*Люби меня, как хочется любить,
Не мысля, не страшась, не рассуждая.
Будь мной, и мне позволь тобою быть.
Теперь зима. Но слышишь поступь мая?
Мелодию сирени? Краски птиц?
Люби меня, природы не ломая!
Бери меня! Кюли скорее ниц!*

(Это уже Северянин, и почти не ломается.)

Жалко только, у Маяковского про «Сонку» ничего нет — ее очень быстро оттерла от большого поэта пчела с более острым жалом и на- смерть впиалась в «окровавленный сердца лоскут».

Моему хирургу Юдину красавица с волком встретила, когда у продвинутых барышень вошли в моду война и патриотизм. Шамардина сразу записалась в милосердные сестры — и, разумеется, стала сердечной подругой фронтовика.

Потом грянула революция, и «тренд» переменялся. Самыми яркими мужчинами стали «художники истории» — большевики.

В перечне дальнейших увлечений нашей героини никаких поэтов, сплошь совпартработники. Муж — предсовнаркома Белоруссии Иосиф Адамович. Ну и кроме мужа было много всяких в выс-

шей степени интересных индивидуумов: начальник управления НКВД по Камчатке (чекист плюс дальневосточник!), герой гражданской войны Гай, комкор Витовт Путна и, кажется, даже сам Карл Радек.

В те времена передовая женщина, хоть бы даже и фам-фаталь, не могла быть просто подругой бойца — она сама должна была стать бойцом. И у товарища Шамардиной впечатляющий послужной список. В Гражданскую она — член коллегии тобольской и томской ЧК, потом прокурор Минского округа и депутат горсовета. Далее — в том же духе.

В двадцатые бывшая Эсклармонда одевалась, как героиня рассказа А. Толстого «Гадюка». Маяковский встретил бывшую пассию — едва узнал. Шамардина в это время уже не помнит, что когда-то была «артисткой-футуристкой», потрясавшей публику экстравагантными нарядами. В мемуарах она пишет про встречу с Маяковским: «Я никогда не занималась своими туалетами, и в дни нашей юности вопрос, как я одета, его тоже не занимал. А теперь говорит: «Вот одеть бы тебя!» И рассмеялся, когда я ответила: «Плохи мои дела: раньше ты стремился раздеть меня, а теперь одеть»».

Хотя, судя по фотографии, она и в виде большевички была очень недурна.

Что было в тридцатые, предскажем. Муж в ожидании ареста застрелился. Саму ее в тридцать седьмом тоже забрали, и не могли не забрать, при столь криминальных любовных связях. Получила десять лет, потом еще и «добавку». Освободилась, как тогда шутили остроумцы, в «эпоху позднего Реабилитанса».

Двадцатые. Стриженная, но все равно красивая

Тридцатые. Скоро арестуют

В. Катанян пишет: «Отсидев 17 лет, осталась нестигаемой коммунисткой и умерла в доме для старых большевиков».

(Господи, как мне это знакомо! Моя бабушка, ничуть не роковая женщина, тоже умерла в больнице для старых большевиков. В соседней палате умирала другая старуха — бывшая лучшая подруга, с которой они в тридцать первом году, будучи курсантками Военно-воздушной академии, навсегда рассорились по какому-то идеологическому вопросу. Расстояние между кроватями, через стенку, было меньше метра. Не помирились. Так обе и умерли.)

Вам, может быть, показалось, что я рассказываю о Шамардиной, ерничая? Вовсе нет. Мне ее безумно жалко, она угодила не в ту страну и не в ту эпоху.

Дунул ураган, унес эту красивую пчелку в ледяную пустыню. А всех мужчин, которых она любила (или прикидывалась, что любила), ураган переубивал. Никто из них не дожил до старости.

Муж в предсмертной записке сначала попросил за свой «непартийный выход» прощения у товарищей Сталина и Микояна. А в конце, в неофициальной части, приписал: «Прости, милая и родная Сонюшка. Работай, Сонюшка, на пользу партии за себя и за меня».

Она и поработала. На лесоповале, в лагерном цехе или где там работали зэчки.

Россия. Двадцатый век. Скверные времена для роковых женщин.

ЧЕРТОВСКИ УДОБНАЯ ШТУКА

Когда-то на уроках истории меня учили, что римская империя, а вслед за нею многие раннесредневековые европейские государства приняли христианство из сугубо прагматических соображений. «Вертикально выстроенная» религия с одним Всевышним наверху; идея смирения перед земной властью, которая всегда от Бога; контроль над душами подданных через дисциплинированную структуру духовенства — всё это как нельзя лучше подходило для нужд централизованного управления. Этой логикой руководствовались и восточные владыки, принявшие Ислам, азиатскую разновидность, в сущности, той же системы верований.

Ни в коей мере не отрицая огромную роль веры и церкви в духовном и культурном развитии цивилизации, думаю, что насчет потребительского отношения власти к религии мои марксистско-ленинские преподаватели были правы.

В отличие от буддизма, иудаизма или конфуцианства, которые делают упор на индивидуальном развитии, две главные исторические конфессии, построенные на принципе «меньше суеумствовать и больше доверять начальству», во все времена вызывали у властей предрасположенность прибрать этот эффективный инструмент к рукам.

Оставим в стороне «старую» историю, когда многие монархи были по-настоящему религиозны. Возьмем примеры из недавнего времени — и таких властителей, которые заведомо ни в какого Господа Бога не верили: Сталина и Гитлера. Эти политические антаго-

Речь патриарха на похоронах Усатого: «Упразднилась сила великая, нравственная, общественная...» Особенно «нравственная»

нисты были оба изначально враждебны церкви, потому что не хотели делиться властью над душами ни с какой другой инстанцией. И оба в трудный момент поняли, какая чертовски удобная штука институализированная религия.

Про то, как Сталин в 1943 году сделал резкий вираж от репрессий против духовенства к его прикармливанию, вы и без меня знаете. Великий вождь поманил — и стосковавшаяся по одобрению начальства РПЦ с восторгом кинулась в объятия «власти безбожников». Можно было бы сослаться на войну и патриотизм, но верноподданный пыл церковников ведь не померк и после Победы.

Ладно, не буду про Сталина и РПЦ — это факты общеизвестные.

Лучше расскажу, как покровительствовал «правильным религиям» на оккупированных территориях Гитлер.

В 1941 году, пока нацисты рассчитывали на блицкриг, нелепые верования «недочеловеков» фюрера не интересовали. Но когда стало ясно, что война будет затяжной, а в тылу зашевелились партизаны, курс по отношению к церкви переменялся.

Рядом с «властью от Бога»

Солдатам вермахта на их фашистских «политинформациях» стали разъяснять, что православие — религия полезная, ибо учит туземцев покорности начальству, и поэтому священников трогать ни в коем случае нельзя.

Среди духовенства нашлось множество коллаборационистов. Православную церковь на «освобожденных территориях» возглавил митрополит Сергей (Воскресенский), до войны — управделами Московской патриархии.

В церквях шли молебны за фюрера, с амвона предавали проклятью партизан, а церковные газетенки печатали отвратительную антисемитскую пропаганду.

В конце концов митрополита Сергия убили при не вполне понятных обстоятельствах. В апреле 1944 года на литовском шоссе неизвестные в немецкой форме обогнали автомобиль иерарха и изрешетили из автоматов всех, кто там сидел, а заодно убрали и случайную свидетельницу. Неизвестно, кто это сделал: партизаны, агенты НКВД, прибалтийские националисты или германские спецслужбы. Тайна осталась нераскрытой.

С исламом получилось еще интересней. Следуя древнему принципу «разделяй и властвуй», нацисты всячески старались настроить малые народы Советского Союза против русских. С особой галантерейностью немцы обрабатывали горцев, поскольку прорываться к каспийской нефти предстояло через Кавказ и враждебность местного населения могла бы сильно затруднить продвижение войск.

Муллам любить советскую власть было не за что. Часть мусульманского духовенства, прельщенная немецкими посулами, стала молиться за победу германского оружия. Безбожник и гяур Гитлер был провозглашен великим имамом Кавказа.

В ноябре 1942 года, когда немецкое выступление на юге выдыхалось, командующий 1-й танковой армии Фридрих-Август-Эберхардт фон Макензен даже принял ислам. Уж не знаю, подвергся ли он при этом обрезанию. А что такого? Для дела-то.

Последователь Пророка, в чем-то папахообразном

Диктаторы — черт бы с ними, такая уж у них циничная работа. Но хороши церковники. Если искренняя вера и чертовщина вещи абсолютно несовместные, то церковь и чертовщина — запросто. Черти заводятся под сводами храма всякий раз, когда церковь начинает становиться частью государства и руководствоваться его сиюминутными потребностями.

Или вы с этим не согласны?

ОПРОС
ДОЛЖНА ЛИ ЦЕРКОВЬ В СВОЕЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУКОВОДСТВОВАТЬСЯ
ПОТРЕБНОСТЯМИ ГОСУДАРСТВА?

Участников: 3520

Да

171 (4.9%)

Нет

2247 (64.3%)

Лишь в том случае, если эти потребности не противоречат установлениям религии

1076 (30.8%)

ЗАГАДКА ЧУДОВИЩА

Недавно я писал про «фам-фаталь». Вот вам еще одна история — про женщину, которая была роковой в самом прямом смысле слова, безо всяких романтических коннотаций. Тот, кто встречался с Белль Ганнесс, встречался с Роком.

Я, можно сказать, являюсь профессиональным коллекционером всевозможных злодеев, но другого подобного существа, пожалуй, не знаю. В нем всё — загадка. (Местоимение мужского рода здесь неслучайно — очень хочется последовать примеру Екатерины Второй, которая императорским указом лишила серийную убийцу Салтычиху «милосердного женского звания» и постановила «считать ее мужчиною».)

Но восклицать и заламывать руки я буду в конце. Начну с изложения фактов.

На фотографии мы видим заботливую мамашу с очаровательными крошками —>

Это Белль Ганнесс, родившаяся в Норвегии в 1859 году. Прямо скажем, не красавица. Имя, с которым она появилась на свет — Бринхильд — подходило ей больше, чем «Belle». Но дело не в физических данных. Тетка, смотрящая

на нас со снимка тяжелым взглядом рептилии, всех этих детишек (ее собственных) убила. А также по меньшей мере еще человек сорок. Не сразу, постепенно. На протяжении многих лет. Из-за денег.

Биографы считают, что монстром она стала после жуткого происшествия, приключившегося с ней в юности. Ее, беременную, избил какой-то деревенский богатеи, отчего у девушки случился выкидыш. С тех пор она якобы стала не такой, какой была прежде. Не знаю. Если и так, это мало что меняет.

Обидчик юной Бринхильд вскоре умер от болей в животе, а девушка уехала в Новый Свет, где взяла себе новое имя.

Там она вышла замуж — за лавочника. Родила детей. Двое умерли в раннем возрасте от острых желудочных резей. Доктора решили, что от колита. По счастью, малютки были застрахованы, так что несчастной матери в утешение достались хорошие деньги.

В 1900 году скончался и супруг — в последний день, когда еще не закончилась прежняя страховка, и в первый день действия новой. Доктор заподозрил было отравление стрихнином, да и родственники покойного требовали расследования, но как-то всё обошлось. Смерть списали на больное сердце. Двойную страховую премию вдова потратила на приобретение фермы.

К этому времени у нее уже завелся новый сердечный друг — зажиточный вдовец с маленькой дочкой. Но не складывалось у Белль семейное счастье. Приемная дочурка ни с того ни с сего умерла через неделю после свадьбы. Спустя полгода случилось трагическое происшествие и с мужем: бедняге на голову свалилась тяжелая мясорубка и проломила череп. Ну не повезло человеку, бывает. Белль получила три тысячи долларов страховки.

В последующие годы она еще много раз пыталась выйти замуж. Печатала в газетах объявления: симпатичная вдова ищет в спутники жизни солидного человека со средствами. В соискателях недостатка не было. Многие мужчины вступали с Белль в переписку, и некоторые потом отправлялись к ней в гости с самыми серьезными намерениями, прихватив с собой сбережения. Все как один бесследно пропадали. Никто их особенно не разыскивал, потому что Белль приглашала к себе людей одиноких.

Но однажды произошла досадная накладка. После исчезновения очередного «жениха по переписке» оказалось, что у него есть брат. Этот человек нашел в бумагах приглашение от Белль Ганнесс — с адресом. Заподозрил неладное. Сначала присылал тревожные письма, потом сообщил, что скоро приедет.

В это время Белль пожаловалась шерифу, что ее изводит своими любовными преследованиям Рэй Ламфер, работник фермы. Он-де совсем помешался от страсти, страдает приступами болезненной ревности и угрожает спалить дом. Она выгнала этого нехорошего человека, но очень опасается за себя и детей.

Белль опасалась не зря. 28 апреля 1908 года ферма сгорела. На пожарище нашли четыре обугленных трупа: три детских и один женский. Это была Белль Ганнесс, которую смогли опознать только по зубному протезу, и трое ее малюток (те, что на фотографии).

Раскапывая пепелище, рабочие наткнулись еще на чей-то скелет. Потом еще на один, и еще, и еще. Всего были обнаружены останки двенадцати человек.

Нашли и арестовали Ламфера, который был заподозрен в совершении всех этих убийств —

На месте ужасной трагедии

предположительно из ревности к женихам Белль. Улик было недостаточно, чтобы приговорить обвиняемого к смертной казни. Но Ламфер вел себя странно, бормотал невнятное и получил длительный тюремный срок. Год спустя он умер от чахотки, а перед кончиной сделал священнику признание, повергнувшее Америку в ужас.

Оказывается, на ферме были убиты в общей сложности 39 (тридцать девять!) женихов. Трупы большинства из них были сожраны свиньями или растворены в яме с негашеной известью. Всех прикончила сама Белль.

Неневинная жертва
соблазнительницы

Модус операнди у вечной невесты был таков. Она встречала дорогого гостя, убеждалась, что тот привез с собой чек или деньги, потом опаивала снотворным — и убивала. А дальше уж проявляла фантазию: кого-то закапывала, кого-то растворяла в извести, кого-то рубила на части и подкармливала хрюшек.

Ламфер помогал хозяйке — потому что действительно обожал ее всем сердцем. Она с ним, кажется, даже не делилась.

Когда запахло жареным, Белль решила исчезнуть. Она наняла новую служанку, родом из других мест. В первую же ночь убила ее, одела в свое платье, положила рядом зубной протез. Убила детей. Подожгла дом. Позаботилась о том, чтобы подозрение пало на Ламфера. Самое поразительное то, что она в нем не сомневалась — была уверена, что он не выдаст.

Когда открылась правда, искать подлинную преступницу было уже поздно.

Если вы ждете рассказа о том, как закон настиг злодейку и воздал ей по заслугам, то напрасно. Реальная жизнь — паршивый сюжетопостроитель. Она обожает ружья, которые не стреляют, открытые концовки и преступления без наказания.

Белль Ганнесс так и не была поймана. На протяжении последующих десятилетий ее несколько раз вроде бы видели в разных городах США. Последний раз в 1931 году. А может, это была и не она.

В этой отвратительной истории всё — сплошные загадки.

Во-первых, непонятно, чем жуткая бабища (вес — 90 кг) так привораживала мужчин. Дело даже не в бедолаге Ламфере, который, кажется, был полудурком. Но эта необразованная иммигрантка умела писать письма, которые внушали доверие и симпатию. (Я их читал — в самом деле, очень недурно написаны.) Немолодые, уму-

дренные жизнью люди слетались на роковую ферму, словно мотыльки на огонь. И, увидев воочию, сколь мало симпатична миссис Ганнесс, почему-то не поворачивали обратно.

Поражает хитроумие, с которым чудо-невеста столько лет вела свой людоедский бизнес. С каждой жертвы она получала не столь уж много, но принцип «пять старушек — рубль» отлично работал. В общей сложности, по свидетельству Ламфера, Белль накопила четверть миллиона долларов — это огромная сумма для Америки начала XX века.

Есть что-то тошнотворно нечеловеческое в обстоятельности, с которой Белль провернула свое исчезновение. Главный трюк, конечно, заключался в смерти детей. Ну кому пришло бы в голову, что их умертвила собственная мать? Если б Ламфер перед смертью не разоткровенничался, никто так никогда и не узнал бы, что истинная убийца — Белль и что она жива. В любом случае Белль всех облапошила, вышла сухой из воды. Очень возможно, что где-то в другом месте, под другим именем, она нашла новое применение своим талантам — и тоже безнаказанно, раз не угодила в историю криминалистики.

Всех убитых так и не опознали

Но самая главная загадка, которая не дает мне как писателю покоя, — душевное устройство абсолютного чудовища. У меня не хватает воображения представить внутренний мир Белль Ганнесс. Хотя скорее всего, он был прост и скучен, как анатомия какой-нибудь бактерии.

Но самая главная загадка, которая не дает мне как писателю покоя, — душевное устройство абсолютного чудовища. У меня не хватает воображения представить внутренний мир Белль Ганнесс. Хотя скорее всего, он был прост и скучен, как анатомия какой-нибудь бактерии.

Иногда очень хочется, чтобы ад существовал, правда?

МОЛОТКОМ ПО ГОЛОВЕ

Вы наверняка слышали про «Техасский молоток», а то и видели его. Если не видели — посмотрите:

Тем, кто не в курсе, коротко рассказываю.

Эту на вид неинтересную штуку нашли в 1934 году в Техасе. Молоток врос в известняк, причем деревянная часть окаменела, а внутри даже превратилась в уголь — для этого должно было пройти несколько десятков миллионов лет (загадка № 1). Металлическая часть состоит из железа такой чистоты, какой не знает история металлургии; коррозии — ноль (загадка № 2).

Разумеется, у «Техасского молотка» есть горячие сторонники, утверждающие, что он изготовлен какой-то неведомой цивилизацией в незапамятные времена. Есть и скептики, которые делятся на две группы: абсолютные и умеренные. Первые заявляют, что всё это надувательство и мистификация. Вторые — что молоток был потерян

каким-то рудокопом в 18 веке и что в известняковой породе дерево минерализуется очень быстро. (Про химический состав железа они тоже что-то такое объясняют, не помню.)

Я не собираюсь ломать копья, защищая молоток или, наоборот, разоблачая его. Если правы скептики, молоток не представляет интереса, и нечего попусту сотрясать воздух.

Но вот если правы энтузиасты... Тогда — страшно. И грустно.

Давным-давно я читал фантастический роман Уолтера Миллера «Песнь для Лейбовица». Действие его начинается в глухую пору средневековья. Монахи находят клочок божественно тонкого и волшебно полупрозрачного пергамента с мистическими узорами. Он становится священной реликвией, которую благоговейно передают от поколения к поколению. Человечество долго и трудно эволюционирует от варварства к просвещению. Общество и наука делают робкие, всем нам хорошо известные шаги. И в какой-то момент становится ясно, что реликвия — это чертежная калька, на которой изображена электронная схема. (Кажется, так. Давно читал, плохо помню.) То есть получается, что действие романа происходит не в далеком прошлом, а в отдаленном будущем — после того, как мы все сгнули в ядерной катастрофе. А заканчивается роман тем, что новое человечество снова погибает. В общем — антиутопия, роман-притча. Как писали в советские времена, «предостережение прогрессивного писателя апологетам холодной войны».

Но если допустить, что «Техасский молоток» — не проделка трикстеров и не троллинг известняковой породы, о притчах говорить не приходится.

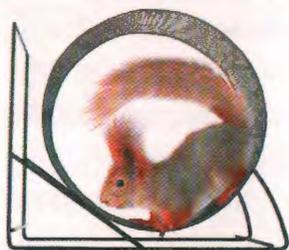
Представьте — на минуту, только на минуту, — что молотку пятьдесят или сто миллионов лет. Это означало бы, что у нас на Земле когда-то всё уже было. И возможно, что неоднократно.

Ничего фантастического в этом предположении нет.

Вся история нынешней человеческой цивилизации, корни которой тянутся из восточной Африки, укладывается в жалкие шестьдесят тысяч лет. А планета с момента своего возникновения сделала вокруг Солнца четыре с половиной миллиарда оборотов; первые позвоночные появились пятьсот миллионов лет назад. За это

Сурок опять проснулся?

Белочка опять побежала?

Ослик устремился
в погоню за прогрессом?

время цивилизации, подобные нашей, могли возникать и гибнуть бог знает сколько раз.

Может быть, мы существуем на обломках прежнего человечества, даже не сознавая, что это — обломки?

Например, горы, по которым ползают наши доблестные альпинисты, — это остатки огромных городов.

Озеро Байкал — древний резервуар питьевой воды.

Луна — искусственный спутник, с помощью которого то человечество решало проблему перенаселенности.

Песок, хрустящий у нас под ногами, — размельченные в пыль дома.

И так далее, и так далее.

Население Земли в таком случае — коллективный Сурок, коротенький день которого пролетает и заканчивается, пролетает и заканчивается. И всё снова-здорово: палка-копалка, добывание огня, изобретение колеса, законы очередного Хаммурапи, гуманизм, фашизм, ядерная реакция, Интернет, клонирование...

Очень все-таки надеюсь, что молоток фейковый. Как-то оно было бы утешительней.

О ПИСАТЕЛЬСКОЙ ФАНТАЗИИ

Всю предновогоднюю неделю ездил по Иберийскому полуострову. Накрутил больше трех тысяч километров по откровенно пустым рождественским автострадам. Дороги в основном хорошие, радаров и полиции не видно. Гонять — одно удовольствие. Одна беда: из-за гладкости покрытия и монотонности сервантесовского пейзажа (холмы-пустоши, пустоши-холмы) клюешь носом.

И несколько раз, когда начинали слипаться глаза или педаль газа вдавливалась в пол слишком сильно, было мне явлено зловещее видение. Первый раз я аж дернулся.

Из-за поворота вдруг выглянул черный бык с длинными острыми рогами — будто мрачный ангел лихой внезапной смерти.

Сон как рукой сняло. Я успел лишь разглядеть, что силуэт быка вырезан из фанеры или чего-то такого и что он исполинский — высотой метров пятнадцать. На загадочном знаке не было написано ни слова, и это неудивительно: Абадонна молчалив. Через минуту я уже сомневался, не привиделся ли мне рогатый монстр.

Но потом бык — всё время один и тот же — являлся мне снова и снова, и каждый раз очень вовремя. Он несомненно существовал на самом деле, он не был галлюцинацией.

Тайна Черного Быка, молча наблюдающего за дорогой (и за мной на этой дороге), волновала мое воображение. Я обещал себе, что при первой же остановке погуглю на «Spanish highways + black bull», но, конечно, забывал про это и вновь вспоминал лишь при следующем тавромираже. Крепло ощущение мистической связи с Черным Быком. О, как я понимал в эти минуты бедного Моцарта: «Мой чёрный бык. За мною всюду, как тень, он гонится».

Будучи писателем материалистического мировоззрения, я, конечно, разоблачил этот сеанс черной магии. Я создал логичную версию, которая всё мне объяснила.

Придорожные инсталляции — креатив туземных гаишников. Зная, что образ остророгого быка, несущего гибель отчаянному тореадору, внятен всякому испанцу с раннего детства, они придумали элегантный знак-предостережение: «Не превышай скоростной режим, пылкий испанский водитель! Не пей вина, не спи, не нарушай пэ-дэ-дэ! Тореадор, не надо смелее в бой! Le taureau s'élance! Il entre, il frappe! Придет черненький бычок и проколет твой бочок!».

Изыщество испанской ДПС приводило меня в умиление.

Но однажды, уже за Сарагосой, очередное явление быка совпало по времени с необходимостью долить топлива, и я не успел забыть про рогатого до ближайшей заправки. Остановившись, я первым же делом схватился за айпад.

¡Oh dios! Моему разочарованию не было предела.

Выяснилось, что силуэт черного быка — реклама какого-то испанского шерри-бренди. То есть вовсе не поэтичное предупреждение об опасностях Пути, подстерегающих Странника на земной юдоли, не *memento mori*, не благожелательный совет избегать греховных соблазнов, а мессидж прямо противоположного свойства: «Хлебни вина, кабальеро, и ничего не бойся. *Que sera sera*. Всё лишь бредни, шерри-бредни, ангел мой».

Однако при всем разочаровании я и тут умудрился подцепить кончик мистической ниточки, связывающей меня с рогатым обманщиком. Оказалось, что мы с ним ровесники: он появился на свет одновременно со мной, в 1956-ом. Как и я, идет бычок, качается, вздыхает на ходу уже пятьдесят седьмой год.

У, писатели, лакировщики действительности. Вечно напридумывают черт знает что и радуются.

МЕЖПЛАНЕТНЫЕ КОРАБЛИ

В Трифоновском романе про людей, которые жили, а потом исчезли и про них все забыли, есть короткий пассаж, от которого у меня всегда щемило сердце: «Мальчик Саша вырос и состарился. Поэтому никому ничего не надо».

А мальчики, которые даже и не состарились, тем более никому не нужны. Люди, которые их хоть изредка вспоминали, все умерли.

Это я начитался старых писем.

Про свою любовь к старым фотографиям я уже писал, про любовь к старым письмам — еще нет.

Мне важно, чтоб письма были не из книги, не напечатаны безличным шрифтом на типографской бумаге, а написаны рукой — выпцветшими чернилами на потускневших листках. Тогда возникает ощущение, что они адресованы персонально мне. Тех, кому было надо, на свете уже нет. А мне интересно, мне очень интересно. У меня от такого чтения дух захватывает. Я терпеливо разбираю по черк и досажаю, если какой-то фрагмент не расшифровывается или если кто-то совершенно мне неизвестный обозначен инициалами, а не полным именем.

Тем более интересен мне человек, писавший письма моей матери.

После нее остались бумаги, которые она хранила много лет, никому не показывая. В том числе несколько десятков писем, сложенных в прозрачный файл.

Вот у меня через пять лет после ее смерти наконец дошли руки. Сажу, читаю.

Мать когда-то рассказывала мне про одноклассника Леньку Винтера, но ничего толком в памяти не зацепилось. Это я теперь бы послушал, а в юности меня занимали другие вещи.

Был какой-то парень. Погиб, как большинство мальчишек из класса. Обычная история для выпуска 1939 года. У подруги моей матери, кончившей школу в 41-м, вообще никто из ребят с войны не вернулся, ни один человек.

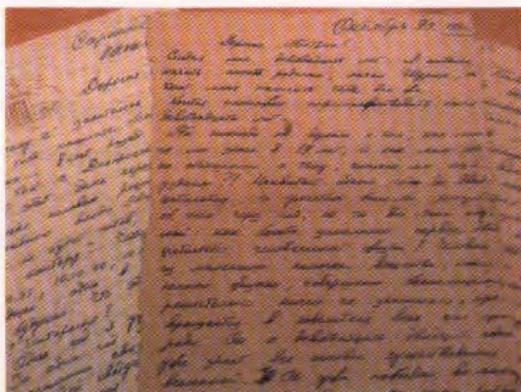
Так выглядит школа в Старопименовском переулке, где училась мать (это бывшая гимназия Крейна).

Школа была хорошая, чуть ли не лучшая в Москве. Все поступили в институты. Но с первого курса мальчиков забрали в армию. Все Ленькины письма присланы из воинской части, датированы 1939, 1940 и 1941 годами.

Осенью 41-го Ленька должен был сдать экзамен на младшего лейтенанта запаса и вернуться в институт. Он собирался стать физиком.

Естественно, в пачке только его письма. Ее писем нет. Вероятно, они были зарыты вместе с убитым. Или валялись на снегу, рядом с выпотрошенным вещмешком.

Из Ленькиных писем ясно, что у него с матерью был роман. Платонический — под стать той советско-викторианской эпохе. Про любовь ни слова. Она вся, как в хокку, между строчками:

Она и сейчас школа. Пушкина — в память о погибших учениках

«Я все время чувствую потребность говорить и говорить с тобой, обо всем...»

«Ты знаешь, что со мной можно поговорить, что мне можно абсолютно все сказать, и ты знаешь, что, если ты скажешь, что

это серьезно, то я не буду ни смеяться, ни... ээээ... ни вообще. Трудно, черт возьми, подбирать слова».

«Я у-бий-стве-нно хочу тебя видеть, слышать, говорить. Это так необходимо!»

У Ленки «убий-ственно» — любимое

Это моя мать накануне войны. А это он.
В одно из писем вложена фотокарточка

слово, встречается по несколько раз в каждом письме: «Я убий-ственно много думаю в последнее время». «Вообще все-все вы — убийственно мировые ребята». (Это про одноклассников.)

Про себя: «Я счастливый человек, у меня замечательный характер. Я никогда не буду в отчаянии, и я никогда не покончу жизнь самоубийством».

*(«Он не знал, на каком пороге
Он стоит
И какой дороги
Перед ним откроется вид...»)*

Про будущее: «...Я верю, что будет обязательно и вовсе не так нескоро такое общество, где сволочь-человек будет редкостью. Я верю, что я буду иметь таких друзей, таких друзей — жуть, каких друзей!!! Верю в то, что будет время, когда я буду торжествовать победу моего какого-нибудь ракетоплана над самолетом, когда мой или наш звездолет вылетит за пределы земного тяготения!»

Ракетоплан — не фигура речи, а тема главного жизненного интереса. В одном из писем Ленка рассказывает, как после института

будет работать в научной лаборатории. «И вот этот коллектив начинает разрабатывать грандиознейшую идею — макушку человеческой мысли. Мы создаем ракетные двигатели, вагон ракетных двигателей — приспособлявая их ко всевозможным движущимся предметам: велосипед, коляска, автомобиль, лодки, сани, самолет... Дальше — больше: мы создаем межпланетные корабли. Сначала в них никто не летает, затем мыши, собаки — я!»

С межпланетными кораблями всё примерно так и произошло, только полетели на них другие.

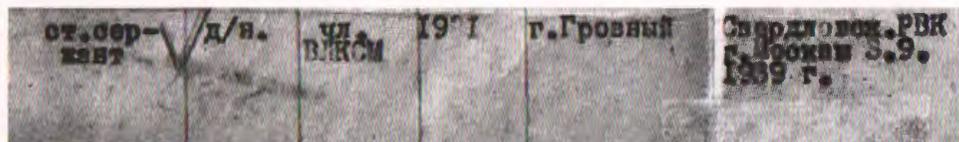
На матери тоже женился другой — мой отец, которому повезло выжить.

А полудетский эпистолярный роман — это, так сказать, тупиковая, нереализованная ветвь эволюции. К тому же, если бы у них всё получилось, тогда бы не было меня.

Но, честное слово, когда я читаю эти письма...

P. S.

Я был бы не я, если бы не полез искать следы Леньки по базам данных. Нашел в «мемориальском» архиве погибших сразу несколько Леонидов Винтеров подходящего года рождения. Мой наверняка этот:

Уверен, что это он. Всё совпадает. Там в сопроводилровке еще и домашний адрес: Старопименовский переулок. Близко было в школу бегать.

Старший сержант Леонид Оттович Винтер, командир группы разведчиков. Пропал без вести в декабре 1942 года.

Когда пропадали без вести летом 41-го, это чаще всего означало плен. В декабре 42-го — что с убитого не сняли смертный медальон или же что того, кто снял, тоже убили.

БЕЛЫЕ РАДЖИ (ИЗ ФАЙЛА «КОЛОНИЗАЦИЯ»)

Сколько раз этот сюжет встречается в сказках и приключенческих романах!

Герой попадает в тридевятое царство (или экзотическую страну, затерянную среди африканских-американских-азиатских просторов), в одиночку или с помощью горстки верных друзей покоряет его и становится там правителем, озаряя туземцев светом своей мудрости и благородства.

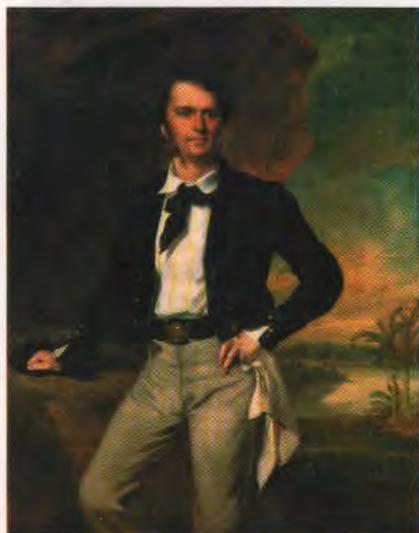
В реальной жизни такого не случается. Во-первых, кому нужен иноземный правитель, когда своих желающих пруд пруди;

во-вторых, никто никого никогда не завоевывал в одиночку или с горсткой верных друзей; в-третьих, откуда у авантюриста возьмутся мудрость и благородство?

Но одну такую историю я все же знаю. Или почти такую. (Хотя по поводу мудрости и благородства данного конкретного героя существуют различные мнения.)

Как бы там ни было — знакомьтесь: Джеймс Брук, основатель династии белых раджей Саравака.

Он был сыном колониального судьи, провел детство в Индии и лю-

Прямо капитан Грей из «Алых парусов», правда?

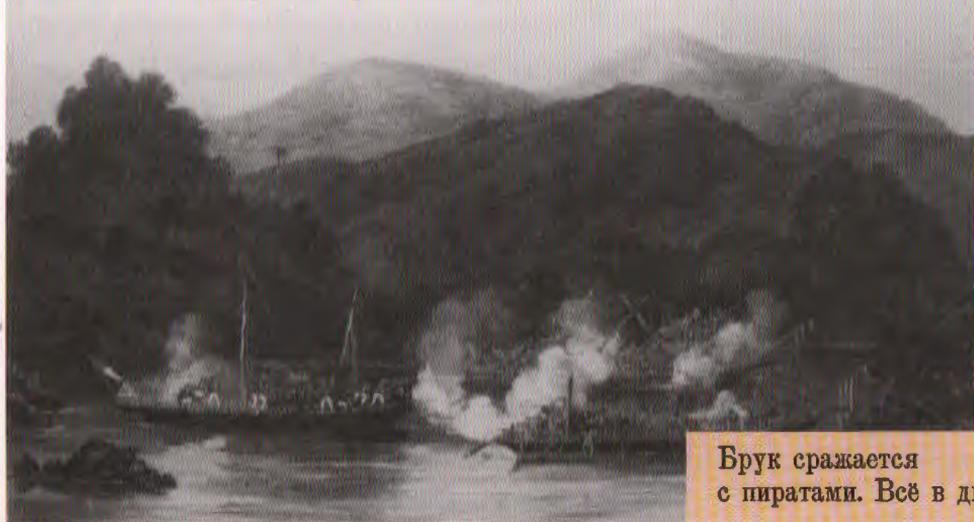
бил Азию больше, чем далекую холодную Европу. В 12 лет мальчика, как было принято, отправили в Англию, чтобы воспитать из него настоящего британца, однако монохромная, чопорная историческая родина юному Джеймсу очень не понравилась. Из школы он сбежал, а при первой же возможности вернулся в Индию, где получил патент офицера в армии Ост-Индской компании.

Храбро воевал, был тяжело ранен (к этому ранению мы еще вернемся) и в 33 года оказался в отставке, не у дел. Попробовал заняться морской торговлей — не обнаружилось коммерческих талантов.

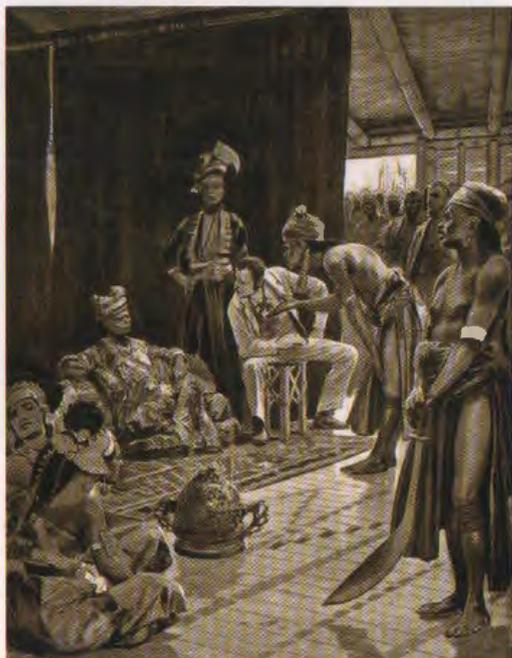
Несколько лет спустя уже не очень молодому лузеру вдруг досталось солидное наследство — 30 тысяч фунтов. Вместо того, чтобы жить-поживать да ренту проживать, Брук потратил всё состояние, купив списанную с королевской службы военную шхуну «Роялист», и отправился охотиться на Фортуну.

Она поджидала героя на Малайских островах, где султан Брунея никак не мог совладать с бунтовщиками и пиратами. Брук предложил монарху помощь. Огнем корабельных орудий, штыками и саблями британец навел в стране порядок. Мятежников разгромил, пиратов расчеховостил.

В благодарность султан назначил триумфатора губернатором беспокойной провинции Саравак, а потом (в 1842 году) подарил эту область полезному иностранцу в личное владение. Так появилось восточное государство с раджой-англичанином. Страна была не ска-

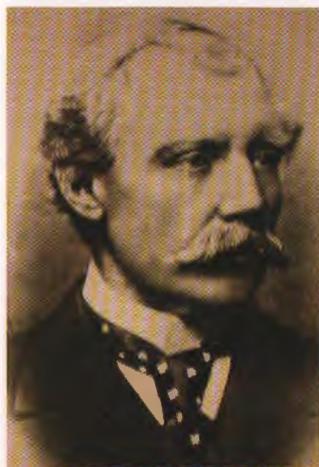
Брук сражается с пиратами. Всё в дыму

Брук на аудиенции у султана

зелье джунгли новой страны (в смысле, не головами, а охотниками).

Брук был человеком крутого нрава, но твердых правил. Если вводил законы, то свято их исполнял. Заботился о подданных, не позволяя чужеземным промышленникам наживаться за счет туземцев. При этом Джеймс слыл изрядным оригиналом. Я читал описание

Джеймс Брук (1803—1868)
в зрелые годы

суда, который раджа устроил над крокодилом, слопавшим придворного переводчика (бедняга спьяну свалился в реку). Преступника поймали и привлекли к ответу. Рядом с монархом восседала его неизменная спутница, орангутаниха Бетси. Брук выслушал показания сторон, записал в протокол решение и огласил его: «Обвиняемый приговаривается к немедленному умерщвлению и погребению без военных почестей. Голову преступника отделить от туловища и выставить в предостережение всем хищникам, обитающим в этих водах».

зять чтобы большая, но и не карликовая: сто тысяч квадратных километров, полмиллиона жителей.

Это событие не могло не обрадовать правительство ее величества: зона британского влияния расширялась. Брук получил рыцарство, должность губернатора, Орден Бани и разные прочие онеёры.

Он и в дальнейшем продолжал доблестно сражаться с морскими разбойниками, работорговцами и охотниками за головами, которыми ки-

Белый раджа № 2 и его рани: никакого азиатского колорита

У основателя династии не было детей. По этому поводу ходили (и до сих пор ходят) разные слухи: то ли он придерживался нестандартной ориентации, то ли в свое время был ранен в неудачное место. Лично я полагаю, что Джеймс был максималистом и просто не встретил свою Единственную, а паллиативы его не устраивали. (Именно таким я бы сделал Джеймса Брука, если бы писал о нем роман.)

Так или иначе, за отсутствием сына царство он завещал племяннику Чарльзу.

Белый раджа № 2 (1829–1917) оказался правителем еще более толковым. Он окончательно искоренил пиратство, работоторговлю и кровожадный спорт лесных башибузуков. Организовал гражданские службы, запретил «капиталистическую эксплуатацию» (именно так и формулировал), учредил парламент, построил железную дорогу. Статус британского протектората позволял стране обходиться без регулярной армии — большое облегчение для бюджета. А в начале XX века на Сараваке обнаружили нефть, что сразу же сказалось на уровне жизни.

Брук Третий по имени Вайнер (1874–1963) оказался в династии последним.

Раджа № 3

Второй мировой раджа наделил парламент властными полномочиями, отказавшись от самодержавия за хорошую денежную компенсацию (вот какие, оказывается, бывают мирные революции).

Банкнота независимого государства

Он окончил Кембридж, получил от Георга V право именоваться «высочеством». Во время Первой мировой войны оказался более британцем, нежели саравакцем — служил инкогнито в лондонской зенитной части.

За время своего четвертьвекового правления Вайнер немало сделал для своей маленькой страны. Она неплохо существовала за счет нефти и каучука. Правительство продолжало оберегать жителей от чужестранных напастей (в Саравак даже не пускали христианских миссионеров). Перед

В 1941 году всё кончилось. Пришли свирепые японцы и оккупировали сказочную страну. Раджа уехал в эмиграцию, да так на трон и не вернулся — передал свою державу британской короне, а за это стал получать солидную пенсию. (Ну да, его высочество любил денежки, и что такого?)

В 1963 году Саравак сделался частью Малайзии. От царства белых раджей остались только почтовые марки:

ТЕОРИЯ ПОПЛАВКА

«— Знаете, вся моя жизнь ушла на то, чтобы убедиться в правоте банальных истин, — сказала мисс Палмер».

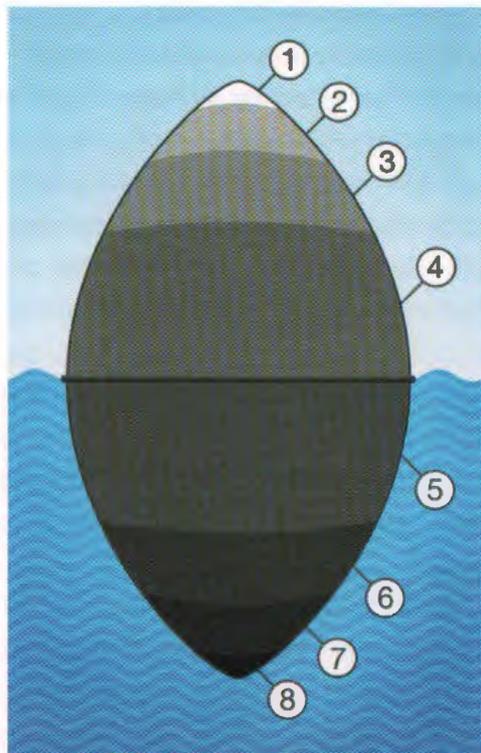
Из беллетристики

Вот вам еще одна банальная истина. Я решил назвать ее «Теория поплавок».

Даже специально поплавок нарисовал, для наглядности.

«Поплавок» — это человечество. Видите: оно делится на категории разного размера, от первой до восьмой. Первая — белая, потом белизна постепенно убывает, и восьмая категория бесприсветно черная.

Таковы градации личности, от прекрасной до ужасной, — в зависимости от хорошего или плохого поведения. Для ясности: «плохим» мы будем считать поведение, про которое человек со всей несомненностью знает, что оно — плохое. Благие наме-

(Этот уже не мой. Мой был корявее. После публикации прислал блогер [re4mat](#))

рения, приведшие в ад, явным и несомненным Злом считать не будем. Если кто-то хотел как лучше, а получился ужас-ужас, объявляем амнистию.

1. Люди первой, высшей категории — те, кто *делает хорошее*, даже если это сулит неминуемую немедленную гибель. Скажем, Иисус, если относиться к нему как к историческому персонажу. Или, не знаю, Януш Корчак. В общем, подвижники, каких на свете единицы.

2. Затем следуют те, кто *делает хорошее*, даже если это грозит им тюрьмой и сумой. Например, лучшие из декабристов и народовольцев, или диссиденты, вышедшие в 68-ом на Красную площадь. Таких людей несколько больше, но все равно мало.

3. Третья группа многочисленней: люди, которые *делают хорошее*, даже если это создает им неудобства или подвергает их благополучие некоторому риску.

4. Совсем большая категория — четвертая. В ней люди, которые охотно *делают хорошее* — но при условии, что это совершенно безопасно и не слишком обременительно.

5. Пятая страта по размеру не уступает четвертой. Сюда относятся люди, которые *делают хорошее*, только если это выгодно.

6. Далее идут люди, которые спокойно *делают плохое*, если это сулит дивиденды. (Видимо, таковы большинство депутатов нашей Госдумы.)

7. Еще ниже — те, кто *делает плохое* совершенно бескорыстно, для собственного удовольствия, но лишь в том случае, если это не чревато карой. (Урия Гип, Старуха Шапокляк... Хотел опять называть некоторых современников, но ладно уж, не буду — не про то пост.)

8. Наконец, самая скверная и опасная разновидность, по счастью, редкая: выродки, которые *делают плохое*, даже если при этом сильно рискуют. (Это злокачественные социопаты — Джек Потрошитель, Чикатило, Ганнибал Лектер.)

Обратите внимание на то, что линия «воды» проходит между четвертой и пятой категориями. Это граница, отделяющая людей, целиком или по преимуществу хороших, от людей, целиком

или по преимуществу плохих. Именно к 4-й и 5-й категориям («ни рыба, ни мясо», но одни все-таки скорее «рыба», а другие все-таки скорее «мясо») относится подавляющее большинство жителей планеты.

Тут важно знать еще вот что. Состав «воды» (социально-политическая и нравственная среда) в разные времена и в разных обществах неодинаков. В гнусные периоды истории «вода» затягивает поплавок вглубь, и тогда его полоски опускаются. Чем хуже времена — тем ниже. (Рыболовы и знатоки физики, не занудствуйте. Мой поплавок — фигуральный.)

При этом вторая группа распадается на севших и на замолчавших, третья группа дрожит, четвертая кланчивается, пятая стучит, шестая сторожит, седьмая пытается, восьмая правит бал. Все люди становятся хуже, чем их сотворила природа, — кроме, разумеется, первой категории, которая без своего креста не останется. От всего «поплавок» только одно это крошечное белое навершие и торчит, оно-то никогда под водой не скроется.

Но бывает, слава богу, и наоборот. Когда состав «воды» улучшается, «поплавок» идет кверху. Если в обществе приличное поведение поощряется, вся пятая категория делается такой славной, что любо-дорого посмотреть. Шестой категории пакостить невыгодно, седьмая — боится. Ну а за восьмой охотится полиция (та, что «служит и защищает», а не «ворует и крышует»).

Степень здоровья того или иного общества определяется очень простым показателем: поведением четвертой и пятой групп. Если *делать хорошо* в данной стране безопасно, страна уже не больна. А если еще и — ух ты! — выгодно, значит, у страны отменное общественное здоровье. Именно в такой России и хотелось бы жить.

Теперь, если позволите, маленький тест (в том числе и на честность перед самими собой):

К какой из вышеназванных категорий вы себя относите?

(Первую и восьмую опускаю, потому что подвижники постесняются, а людоеды поопасаются)

ОПРОС
К КАКОЙ ИЗ ВЫШЕНАЗВАННЫХ
КАТЕГОРИЙ ВЫ СЕБЯ ОТНОСИТЕ?

Участников: 6588

ко второй

■ 111 (1.7%)

к третьей

■ 2010 (30.9%)

к четвертой

■ 3994 (61.4%)

к пятой

■ 250 (3.8%)

к шестой

■ 55 (0.8%)

к седьмой

■ 86 (1.3%)

СОБИРАТЕЛЬ ВЕЕРОВ

Кто про что, а я всё про два мира, Большой и Малый. Почитал комменты к предыдущему посту, и захотелось рассказать про одного человека.

Некоторые исследователи считают, что он определил судьбы мировой истории. Во всяком случае, этот человек совершил несколько Больших Поступков — в историческом и в человеческом смысле. Но основную часть жизни он провел в мире очень маленьком, занятый такими же маленькими делами.

Я заинтересовался этим удивительным китайцем, когда вместе с эфемерной Анной Борисовой готовился писать книжку про русскую Маньчжурию. В роман персонаж не поместился, он был слишком масштабный, поэтому поминается там вскользь. Но я знал, что обязательно к нему вернуться.

Сначала, очень коротко, обрисую фон событий.

Китай. Первая треть XX века. Империя богдыханов рухнула, рассыпалась на куски. У каждого куска — свой отдельный богдыханчик.

Весь северо-восточный угол Поднебесной достался сильному человеку по имени Чжан Цзолин. Кличка — «Мукденский тигр».

Маршал Чжан Цзолин
(1875—1928)

Ехал-ехал, да и взорвался

Бывший хунхуз (то есть, попросту говоря, бандит), он перешел на службу в императорскую армию, сделал там большую карьеру, а когда начался хаос, быстро пошел вверх. На время даже захватил Пекин, но не удержал-

ся там и отступил обратно на северо-восток. Зато уж Маньчжурию держал крепко, в ежовых рукавицах. В общем, обыкновенный военный диктатор, в истории таких полным-полно.

Легко стать маршалом к 26 годам, если уже в раннем детстве носишь золотые эполеты

В июне 1928 года маршал Чжан Цзолинь погиб в результате диверсии, устроенной на железной дороге.

До сих пор спорят, кто его убрал: то ли советские спецслужбы, то ли японские. Диктатор со всеми не ладил, всем надоел, а район был сверхважный, стратегический — ключ к контролю над Китаем.

Вероятнее все-таки, что теракт устроили японцы. Они надеялись стать главными благополучателями от смены власти в Маньчжурии. Их расчеты связывались с юным наследником диктатора Чжан Сюэляном. (В китайской истории его обычно называют «Молодым Маршалом», в отличие от его родителя — «Старого Маршала».)

Наследник вырос таким, каким и следовало ожидать: прожигатель жизни, плейбой, игрок в покер, коллекционер спортивных автомобилей, завсегдатай дансингов, да еще и морфинист.

В общем, никаких проблем от Молодого Маршала японцы не ожидали. В это время они, следуя

тому же ноу-хау, обхаживали другого юного разгильдяя, бывшего императора Пу И, — готовились сделать его своей коронованной куклой.

Но Чжан Сюэлян японцев неприятно удивил. Он был бабником и наркоманом, но отнюдь не слабаком. Стратегам Квантунской армии следовало бы обратить внимание на увлечение юноши авиацией — в двадцатые годы тусы на самолетах не летали.

Оказавшись во главе государства и армии, Чжан Сюэлян показал себя человеком, способным на решительные поступки.

Прежде всего он избавился от наркозависимости. Это ладно, дело личное. Но вслед за тем Молодой Маршал совершил свой Первый Поступок. Он разорвал отношения с Токио, для чего ему пришлось пристрелить пару близких советников, японских агентов. Чжан Сюэлян объявил, что его главная цель — сильный и независимый Китай.

Можно было бы предположить, что это честолюбец, который прокладывает себе дорогу к верховной власти, однако здесь он совершил свой Второй Поступок: добровольно отказался от претензий на лидерство, чтобы не дробить патриотические силы. В последующие годы Молодой Маршал оставался на вторых ролях, в тени Чан Кайши, не претендуя на большее. Так продолжалось до тех пор, пока непримиримая враждебность генералиссимуса по отношению к коммунистам не превратилась для Китая в главную причину военных неудач. Японцы успешно пользовались раздором в стане врага: разделяли и властвовали.

Тогда Молодой Маршал совершил свой Третий Поступок, самый главный. Он арестовал шефа, к которому относился с сыновней почтительностью, и заставил генералиссимуса помириться с коммунистами. Это событие, произошедшее 12 декабря 1936 года, вошло в историю под названием «Сианьского инцидента». В результате не-

Выглядел он, несмотря на ордена, весьма несолидно

долговечного союза между Мао Цзедуном и Чан Кайши китайские коммунисты получили передышку и избежали разгрома. Со временем они настолько усилились, что сумели покорить весь Китай. Таким образом, нынешняя мировая геополитическая ситуация, а также предвещаемый всеми грядущий Век Китая — отчасти дело рук Молодого Маршала. (Неудивительно, что в современной КНР Чжан Сюэлян считается национальным героем.)

Однако поразительнее всего Четвертый Поступок Чжан Сюэляна. В историческом смысле этот шаг большого значения не имел, но в смысле человеческого его переоценить трудно.

Добившись от генералиссимуса согласия на союз с красными, Молодой Маршал не стал держать Чан Кайши заложником (чего добивались коммунисты), а отпустил на свободу. Более того — добровольно ему сдался, не прося снисхождения. Предательство, даже совершенное во имя высшей цели, не заслуживает прощения — таков был смысл этого жеста.

К сожалению, Чан Кайши оказался менее великодушен. Он не расстрелял изменника (тот был слишком популярен), но и не помиловал. Чжан Сюэляна поместили под арест навсегда. Пока Чан Кайши оставался в Китае, маршала содержали на континенте. Потом увезли на Тайвань и продолжали мариновать там. В 1975 году непрощающий Чан умер, но пленника и тогда не амнистировали.

Раньше я полагал, что рекордсменом среди политзаключенных является Рудольф Гесс, просидевший за решеткой с 1941 до 1987 года. Но ему далеко до Чжан Сюэляна. Того держали под стражей 55 лет. Лишь в 1991 году узника отпустили на все четыре стороны. И он потом прожил еще десять лет, скончавшись столетним. В некрологе тайваньской «Тайпей ньюс» написали: «Это был хороший человек, но наивный политик».

Хотел бы я знать, что происходит с обитателем Большого Мира, когда его вынуждают переселиться в Малый Мир? Понимаете, когда масштабного человека, вроде Манделы или Ходорковского, сажают в настоящую тюрьму, с решетками, вертухаями, штрафными

изоляторами, его мир все равно продолжает оставаться Большим, потому что заключенный противостоит Злу, он борется.

С Молодым Маршалом поступили иначе. Его кара выглядит изощренной китайской казнью.

Узник жил в комфортабельных условиях, с любимой женщиной. Иногда к нему даже пускали гостей. Он мог читать книги. Совершенствовал искусство каллиграфии. Собрал внушительную коллекцию вееров. И так далее, и так далее — на протяжении пятидесяти пяти лет.

Эта подневольная идиллия кажется мне ужасной.

Как у Шварца: «Живут же другие — и ничего! Подумаешь — медведь... Не хорек все-таки... Мы бы его причесывали, приручали. Он бы нам бы иногда плясал бы...».

В 35 лет обрезали крылья, посадили в золотую клетку, кормили отборным зерном. Выпустили девяностолетним обладателем коллекции вееров.

Хотя черт знает. На фотографии справа Чжан Сюэянь выглядит вполне счастливым.

Я вот думаю: а может, не нужно его жалеть? Что если, насильно лишенный бремени Большого Мира, он испытал облегчение и жил себе со спокойной совестью: сколько сумел, столько и сделал, почему бы спокойно не насладиться тихими радостями Малого Мира?

Очень старый Молодой Маршал с женой. Их любовь длилась больше 70 лет. Она умерла в 2000 году, он — в 2001

ДЛИННЫЙ ПОСТ ПРО СЕКРЕТ ДЛИННОЙ ЖИЗНИ

В связи с Молодом Маршалом, мирно дожившим до ста лет, я стал думать вот про что.

Среди долгожителей на удивление мало знаменитых людей. Как начнешь разбираться, оказывается, что почти все, кто дотягивает до глубокой-преглубокой старости, прожили заурядную, малособытийную жизнь. Горели неярко и ровно, потому долго и не перегорали.

Но бывают исключения.

Интересно получается с политическими и государственными деятелями. Такое ощущение, что для этой категории знаменитостей самый надежный билет в длинную жизнь — вовремя сверзнуться с Олимпа. После балансирования на верхушке политической пирамиды, где сплошь стрессы и риски, уход со света в тень нередко становится мощным ревитализирующим стимулом, вроде второго рождения. Кто с горя не умирает быстро, получает хороший шанс на сверхдлинный забег. Особенно благотворны почему-то опала, сокрушительный крах и даже заточение (как в случае с Молодым Маршалом).

В качестве архетипического примера приведу сюжет из отечественной истории.

На портрете справа наверху последний атаман Запорожской сечи Петро Калнышевский, кавалер ордена Андрея Первозванного, генерал-лейтенант российской армии.

Когда Екатерина в 1775 году решила упразднить казачью вольни-

цу, атаман был уже очень стар. Его сослали на Соловки и содержали там в ужасных условиях, чтобы поскорее помер. Посадили навечно под замок, в крошечную камеру, откуда выпускали подышать воздухом два раза в год. Пишут, что к концу заключения там накопился полутораметровый слой нечистот. Любой здоровяк в два счета отдал бы богу душу. Но старец не торопился переселяться в мир иной. Он провел в узилище четверть века, после амнистии отказался выходить на свободу и скончался только в 1804 году, имея от роду 113 лет, то есть успел пожить аж в трех столетиях — семнадцатом, восемнадцатом и девятнадцатом.

Хоть и не до такой степени, но все равно исключительно живучими оказались погорельцы нашей «антипартийной группы» 1957 года. Рухнув с Олимпа, Молотов и Каганович благополучно пережили всех бывших товарищей по политбюро — даже легендарно непотопляемого Микояна, который дотянул «от Ильича до Ильича без инфаркта и паралича». Анастас Иванович скончался всего-то на восемьдесят третьем году, что по нынешним меркам даже и долгожительством не считается (на Западе оно теперь начинается с девяносто пяти). А вот Вячеслав Михайлович в своем тихом забвении досуществовал до 96 лет; Лазарь Моисеевич — и вовсе до 98.

Другая жертва политических интриг, маршал Соколов, с треском изгнанный из министров обороны якобы из-за полета Матиаса Руста, жил-

Вдали от власти — оно спокойней

Сто третий год дедушке, дай ему
вьетнамский бог здоровья

поживал после этого еще много лет и отошел в иной мир всего несколько месяцев назад, на сто втором году от рождения.

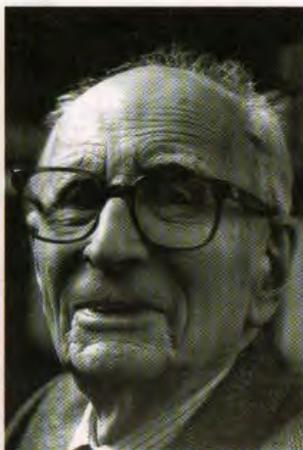
А его вьетнамский коллега Во Нгуен Зиап, звонкое имя которого я намертво зазубрил со студенческих времен (можете меня хоть сейчас спросить, как звали руководство братских соцстран — не вырубишь топором), и поныне живехонек, хоть вылетел со всех постов еще тридцать с лишним лет назад.

Кроме опальных госдеятелей завидным долголетием отличаются философы, но это понятно. Ничто их, мудрых,

не шокирует. Случись какая-нибудь чума — философ махнет рукой, скажет: «Пройдет и это». Сердечная мышца при таком апроуче изнашивается медленнее.

Эрнст Юнгер (1895—1998)

Клод Леви-Стросс
(1908—2009)

Мой любимый
Бертран Рассел
(1872—1970)

Отлично консервируются также члены королевских фамилий — особенно, если вовремя уходят в тень. В этом случае получается двойной оздоровительный эффект: как у потерявшего актуальность политика и как у августейшей особы, вся жизнь которой — сон, увиденный во сне. Решешь себе ленточки на торжественных церемониях да дремлешь с открытыми глазами на благотворительных банкетах.

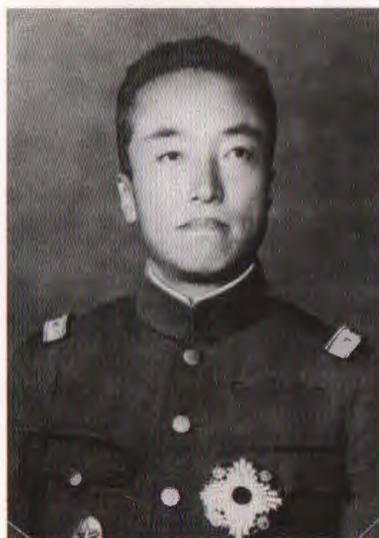
Англичане сильно недолюбливали Елизавету-старшую, пока та восседала с мужем на престоле. А после того, как она в 1952 году овдовела и стала безобидной королевой-матерью, все ее обожали — и чем дальше, тем больше.

Из рекордсменов этого разряда мой фаворит — японский принц Хигасикуни (1887—1990), дядя императора Хирохито. Принц Хигасикуни еще в юности (моей, не его) интриговал меня зигзагами своей биографии. Высочеству тогда было уже сильно за восемьдесят, и он казался мне невероятным мафусаилом, а ведь ему оставалось жить еще лет пятнадцать.

В молодости принц, как положено, был разгильдяем. Уехал постажироваться в Сен-Сире, а потом так прижился в веселой французской столице, что вытащить его обратно в Японию не удавалось целых

Любимица нации Елизавета-старшая
(1900—2002)

Даю молодое фото, а то всё старики да старики

шесть лет. В конце концов правительство отрядило решительного камергера, чтобы доставить загулявшее высочество на родину.

Однако с возрастом Хигасикуни остепенился и сделал большую военную карьеру. Ему выпала ключевая роль в истории: в августе 1945 года он был специально назначен премьер-министром, чтобы провести страну через ужас и позор капитуляции. Вероятно, если бы пребывание у власти затянулось, принц так долго бы не прожил. Но уже через два месяца он со скандалом (сейчас уже неважно каким — ничего особенно интересного) был отправлен в отставку и с тех пор никогда больше ничем важным не занимался.

Он, правда, был еще и японец, а это большой плюс в смысле долголетия.

Минувшей осенью статистики сообщили, что Япония лидирует в мире по числу «сентенариев» — людей, которым больше ста лет. На архипелаге таких сейчас пятьдесят с чем-то тысяч. Самый старший мужчина и самая старая женщина планеты сегодня японцы (115 и 114 лет соответственно).

Поэтому тем из нас, кто не государственный деятель, не философ и не августейшая особа, поинтересоваться секретами долголетия следует у рядовых японцев.

Рискну ответить за них.

1. Надо жить осмысленно, относиться к жизни как к Пути, а не как к топтанию на месте или к бегу в колесе.

2. Надо любить свою работу и не считать такую любовь извращением. Тогда утренний звонок будильника не будет сокращать жизнь на несколько часов.

3. Надо есть побольше водорослей и поменьше животных жиров. Желательно палочками — в них меньше помещается, чем в ложку.

4. Надо проводить массовое диагностирование населения на онкологию.

5. Ну и самое трудное (даже, вероятно, неисполнимое). У японцев принципиально иной регулятор нравственного поведения: не совесть, но стыд. Мы, совершив какую-нибудь бяку, потом угрызаясь совестью, а это стресс. В японском языке слова «совесть» нет. Но там люди с детства ужасно боятся попасть в стыдное положение

и потому предпочитают вести себя прилично. Если японец хороший человек и прожил жизнь нестыдно, ему и угрызаться не из-за чего. Если же плохой — идея терзаться муками совести вообще в голову не придет.

P. S.

Многим сейчас захочется узнать, кто был самым-рассамыми долгожителем в истории человечества. Не гуглите, я за вас это уже сделал.

Если отставить всякие легенды и сомнительные случаи, а брать лишь стопроцентно задокументированные факты, то чемпионка здесь Жанна Калман (1875—1997), француженка. Она родилась за год до изобретения телефона и умерла в год, когда я впервые за-абонировался в интернете.

В общем, давайте жить долго. Это может оказаться интересно.

НОВЫЕ СЛОВА

Узнал много нового про мотивации человеческих поступков, которые подчас кажутся нам необъяснимыми.

Люди часто ведут себя глупо, подло и даже саморазрушительно под воздействием глубоко укорененных фобий, в которых даже не дают себе отчета.

Я не о банальных вещах вроде юдофобии, клаустрофобии или агорафобии говорю. Мне и в голову не приходило, сколь разнообразен и причудлив мир фобий, которыми терзает нас

подсознание.

Я выучил некоторое количество красивых слов, которыми теперь буду пользоваться направо и налево.

«Да вы, батенька, эпистомофоб», — скажу я тому, кто не хочет учиться (эпистомофобия — страх перед знаниями).

Или расскажу, как в свое время победил в себе фалакрофобию (панический страх облысения), что было просто, и сейчас сражаюсь с гераскофобией (страхом старения), что значительно трудней.

Ох, широк человек.
Я бы сузил

Человек и его Фобия

А женщин призову безжалостно давить в себе ритифобию (страх перед морщинами). Помните, что морщины бывают и красивыми.

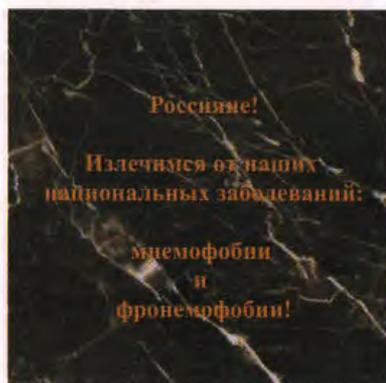
Смотрите, как морщины украсили Элизабет Макговерн. Слева — кукла, справа — личность.

Наши государственные руководители, оказывается, не виноваты в том, что они такие, какие есть. У них, бедных, тяжелая форма хронофобии (страх перед движением времени), помноженная на гипенгиофобию (страх ответственности). И я даже знаю, как можно было бы помочь нашим страдальцам. Кроме вредных фобий есть еще и полезные.

Если бы при помощи гипноза внедрить в подсознание руководителей партии и правительства эритрофобию (страх покраснеть на людях) — о, мы бы не узнали родного государства!

Обогадившись всем этим знанием, хочу воззвать к соотечественникам:

И всё у нас сразу наладится.

В МИРЕ МУДРЫХ МЫСЛЕЙ

Это название книжки из детства, в которую я часто заглядывал. Был такой сборник афоризмов и велеречивых цитат, значительная часть которых принадлежала дорогому Никите Сергеевичу, потому что год издания был шестьдесят второй или шестьдесят третий.

Мне эта книга ужасно нравилась. Я любил, вычитав что-нибудь заковыристое, потом блеснуть в обществе. Перед взрослыми это не очень получалось, но товарищей по классу я, бывало, потрясал и даже сделал на чужой мудрости карьеру: был избран руководителем «звездочки».

Сохранил я слабость к чеканным формулировкам и в позднейшие годы.

Общий уровень мудрости был примерно такой

В разные моменты жизни, особенно в юности, хлесткий афоризм, принадлежащий какой-нибудь импозантной личности, мог запудрить мне мозги и ввести в ересь. Но были и мантры, которые остались со мной на всю жизнь.

Важна не только мысль, но и форма ее выражения. В раннем возрасте форма даже важнее содержания. В десять лет меня охватывал восторг от белиберды вроде «Бороться и искать, найти и не сдаваться». В зрелом возрасте, конечно, больше радует другое: точное оформление твоих собственных мыслей.

За это я так люблю, скажем, тексты Льва Рубинштейна. Он доделывает за меня мою умственную работу.

«Зло никогда не бывает остроумным. А если бывает — то это уже не зло.»

«Есть еще такая штука, как «патриотизм», означающая как правило приблизительно то, что навозную кучу посреди родного огорода предписано любить на разрыв аорты, в то время как клумба с георгинами во дворе соседа ничего кроме гадливого омерзения вызывать не должна».

«Натужная, крикливая, неопрятная оппозиция так же глупа и неприятна, как респектабельная, самодовольная, лоснящаяся любовь к начальству. Впрочем, нет, не так. Глупа так же. Неприятна так же. Но в гораздо меньшей степени опасна для душевного здоровья общества».

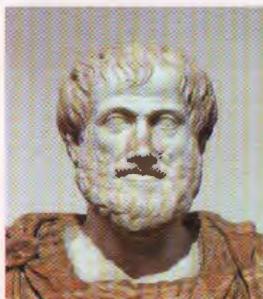
Только у самых скучных и прозаичных людей во внутреннем кармане нет любимого изречения, которое служило бы железным аргументом, энерджайзером или индульгенцией. Даже у мерзавца непременно есть пара-тройка цитаток в моральное обоснование подлости.

А еще водятся субъекты, которые сами обожают выдумывать афоризмы. Например, аз грешный. Бывает, придумаю что-нибудь цветистое, да и свалю на Конфуция либо на Мэнцзы. Это делается очень просто: сажаешь в начало фразы «благородного мужа», и все принимают за чистую монету.

Но вообще-то всю свою жизнь я прожил в мире чужих мудрых мыслей. Некоторые из них меня сформировали.

Лев Семенович Р.

Спасибо, Аристотель!

Каждый раз, когда я оказывался в какой-то неопределенной или тревожной ситуации и было непонятно, как себя вести, мне обязательно попадалась подсказка в виде правильной цитаты.

Вот навскидку несколько максим, которые мне помогли в разные ключевые моменты.

Лет в восемнадцать меня вдруг начала пугать скорость, с которой я увлекался новыми идеями, шарахаясь из стороны в сторону. И прочитал в какой-то книжке слова античного мудреца: **«Признак светлого ума — способность рассматривать идею, не принимая ее»**. Ой, подумал я, хочу быть светлым умом.

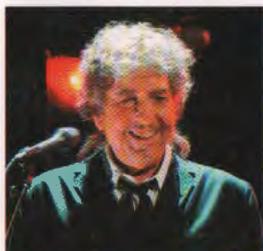

Спасибо, сэр Уинстон!

В сорок лет я пытался стать успешным беллетристом, но книги всё не желали продаваться — ни первая, ни вторая, ни третья, ни четвертая — и вокруг стал сгущаться смрад Неудачничества, особенно пугающий в пору пресловутого «кризиса среднего возраста». Вдруг встречаю (не помню где): **«Успеха добиваются те, кто умеет идти от неудачи к неудаче, не теряя энтузиазма»**.

Не бог весть какая лучезарная мысль, но попалась на глаза очень вовремя.

Или вот концептуально важное высказывание о взаимоотношениях Автора и Публики, над которым я частенько размышляю сейчас: **«Если вам нравятся мои поделки, это еще не означает, что я вам что-то должен»**. Иногда мне кажется, что так оно и есть. Иногда — что это неправда.

В любом случае спасибо, Боб

Ну а теперь ваша очередь. Делитесь любимыми афоризмами. Если знаете автора или источник — обязательно указывайте.

Потом посчитаем плюсы и поглядим, какие максимы пользуются в БС наибольшей поддержкой. Вывешу их на всеобщее обозрение, и станем все по этим правилам жить.

ТОР ТЕН АФОРИЗМОВ

Решил, что обману вас. Обещал вывесить сюда самые популярные изречения, а потом передумал.

Увидеть, какие максимы набрали в БС больше всего плюсов, вы можете и без меня: просмотрите комменты, и сами узнаете. Это всё прекрасные, но общеизвестные сентенции вроде «Делай, что должно, и some what may».

Я подумал, что лучше отберу афоризмы, которых раньше не знал и которые мне в будущем пригодятся. Надеюсь, что и вам тоже.

Авторство не проверял — как у вас было, так и копирую.

Итак, вот мой личный Top Ten

10. «Смысл жизни не в том, чтобы ждать, когда закончится гроза, а в том, чтобы учиться танцевать под дождем». Вивиан Грин.

9. «В двух случаях нет смысла злиться: когда дело еще можно поправить и когда дело уже нельзя поправить». Томас Фуллер

8. «Упрощать — сложно, а усложнять — просто».

7. «Не обобщай, да не обобщен будешь». Бабушка И. Губермана.

6. «Истинный рост человека измеряется не от земли до макушки, а от макушки до неба».

5. «Избегайте тех, кто старается подорвать вашу веру в себя. Это свойственно мелким людям. Великий человек, наоборот, внушает вам чувство, что и вы сможете стать великим». Марк Твен

4. «Победа не всегда означает быть первым. Победа — это когда ты стал лучше, чем ты был».

3. «Выбери себе работу по душе, и тебе не придется работать ни дня в жизни».

2. «Самая лучшая месть врагу — не быть похожим на него». Марк Аврелий

1. А больше всего меня порадовал преподобный Амвросий Оптинский: «Жить — не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать, и всем — моё почтение». (Вряд ли это получится, но нужно пытаться.)

Эх, куда они все подевались, такие старцы?

Вам всем тоже мое почтение — за то, что обогатили мой заветный цитатник.

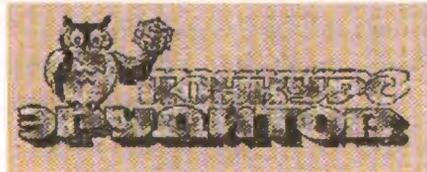

ФОТОЗАГАДКА

Вам, эрудиты! Вам, пытливые умы!

Вот три фотографии. Две первые я сделал в Париже, третью в Лондоне.

Внимание, вопрос:

Почему фотограф (круг интересов которого — подсказываю — вам более или менее известен) снял именно эти три места? Что у них общего?

Думайте. У вас одни сутки.

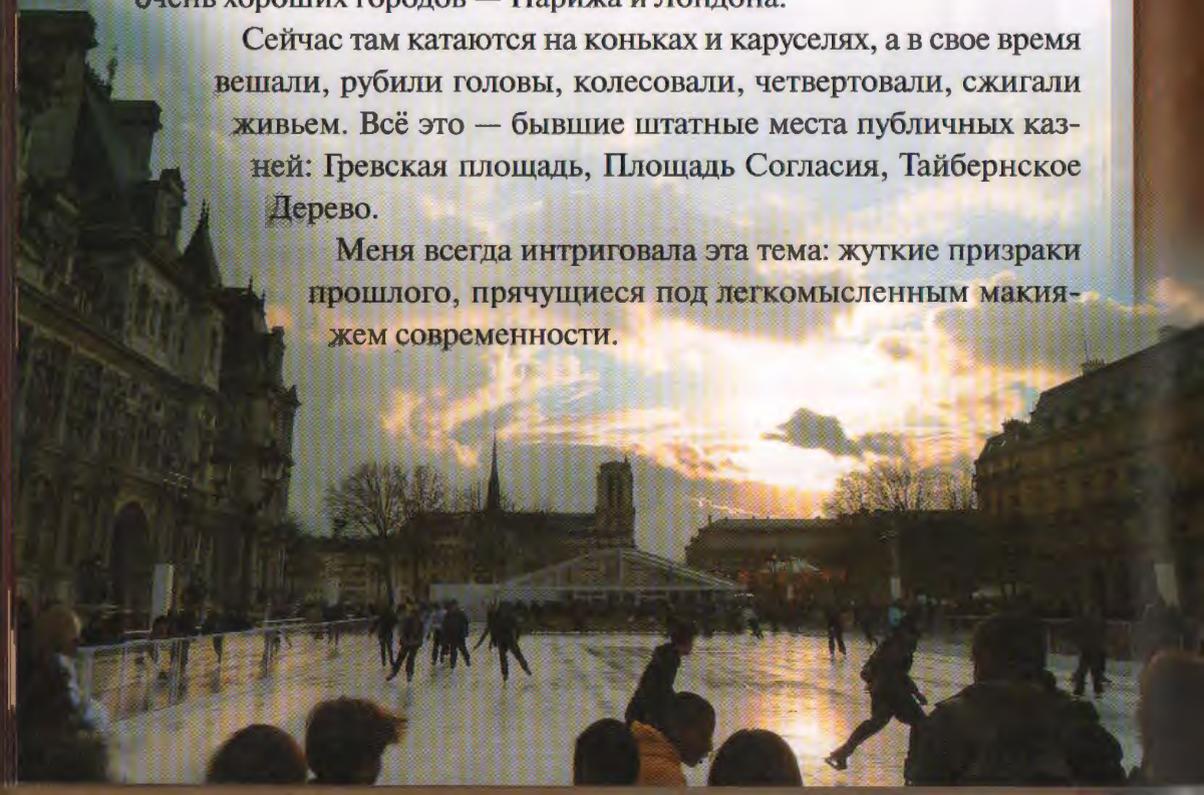
НЕХОРОШИЕ МЕСТА. ГРЕВСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Честно говоря, я потрясен. Через пять минут после того, как я вывесил загадку, возникла первая полуправильная версия. Еще пять минут спустя другой член БС окончательно расщелкал ребус, который казался мне весьма непростым. Поздравления, **Q korus1978!**

Три картинки, которые я вчера поместил в блоге, объединяет вот что: это всё очень нехорошие места, расположенные в самом центре очень хороших городов — Парижа и Лондона.

Сейчас там катаются на коньках и каруселях, а в свое время вешали, рубили головы, колесовали, четверговали, сжигали живьем. Всё это — бывшие штатные места публичных казней: Гревская площадь, Площадь Согласия, Тайбернское Дерево.

Меня всегда интриговала эта тема: жуткие призраки прошлого, прячущиеся под легкомысленным макияжем современности.

В свое время я объездил места кровавых сражений — Ватерлоо, Аустерлиц, Бородино, Плевна — и убедился, что энергетика множества трагически оборвавшихся жизней со временем не рассасывается. Что-то такое висит в воздухе, отбрасывает зловещую тень.

Место экзекуций, непрменный атрибут исторического города, еще хуже, чем поле брани. В битве, даже самой жестокой, всегда есть надежда, что повезет и останешься жив. Там, где казнят, надежды не было. Там сгустился беспросветный ужас.

Прежде, чем прийти на площадь с фотоаппаратом, я, конечно, почитал, кого из исторических личностей там умертвили, посмотрел гравюры и литографии. Стою, смотрю на машины, на туристов, на разноцветную чепуху, и через минуту-другую всё это начинает размываться. Из земли сочится красноватый туман. Проступают контуры Другого Времени. Слышится жадный рев толпы — предков нынешних милых конькобежцев и велосипедистов.

Я попытался поймать в объектив красный отсвет вечернего солнца на льду перед Парижской мэрией, чтобы получился каток на крови, но мастерства не хватило. У википедского фотографа и то лучше (фото на соседней странице).

Это бывшая Гревская площадь, где в течение нескольких столетий отправляли на тот свет преступников (и тех, кого считали преступниками).

Название мы знаем с детства, благодаря романам Дюма, поэтому ассоциации в основном романтические.

«С высоты окна, из которого открывался вид на Гревскую площадь, д'Артаньян с тайным удовольствием наблюдал, как находившиеся в толпе мушкетеры и гвардейцы успешно прокладывали себе дорогу, работая кулаками и рукоятками шпаг».

« — Прощай, Маргарита! — прошептал он. — Будь благосло...

Ла Моль не кончил. Повернув быстрый, сверкнувший, как молния, меч, Кабош одним ударом снес ему голову, и она покатилась к ногам Коконнаса».

На самом деле ничего романтического в Гревской площади нет. Пятьсот лет ужаса, страданий и варварского шоу-бизнеса. Жертвы испускали дух под вой и улюлюканье толпы, которая приходила

сюда, как сегодня приходят на футбольный матч или на концерт. Приводили детишек. Удобные места, откуда хорошо виден эшафот и где можно разложить закуску-выпивку, во время особенно громких казней «жучки» продавали за огромные деньги. Следует признать, что человечество постепенно становится лучше. Сегодня полюбоваться зрелищем смерти публика собирается разве что в Иране.

Все-таки поразительно, что парижане именно здесь построили себе мэрию. Есть в этой жовиальной бестрепетности по отношению к теням прошлого нечто сугубо галльское. Девиз Франции: разрушить мрачную Бастилию и поставить табличку «Здесь танцуют».

(Интересно, а каков девиз русской истории? «Здесь ноют»? «Здесь ничему не учатся»? Ладно, как-нибудь поговорим про это отдельно.)

Пожалуй, единственная хоть сколько-то романтическая страница в истории Гревской площади — борьба кардинала Ришелье с дуэлянтами. По эдикту 1626 года за участие в поединке дворянину отсекали голову. Чаще всего как-то обходилось (быль молодцу не в укор, да и влиятельные родственники всегда замолвят словечко), но случались и суровые исключения.

Король дуэлянтов, вот этот красавчик, граф Франсуа де Монморанси-Бутвиль, слишком долго испытывал терпение его высокопреосвященства и в конце концов допросился. Он заколол на дуэли сначала графа, потом маркиза, потом снова графа, потом тяжело ранил барона. Сбежал за границу. Вернулся. Поклялся, что еще ко-

го-нибудь вызовет и прикончит прямо среди бела дня, потому что кардинал не смеет покушаться на древние вольности дворянства. 12 мая 1627 года в Пале-Рояль, то есть прямо под носом у Ришелье, он устроил «четверную» дуэль. Такого афронта власть простить уже не могла. И Бутвиля, и его секунданта с соблюдением всех реверансов обезглавили. Оба отправились на казнь, будто на бенефис, и умерли под рукоплесканья зрителей.

Отсечение головы было привилегией дворян, смертью почетной и даже завидной. Простолодинов вешали — если вина была не слишком тяжкой. Сугубых злодеев колесовали — то есть привязывали

Колесование

к колесу и железной палкой переламывали кости. Обвиненных в ереси или колдовстве сжигали.

Социальное неравенство было продемонстрировано, например, при казни двух знаменитых отравительниц: Катрин Монвуазен (1680) и маркизы де Бренвилье (1676). Простолодинка умерла в мучениях, на костре. Аристократка всего лишь преклонила колени перед плахой. При этом маркиза была во стократ отвратительней. Самое гнусное даже не то, что она умертвила ближайших родственников, чтобы завладеть наследством, а то, что она отрабатывала мастерство ядосмесительства, тренируясь на слугах и бедняках в больнице.

По-разному расправлялись на Гревской площади и с царевубийцами.

Граф Монтгомери то ли случайно, то ли неслучайно (есть разные версии) убил на турнире Генриха II.

Перед смертью монарх велел не карать убийцу, но вдова, Екатерина Медичи, была не столь великодушна. Она

Попап копьем в глаз. Король умер после десятидневной агонии

не забыла и не простила. Пятнадцать лет спустя, когда Екатерина стала фактической правительницей страны, Монтгомери был обезглавлен на Гревской площади — сущие пустяки по сравнению с участью Равальяка, убийцы Генриха IV.

Этого в 1610 году разорвали на части лошадьми.

Бедняга был крепкого телосложения, так что на радость толпе казнь продолжалась целый день, с утра до вечера.

Так же расправились уже во времена Просвещения, в 1757 году, с психически ненормальным Дамьеном, который слегка порезал карманным ножиком Людовика XV. Два с лишним часа кони под ударами кнутов тужились и никак не могли довести дело до конца. Палачу пришлось перерезать осужденному сухожилия. Конечности отрывались одна за другой...

Надо сказать, что психическая болезнь в те суровые времена не считалась смягчающим обстоятельством. В 1670 году юноша по имени Франсуа Саразен во время богослужения в церкви проткнул шпагой священную просфору. Хотя было известно, что кощунник (вот из каких времен это слово) — сумасшедший, его судили без снисхождения.

Несчастному психу сначала отрубили руку, а потом спалили его на костре.

В юности, помню, я смотрел фильм «Картуш» про благородного и веселого разбойника, которого играл молодой Бельмондо.

Уж не знаю, сколько удали выказывал реальный Картуш в ходе своей бандитской карьеры — слишком густо его биография обросла легендами, однако кончил он препогано. В фильме про это ничего не было.

На следствии король преступного мира держался молодцом, выдержал все истязания и никого не выдал. Но на Гревской площади, увидев колесо, Картуш затрепетал и крикнул, что хочет дать показания.

Его увезли с места казни назад в суд и там он в течение восемнадцати часов сыпал именами и явками. В результате были арестованы три с половиной сотни сообщников и пособников. Этой ценой Картуш оплатил один лишний день жизни — назавтра его все равно колесовали.

В кровавой истории площади есть один эпизод, про который читаешь с нехристианским чувством глубокого удовлетворения. Здесь отрубили тупую и злую башку вот этому негодяю (на правой нижней картинке).

Антуан Фукье-Тенвиль был общественным обвинителем в период революционного террора. Он отправлял людей на смерть одним окриком или даже одним жестом — не выслушивая оправданий, затыкая рот защитникам, запугивая членов трибунала. Он воображал себя карающим мечом революции.

Когда власть переменилась и самого Фукье-Тенвиля поволокли на суд, он ужасно удивился. Как же так, ведь он старался не для себя, он всего лишь усердно исполнял работу, которую ему поручили?! И вообще — такое было время! Ему сказали: «Но зачем ты оказался первым учеником, скотина такая?»

Вообще-то революционного прокурора уместнее было бы казнить не на Гревской площади, а на площади Революции. Но о ней — в следующем посте.

Dura lex во всей красе.

НЕХОРОШИЕ МЕСТА. ПЛОЩАДЬ РЕВОЛЮЦИИ

Так называлась современная Площадь Согласия в 1792—1795 гг. Всего три года — но такие, после которых, казалось бы, мостовую никогда уже не отмыть.

Ничего, французы отмыли. Как-то у них, непостижимым для меня образом, это получается. Вот на этом самом месте президент республики 14 июля каждого года принимает парад. По-моему, жуть и кошунство — все равно что мы станем устраивать парады на Буттовском полигоне. Но французам, конечно, видней. Они любят свою революцию и считают ее людоедскую ипостась чем-то хоть и несимпатичным, но в историческом смысле извинительным.

А вот я это место очень не люблю. Крутится колесо карусели, а мне слышится скрип гильотины. Гудят клаксоны автомобилей, а мне мерещится вопль распалившейся черни. Шорох шин по асфальту — будто голова покати́лась в корзину с песком. Иногда ду-

маешь, что лучше поменьше знать историю — приятней живется.

У них, учеников Вольтера и Дидро, тут еще и статуя Свободы стояла — это в ее честь приносились кровавые жертвы.

Во время Большого Террора, с мая 1793 года по июнь 1794 года, здесь совершалось в среднем по двадцать публичных казней в неделю. Смерть перестала быть спектаклем, как во времена Гревской площади, а превратилась в нечто вроде телесериала, который полюбился публике и тянется сезон за сезоном.

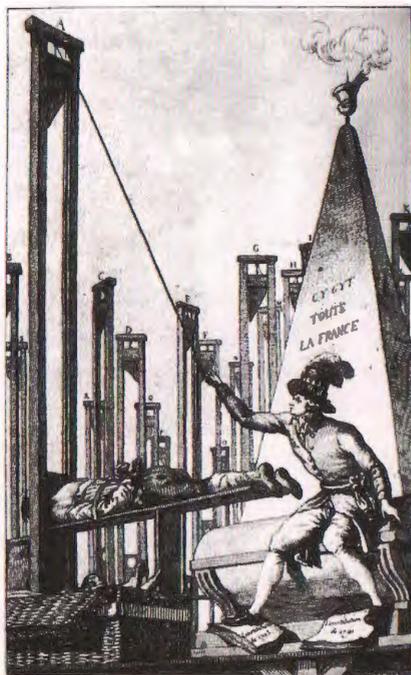
О, тут было на кого посмотреть. Участвовали звезды первой величины: король с королевой, знатнейшие вельможи, прославленные революционеры, выдающиеся писатели и великие ученые.

Все умирали по-разному. Кто трясся от страха, кто геройствовал, кто хотел просто побыстрее покинуть этот отвратительный мир.

Времена были романтические, с модой на античность и стоицизм, поэтому в анналах сохранилось много звонких предсмертных фраз и картинных жестов. Но самому знаменитому смертнику площади, Людовику XVI, последнее слово произнести не дали. Едва король

Сидящая тетка слева — это и есть Свобода

Современная карикатура: Робеспьер казнил всех французов и последним гильотинирует палача

Монарх он был слабый, а умер просто и мужественно

«Австриячка» за последний год стала совсем седой. В 37 лет

начал говорить (он хотел всего лишь выразить пожелание, что его смерть пойдет на пользу отчизны), как ударили барабаны. Помощники палача сорвали с Бурбона верхнее платье, поволокли, прикрутили к доске и, по свидетельству очевидцев, вместо шеи перерубили челюсть. Толпа

кинулась макать платки в августейшую кровь...

Через несколько месяцев здесь же обезглавили королеву. Она не пыталась обратиться к народу. Судя по рисунку Давида, сделанному с натуры, Мария-Антуанетта держалась гордо и презрительно. На оскорбления толпы не реагировала.

Ее последние слова были обращены к палачу, которому она случайно наступила на ногу: «Прошу меня извинить, сударь».

Не так умерла Шарлотта Корде. Для этой тираноубийцы (модное слово революционной эпохи) смерть была высшей точкой бытия.

Девушка нарядилась во всё лучшее, что у нее было, и выглядела сияющей, словно невеста.

Она вызывала у толпы не только ненависть, но и восхищение. Один влюбленный молодой человек нарочно выкрикнул что-то контрреволюционное, дабы погибнуть той же смертью, что и предмет его обожания. (Желание осуществилось.)

Какой-то мерзавец подобрал отсеченную голову Шарлотты и вклеил ей пощечину — надеялся снискать одобрение публики.

Рассказывают, что мертвое лицо залилось гневной краской. Да и толпа гнусный поступок не одобрила.

Ужасной была смерть несчастной мадам дю Барри, прославленной красавицы прежних времен. Ее несли к эшафоту на руках. Бывшая фаворитка плакала, кричала, умоляла о пощаде. Последние ее слова были: «Еще минуточку, господин палач!» Попрыгунья-стрекоза лето красное пропела, оглянуться не успела...

Здесь же окончил свою преступную жизнь и Робеспьер. Он тоже кричал — от боли (при аресте ему пулей раздробили челюсть). Но сильно жалеть этого человека мы не будем. Что посеял, то и пожал. Назавтра парижане сочинили эпифанию:

Не лей, о путник, слез ты надо мной.

Покойник был бы ты, останься я живой.

Великий химик Лавуазье пощады не просил, но подал ходатайство об отсрочке казни, чтобы завершить важную научную работу. Председатель трибунала заявил: «Республике не нужны ученые и химики. Да свершится правосудие». И оно свершилось.

Почти всех погибших на этой площади жалко. И знаменитых, и безвестных. Но есть казненный, которого мне хочется помянуть отдельно. Это был человек из самых лучших, вот уж воистину «благородный муж», a man for all seasons.

Из той же породы был наш Короленко, который при старом режиме заступался за революционеров, при новом — за «осколков империи», спасал из белой контрразведки красных, а из ЧК белых.

Как же мне нравится Кретьен-Гийом де Мальзерб, к сожалению, сегодня полузабытый.

Шарлотта готовится к путешествию на эшафот

Нереволюционный человек.
Совсем

Он родился в высокопоставленной семье и с ранней молодости занимал всякие высокие должности. Это Мальзербу человечество обязано изданием «Энциклопедии». Будучи главным королевским цензором, он защитил великое издание от всех нападок, а когда «Энциклопедию» запретили, спрятал рукопись от полиции до лучших времен.

Мальзерб больше всего любил ботанику, но считал себя обязанным участвовать в политической жизни. Он пытался проводить реформы — и уходил в отставку, если король чинил реформам препят-

ствия. Побывал в опале и в ссылке. Был сторонником прогресса, одним из самых уважаемых в стране людей.

Людовик терпеть не мог этого либерала за упрямство и негибкость. Однако, когда король оказался в темнице и все от него отвернулись, именно Мальзерб вызвался защищать свергнутого монарха перед трибуналом. Король сказал: «Вы погубите себя, а меня все равно не спасете». Мальзерб и сам понимал, что не спасет, но тем не менее не отступился.

Власти отомстили защитнику «тирана» с поистине революционным размахом. Казнили зятёв, дочь, секретарей, даже внучку. Ну и самого, конечно, тоже не помиловали.

Поднимаясь на смертную колесницу, 73-летний Мальзерб споткнулся. И сказал с грустной улыбкой: «Плохая примета. На моем месте древний римлянин вернулся бы домой».

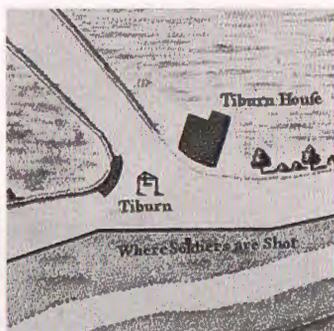
Пляс Конкорд. В прекрасном городе Париже мало плохих мест. Самое поганое — это.

НЕХОРОШИЕ МЕСТА. ТАЙБЕРН

Третье нехорошее место, в отличие от двух первых, не площадь, а перекресток. Точнее, пешеходный островок неподалеку от Мраморной Арки.

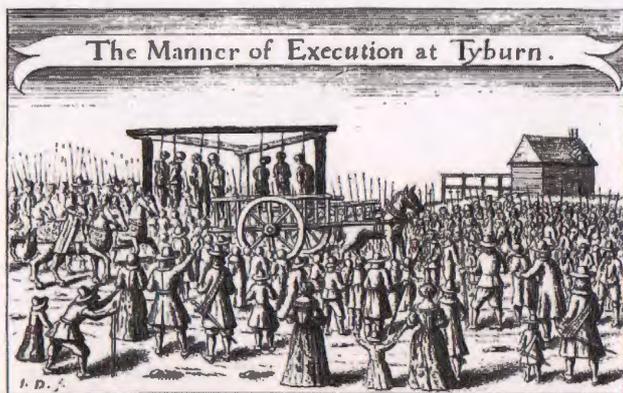
Сейчас он выглядит вот так:

А в середине XVIII века здесь стояла большая стационарная виселица, так называемое «Тайбернское Дерево». Напротив, как видно по плану, — место, «где расстреливают солдат».

В асфальт закатан памятный знак, но большинство прохожих его не замечают или вовсе не знают, что за Tybern Tree такой. Может, майское дерево или дуб, под которым древние друиды водили хороводы.

Мимо виселицы проходил тракт, и все, кто приближался к Лондону, получали наглядное предупреждение: в столице следует вести

Места хватало...

себя прилично и законов не нарушать. На «дереве» одновременно размещалось до 24 висельников.

Местные жители устроили себе из этого соседства неплохой бизнес. Во время интересных казней строили трибуны для

зрителей, продавали напитки, торговали листовками и памфлетами. Публика приветствовала аплодисментами осужденных, кто держался молодцом, и освистывала малодушных.

Слово «Тайберн» прочно вошло в лондонский фольклор той эпохи. «Поплясать в Тайберне» значило «угодить на виселицу»; «прокатиться в Тайберн» — отправиться на тот свет.

The IDLE PRENTICE Executed at Tyburn.

Благодаря Уильяму Хогарту мы знаем, как это выглядело

На протяжении веков Тайберн мало чем отличался от других подобных очагов душегубства. Здесь истязали приговоренных с обычной для средневековья жестокостью; жгли на огне за убеждения; вешали за мелкие правонарушения вроде карманной кражи; без колебаний умерщвляли малолетних преступников, для которых закон не делал никакого снисхождения (ювенальной юстиции еще не существовало).

Однако есть одна совершенно британская особенность, на которую обращаешь внимание, когда изучаешь перечень «звезд» Тайберна.

Например, вот две казни, которые не могли свершиться ни в одной другой стране тогдашнего мира.

В 1541 году барон Томас Дакр с компанией приятелей-дворян отправились поохотиться в чужих угодьях. Когда лесничие попытались их остановить, браконьеры схватились за оружие. Один из лесничих был убит. Состоялся суд, приговоривший лорда и его сообщников к смертной казни. Все они были повешены в Тайберне как самые обыкновенные преступники — даже не удостоились отсечения головы. За убийство ничтожного простолюдина заплатили жизнью высокородный лорд и трое дворян.

Вдумайтесь: это произошло в *тысяча пятьсот сорок первом (!)* году — то есть во времена, когда в большинстве европейских стран крестьянина можно было затравить охотничьими псами просто ради забавы. Наш Иван Васильевич был еще даже не «грозным», а всего лишь милым мальчиком, который развлекался, мучая кошек и собак.

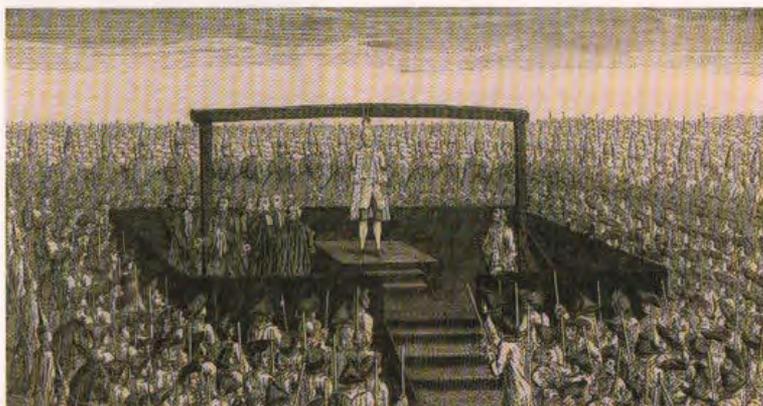
Примерно такая же история случилась в 1760 году. Граф Феррерс в припадке гнева застрелил своего лакея. Подумаешь, большое дело.

Лорд Дакр — важное имя в истории британского правосудия

Наша Салтычиха в те же самые годы до смерти замучила 138 крепостных, прежде чем ею занялся суд.

А тут благородного человека, пэра Англии, за сущую ерунду приговорили к виселице. Единственной привилегией, которую граф выговорил себе и оплатил из собственного кармана, была шелковая веревка. В день казни его сиятельство прибыл из Тауэра в Тайберн в узорчатой карете, одетый в расшитый серебром свадебный наряд. Щедро дал палачам на чай. И заболтался в петле, на самых что ни на есть общих основаниях.

Еще для графа соорудили пьедестал — из уважения к титулу

Как-то странно восхвалять демократические ценности на примере равенства всех перед виселицей. Я, собственно, и не собираюсь этого делать. Однако, читая про то, как лордов вешали за убийство плебеев, начинаешь понимать, почему Англия — страна особенная. Идея неотъемлемых прав личности утвердилась здесь раньше, чем в других уголках планеты. Потому и с чувством собственного достоинства у британцев с давних пор всё в порядке.

Я вот думаю: неужели нам придется пройти всю дорогу с самого начала? Сначала Великая Хартия Вольностей, потом Кромвель и Славная Революция, потом движение луддитов и чартистов...

Тоска, леди и джентльмены.

ДВЕ УДИВИТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИИ ПРО КРОЛИКОВ

Одну недавно вычитал в воспоминаниях Поля Тибо, генерала Империи.

Однажды маршал Бертье, ловкий царедворец, всеподданнейше пригласил Наполеона в гости. Корсиканец сказал, что охотно пострелял бы кроликов, и спросил, есть ли они в поместье. «Их у меня пропасть, ваше величество!» — воскликнул Бертье, хотя никаких кроликов там отродясь не водилось.

Но усердие всё превозмогает. Маршал приказал управляющему срочно закупить — хоть из-под земли достать — тысячу кроликов.

Император вышел с ружьем в парк. Бертье подал знак.

Едва Наполеон недовольно поинтересовался, где же обещанные кролики, как буквально отовсюду повывскакивали серые-пушистые, и давай метаться по лугу. Это их выпустили из спрятанных за кустами загонов.

— Приготовьте мне побольше ружей, пока лапы не разбежались! — закричал Бонапарт в охотничьей ажитации — никогда еще он не видывал разом столько дичи.

Свита попятилась, чтобы не мешать великому человеку целиться.

Слывет правдивым мемуаристом

Но зверьки повели себя странно. Они сбились в огромный ком и вдруг ринулись в атаку. Целая тысяча маленьких, но очень решительных кроликов — и все на императора!

Генералы, лакеи, охранники кинулись грудью на защиту великого человека. Кнутами, палками, прикладами вроде бы распугали мелкую шушеру.

Кролики отступили, но потом перегруппировались и предприняли обходной маневр: напали на Наполеона с двух сторон. Стали на него запрыгивать, карабкаться по ботфортам, чуть не сбили с ног. В общем, приключился самый настоящий зоокошмар. Победитель Маренго и Аустерлица был вынужден спастись от ушастых террористов бегством.

Потом загадка разъяснилась.

Оказывается, управляющий закупил зверьков на самой обычной ферме. Кролики привыкли: тот, кто приближается к загону, кормит их капустой и морковкой. Бегать от такого человека не надо — совсем наоборот...

Ужин удава

Прочитал я про то, как кролики чуть не затоптали Бонапарта, и вспомнилась другая история, которую мне рассказывали как подлинное происшествие. Не знаю, не знаю. Продаю, за что купил. Не исключаю, что эта байка и без меня гуляет по Интернету.

Всё же расскажу, по ассоциации.

В офисе одной московской фирмы, в большом-пребольшом зале, где были густо понатыканы столы для офисного планктона, стоял террариум с живым питоном. Красиво, стильно, экзотично. В символическом смысле опять же недурно — для выстраивания правильных отношений менеджмента и рядового персонала.

Вечером охранники запустили в стеклянный куб кролика, рептилия его кушала и потом целые сутки мирно спала.

Но однажды утром первые сотрудники, пришедшие на работу, застали удивительную картину.

Удав не спал, а нервно метался по террариуму.

За столом сидели охранники и поили из блюдечка пивом серого кролика.

Они поведали, что на сей раз «ужин удава» повел себя нетипичным образом. Отказался гипнотизироваться, а вместо этого сам начал насакивать на змеюку. Не привыкшая к сопротивлению, она ужасно удивилась и напугалась. Забилась в угол. Совсем расхотела кушать.

А еще охранники твердо заявили, что кролик — их друг и что ужинать им никто не будет.

Даже не знаю, к чему это я.

ВОЖДИ И ЗАРПЛАТА

Как говорит моя знакомая славистка, эвентуально это будет тост. Просто с длинным вступлением.

Тема трогательная. И несколько абстрактная, потому что никто из диктаторов и автократов на зарплату, разумеется, никогда не жил и не живет. Зарплата Вождя — понятие политическое, пропагандистское. К земной жизни оно отношения не имеет.

Например, Фидель Кастро однажды заявил в интервью, что получает всего 30 долларов в месяц, потому-де и ходит в военной форме. А

я ему верю. В смысле, верю, что такова была его официальная зарплата.

Или возьмем российского нацидлера. Официально на «функционирование главы государства» отводится 106 млн 401 тыс 900 рублей в год. Однако в бюджете есть и другая строка:

«Функционирование президента Российской Федерации». Чем первое функционирование отличается от второго, я не понял,

А вот дом, в котором Фидель жил на 30\$ в месяц

но разница существенная — второе обходится ежегодно в 8 млрд 19 млн 207 тыс рублей, то есть в восемьдесят раз дороже.

Впрочем, полагаю, Владимиру Путину деньги не очень-то и нужны. С трудом представляю себе ситуацию, при которой этот человек что-то покупает или с кем-то расплачивается. И уж совсем не хватает фантазии вообразить, как Счетная палата спрашивает с него отчета по расходам, а налоговая полиция интересуется, на какие шиши приобретены, допустим, часы стоимостью в полмиллиона долларов. В авторитарных и диктаторских системах таких неделикатных вопросов не задают.

Но, хоть вождь живет на всем готовом и в деньгах вроде бы не нуждается, тем не менее он ведь работает на благо общества и должен получать за это оплату, как все прочие трудящиеся.

Я заинтересовался, какими были законные доходы великих вождей за последние сто лет. Гугль-исследование оказалось увлекательным.

Бенито Муссолини, представьте себе, вообще обходился без зарплаты. Служил Италии бескорыстно. На «карманные расходы» дуче хватало гонораров и прибыли от официозной газеты «Пополо д'Италия», владельцем которой он являлся.

Довольно остроумно удовлетворял свои финансовые аппетиты Адольф Гитлер. Он с истинно немецким занудством не брал попросту из казны, сколько ему надо, а соблюдал формальности. При этом человек он был с масштабными художественными запросами. Любил архитектуру, мечтал в каждом немецком городе построить по великолепному оперному театру, и чтоб там до посинения исполняли Вагнера. Однако бюджетом эти расходы не предусматривались, фюрер должен был платить за строительство из личных средств. Немалые доходы любителю архитектуры приносила книга «Майн Кампф» — до 4 миллионов марок в год (зарплата у рейхсканцлера

Кабинет главреда Б. Муссолини

была 18 тысяч). Львиную долю тиража выкупало государство — каждая пара молодоженов Рейха получала в подарок по экземпляру этого необходимого в семейной жизни сочинения. Но и на такие доходы много оперных театров не понастроишь. И тогда личный фотограф посоветовал вождю зарегистрировать копирайт на лик, дорогой всем настоящим арийцам.

Тут-то настоящие деньги и повалили. Не столько даже от официальных портретов, которые висели в каждом кабинете и учреждении, сколько от почтовых марок, украшенных физиономией вождя.

Два пфеннига с этой марки — Вождю

Но нам с вами, конечно, интереснее история личных доходов наших собственных правителей.

Официальный заработок Первого Лица, как бы оно ни именовалось (предсовнаркома, генсек или президент), является своего рода термометром, по которому можно определить градус меркантильности той или иной эпохи.

Начиналось всё очень по-спартански. После революции Ленин как глава правительства получал оклад в 500 рублей — не выше, чем квалифицированный рабочий. (Иное дело, что во времена военного коммунизма благополучие определялось не зарплатой, а пайком и разными привилегиями.) Помню еще со школы пример личной скромности Ильича: когда в 1918 году в связи с инфляцией ему увеличили оклад до 800 рублей, чиновник-самоуправец получил за это строгий выговор.

Ученик и продолжатель дела Ленина генсек Сталин поначалу довольствовался 225 рублями. После бесшумного упразднения партмаксимума стал получать 1 200, а с 1947 года, после денежной реформы, десять тысяч (это примерно в двадцать раз выше среднего показателя по СССР).

Иосиф Виссарионович жил в мире, в котором деньги не существовали. Он сам не получал авторских отчислений за издание своих сочинений (а это сотни миллионов экземпляров на всех языках мира) и не разрешал членам ЦК и народным комиссарам класть

КАК Я ОБИДЕЛСЯ

Некоторое время назад прочитал в блоге у Иры Ясиной нечто, неприятно меня поразившее. «Социолог Борис Дубин вчера на годовщине журнала «Отечественные записки» сказал: «России надо начинать привыкать к тому, что она — страна периферии. Мы ничего такого, что влияет глобально на мировые рынки технологий, а также на науку, искусство, медицину, не производим»».

Ужасно я по этому поводу расстроился. Бориса Дубина я давно знаю. Он зря говорить не будет.

Россия — периферия? Захотелось немедленно опровергнуть это утверждение. Потом я спросил себя, а почему, собственно, я так вскинулся? На свете полно стран, не страдающих от своей периферийности — и ничего, как-то живут.

Хотя в общем понятно, из-за чего я разобиделся. Меня с детства приучили считать, что наша страна — светоч науки и прогресса, а также храм всевозможных искусств. Оказывается, даже в нынешнем немолодом возрасте мне жалко расставаться с этой иллюзией.

Есть у меня в этой связи одно довольно конфузное воспоминание.

Когда я лет этак тридцать пять назад учился в японском университете, заходя к нам в студенческое общежитие один русский япо-

литературы» получал пятьсот). А настоящая инфляция еще только начиналась.

Борис Ельцин, обожавший популистские жесты, сохранял себе ту же зарплату, превратившуюся в копейки, вплоть до реформы 1997 года. Лишь тогда он поднял президентское жалованье до десяти тысяч, а после дефолта до пятнадцати. По курсу 1999 года это было шестьсот, что ли, долларов. Слезы, да и только.

Столько же — вы не поверите — до 2002 года получал и президент Путин. За минувшие десять лет зарплата высшего должностного лица РФ несколько раз повышалась и сейчас составляет примерно пятьдесят тысяч долларов в год, а со всякими надбавками — около ста десяти тысяч.

Это раз в десять выше среднероссийской. То есть, хрущевская идеологическая формула 10:1, выведенная еще полвека назад, сохраняется.

Для сравнения:

Зарплата президента США выше среднеамериканской в девять раз. Зарплата премьер-министра Великобритании выше среднебританской в семь раз. (Зарплата президента Франции выше среднефранцузской всего в четыре раза, но Олланда давайте брать не будем — он демонстративно снизил себе оклад и очень этим горд.)

В общем и целом пропорции у нас и у них сходные. С той только разницей, что глава демократического государства действительно живет на зарплату и попробовал бы только позволить себе личные траты, выходящие за рамки официального дохода. Ух, что началось бы.

А теперь — тост. Вы уже догадались, какой.

Чокнемся (во сне, конечно) с нацлидером и скажем ему:
ЧТОБ ТЫ ЖИЛ НА ОДНУ ЗАРПЛАТУ!

Да, в 1897 году. Меня так в школе учили

Какие-то там царские бюрократы Ползунову мешали, помню

нец из репатриантов. Вырос он на Сахалине, поучился в советской школе, а потом семья вернулась на историческую родину.

Однажды этот парень привел с собой своих приятелей и завел разговор, который с каждой минутой становился всё более странным.

Он задавал вопросы, я отвечал — и не мог понять, почему мои ответы вызывают такую реакцию.

— Кто изобрел радио? — спросил бывший сахалинец.

Говорю:

— Александр Попов.

Изумление на лицах японцев.

— А паровоз?

— Иван Ползунов.

Неуверенное хихиканье — как будто люди оценили шутку.

— А пароход?

— Иван Кулибин.

Откровенный смех.

Я подумал, гости веселятся из-за имен, странных для японского уха. Это нормально. Нам некоторые японские имена тоже казались комичными. Например, профес-

сор Кусака. Или, извините, Сука-сан.

— А самолет? — спрашивает меня репатриант, подмигнув своим.

— Александр Можайский.

Хохот.

Только тут я догадался, что стал объектом какого-то непонятного издевательства (слова «троллинг» тогда еще не существовало), надулся и отвечать на вопросы перестал.

В тот же день отправился в библиотеку, стал листать «Британнику» и выяснил, что радио изобрел Маркони, паровоз — Стефенсон,

пароход — Фултон, а самолет — братья Райт. Имен русских первооткрывателей в почтенной энциклопедии я вообще не обнаружил, за исключением, кажется, маленькой статьи про Попова.

Прошло еще сколько-то лет, прежде чем я прочитал, что концепция тотального российского научно-технического приоритета была высочайше утверждена товарищем Сталиным в эпоху борьбы с низкопоклонством перед Западом — тогда же, когда появился мем «Россия — родина слонов».

Да, Попов изобрел радиопередатчик, но чуть позже, чем итальянский маркиз.

Да, Ползунов разработал модель паровой машины, но до паровоза было еще далеко.

Да, Кулибин провел испытания «водохода», способного ходить против течения, но это был не пароход.

Да, летательный аппарат Можайского мог разбежаться и даже ненадолго отрываться от земли — но так и не полетел.

Меня в моей школе, увы, обманывали.

В детстве я твердо знал, что живу в самой великой стране на свете — самой передовой, самой благополучной, осчастливившей человечество чуть ли не всеми главными открытиями. По мере взросления лучезарный образ родины постепенно съезживался, и теперь я уже не знаю, великая у нас страна или не особенно.

Читатели с широким кругозором, просветите, пожалуйста, а какие изобретения/открытия первой величины действительно наши, российские?

Мне на ум приходят только таблица Менделеева, телевизор и вертолет (хотя Звoryкин и Сикорский завершили свои изыскания

Кулибин: гений-самоучка, а как же

Можайский: моряк, влюбленный в небо, — красиво

уже в эмиграции). Да, и первый полет в космос. Это всё или было еще что-то?

А кстати, как учат детей в российской школе сейчас? Кто у нас нынче числится изобретателями радио, парохода, паровоза и самолета?

И правильно ли я понимаю, что постсоветская наука ничем выдающимся мир не обогатила?

Да что я на ученых бочку качу. А моя собственная сфера, литература?

Ох...

Сто лет назад весь мир читал Толстого, Достоевского, Чехова. Попробуйте-ка спросить сегодня кого-нибудь из иностранных жителей (за вычетом славистов), знают ли они современных русских писателей. Ни одного не назовут.

Мы, русские писатели, давно уже переместились на периферию. И это меня печалит горздо больше научного отставания.

Правда, вот Владимира Сорокина включили в шорт-лист Международного Букера. Вдруг получит? Давайте за него болеть.

А еще хорошо бы Людмиле Улицкой присудили Нобелевскую премию. Она заслуживает, ей-богу.

Хотя что премии. Вес автора в современном мире определяется в первую очередь не наградами, а продажами. С этим у российской литературы совсем беда. В списки бестселлеров никто из наших не попадал, кажется, со времен «Детей Арбата», да и тогда выручила краткосрочная мода на советское: *Gorby*, *Perestroika*, *Glasnost*.

Самое грустное, что винить кроме самих себя некого. Ученые — те могут сослаться на недофинансирование, а у литераторов отмазки нет. Видно, плоховато пишем.

Всё. Торжественно обещаю прямо начиная с завтрашнего дня (сегодня уже не успею) писать книжки лучше. Не хочу быть периферией.

ПРО ЛЮБОВЬ, КОТОРАЯ ЗЛА

Должен признаться в одной дурацкой особенности.

Я, бывает, злюсь на историю.

Меня бесит, когда она обходится каким-нибудь невыносимо пошлым образом с яркими и красивыми людьми — так сказать, затаптывает жемчуг в грязь.

Примером такого свинства мне всегда казалась судьба вот этой прекрасной женщины →

Это Елизавета Кушелева-Томановская-Дмитриева-Давыдовская (почему целых четыре фамилии, сейчас объясню).

Родилась она в 1851 году. С детства была очень хороша собой и вообще, как тогда говорили, «подавала надежды». Сам Мусоргский давал ей уроки музыки. Алексей Куропаткин, будущий соратник Скобелева и военный министр, вспоминает: «Лиза была выдающейся красоты девушка, с благородным образом мыслей и способностью говорить образно и пылко... Проникнутая идеями службы в пользу народа, она непрерывно доказывала мне необходимость оставить военную службу и идти в народ...»

Как многие русские барышни той поры, Лиза мечтала учиться чему-нибудь настоящему, «неженскому». Тогда это было возможно только за границей. Чтобы добиться своего, Кушелева семнадцати-

летней вступила в фиктивный брак с неким Михаилом Томановским — благодаря Чернышевскому такие союзы тогда были в моде.

Но оказавшись в Европе, девушка увлеклась не учением, а социалистической идеей. Вступила в русскую секцию Интернационала, пожертвовала на дело светлого будущего свое немаленькое наследство — шестьдесят тысяч рублей. Потом отправилась в Лондон к Карлу Марксу и вошла в ближний круг главного гуру социалистов.

Когда в Париже произошла первая в истории коммунистическая революция, Маркс отправил наблюдать за историческими событиями двух эмиссаров, одним из которых была Елизавета Томановская. В Париже, чтобы не компрометировать законного супруга, она взяла псевдоним «Дмитриева». Но одним наблюдением не ограничилась.

Имя Елизаветы Дмитриевой упоминается во всех книгах, посвященных Парижской Коммуне. Вместе с легендарной Луизой Мишель

Кадр из фильма «Зори Парижа»

юная русская барышня (ей было всего 20 лет) создала и возглавила революционную организацию женщин. Пять тысяч коммунарок сражались на баррикадах вместе с мужчинами. Во время одного из последних, самых кровавых боев Дмитриева была тяжело ранена.

Ее унесли с баррикады, спрятали от версальцев и позднее переправили за границу.

На этом иностранные авторы обычно заканчивают рассказ о героической «княгине Элизабет» (раз богатая русская — то, разумеется, princess, как же иначе?). Ее дальнейшая судьба им неизвестна.

И очень хорошо, что неизвестна.

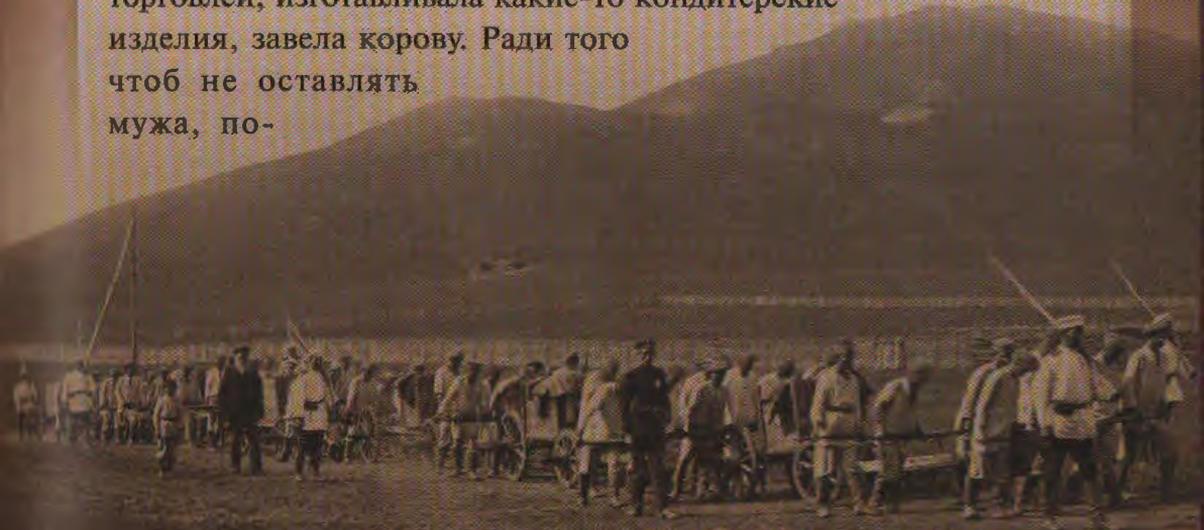
На имя Елизаветы Томановской я впервые наткнулся, когда готовился писать повесть «Пиковый валет» и изучал судебное дело «червонных валетов» — шайки ловких аферистов, которые в семи-

десятые годы весело и изобретательно потрошили московских богачей. Один из главарей шайки, сын тайного советника Иван Давыдовский, называет эту женщину своей гражданской женой и ходатайствует, чтобы ей разрешили отправиться за ним в Сибирь.

Тогда-то и выяснилось, что парижская революционерка Дмитриева, про которую я слышал еще в школе (тогда как раз пышно отмечалось 100-летие Коммуны), и сожительница осужденного мошенника — один и тот же человек.

Не знаю, как произошла эта метаморфоза. Участница Интернационала, подруга Маркса, одна из заметнейших фигур Парижской Коммуны забыла про освобождение пролетариата, про мировую революцию и связала свою жизнь с жалким проходимцем.

«Жалким» — потому что Давыдовский был субъектом преобразительным. Он обошелся со своей самоотверженной возлюбленной гадко. Пока был на свободе и при деньгах, держал на положении любовницы, хоть она и родила ему двух дочерей. Зато когда оказался за решеткой, сразу предложил руку и сердце. Четверть века Елизавета прожила с ним в сибирской глуши. «Политические» не желали иметь с ней дела, поскольку она была женой презренного уголовника. Бывшая «княгиня Элизабет» пыталась заниматься мелочной торговлей, изготавливала какие-то кондитерские изделия, завела корову. Ради того чтоб не оставлять мужа, по-

жертвовала образованием дочерей. Давыдовский всё это принимал как должное. Но, отбыв срок ссылки, немедленно бросил семью и вернулся в европейскую Россию один.

Конец жизни Елизаветы Давыдовской теряется в сумерках. Судя по адресной книге, накануне революции она жила в Москве с дочерьми, которые, очевидно, досидели в Сибири до стародевичества. Год смерти Дмитриевой-Давыдовской неизвестен.

Краткое резюме этой непоследовательной жизни выглядит так: жила-была прекрасная и прекраснодушная девушка незаурядной смелости и силы, мечтала построить царство справедливости и даже приступила к осуществлению этого грандиозного прожекта, но — любовь зла — полюбила рогатого козла и потратила свою драгоценную жизнь на служение этому несимпатичному животному.

Какая горькая потеря. Какая безрассудная растрата.

И дело, конечно, не в коммунистической идее (пропади она пропадом), а в том, что большой человек разменялся на мелочи. Променил Большой Мир на малый, да и тот оказался пшиком.

В общем, как-то так относился я к этой грустной и даже оскорбительной истории.

А сейчас вдруг подумалось: что если Елизавета была вопреки всему счастлива со своим моральным уродом? И четвертьвековые тяготы были ей в радость?

Масштабный человек остается масштабным, даже если сворачивает с широкого тракта на глухую тропинку. Если сражается за справедливость — так до тех пор, пока не унесут с баррикады без сознания. А если полюбит — то жертвует ради любимого всем, не считая это жертвой, и никогда ни о чем не пожалеет.

Одно дело — ехать в Сибирь женой декабриста или народовольца. А женой «червонного валета»? Пожалуй, здесь потребовалось еще большее величие души.

Не буду больше обижаться за Елизавету Дмитриеву. Она всё равно прекрасная.

Считайте этот текст поздравлением с праздником.

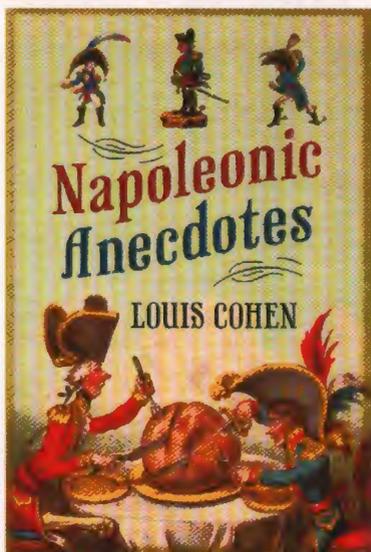
НЕ ЛЮБЛЮ БОНАПАРТА

Окончательно это понял, прочтя книгу Льюиса Коэна «Анекдоты о Наполеоне».

В юности, помню, меня возмущала гадливость, с которой Толстой описывает Бонапарта в «Войне и мире» («Дрожание моей левой икры есть великий признак» и т.п.). Я считал, что Лев Николаевич к великому человеку несправедлив.

А теперь думаю, что очень даже справедлив. Толстой безошибочно определил несущую конструкцию, на которой крепилась эта личность: патологический эгоцентризм и абсолютное презрение к людям. «Для человека моего склада миллион жизней — сущая чепуха», — признался Наполеон однажды Меттерниху.

Слово «анекдоты» в названии книги употреблено, разумеется, в своем изначальном смысле — короткие примечательные истории. Составитель не стремится изобразить фигуранта в положительном или отрицательном свете, а просто излагает в хронологическом порядке взятые из разных мемуаров и доку-

ментов факты, не отделяя значительное от мелкого. В те времена (книга впервые издана в 1925 году) этот жанр был в моде. Нам он лучше всего известен по замечательным коллажам В. Вересаева («Пушкин в жизни», «Гоголь в жизни»).

Неструктурированность отбора, отсутствие каких-либо фильтров придают портрету жизнеподобие и красочность. Человек раскрывается гораздо ярче, чем в самой добросовестной биографии, где неминуемо сказывается позиция автора текста.

Каким же выглядит Наполеон в жизни?

На мой вкус — омерзительным.

Галантным он был только
на картинках

Безапелляционность его суждений-вердиктов обо всем на свете свидетельствует не только о фантастически раздутом самомнении, но и о поразительной ограниченности.

О Шекспире сей знаток изящной словесности заявил: «Его пьесы не заслуживают прочтения, они презренны и даже хуже того».

Об Иисусе изрек: «Конечно, никакого евангельского Христа не существовало. Был какой-то еврейский фанатик, вообразивший себя Мессией. Таких при-

канчивают повсеместно, во все времена. Мне и самому доводилось их расстреливать».

Вот мнение Корсиканца о женском поле: «К женщинам не следует относиться как к равным, ибо это лишь машины для производства потомства. Лучшая из женщин — та, у которой больше всего детей».

О взаимоотношениях Наполеона с прекрасной половиной человечества сохранилось множество рассказов, в том числе весьма

сочных. Достигнув верховной власти, Бонапарт часто обходился с дамами невероятно оскорбительным образом.

Если Наполеону казалась привлекательной какая-нибудь женщина, он посылал сказать, чтобы та явилась к нему в покои к такому-то часу, разделась и терпеливо ждала. Почти не отрываясь от чтения документов, удовлетворял августейшее сладострастие, после чего ошарашенную избранницу немедленно вы-

проваживали. Это бы, в конце концов, черт с ним — вольно ж было придворным дамам соглашаться. Гораздо сильнее меня возмутил анекдот из тех времен, когда Бонапарту еще приходилось ухаживать и добиваться благосклонности.

Во времена Итальянского похода генерал Буонапарте приударял за некоей мадам Тюрро и, желая ее развлечь, устроил экскурсию — продемонстрировал «настоящую войну»: велел войскам атаковать неприятельские позиции. Потом со смехом рассказывал, что никакой пользы от этой атаки, конечно, не было «и некоторому количеству солдат пришлось погибнуть, но зато дама была в восторге».

С Эросом и Танатосом у императора вообще всё было непросто. Известно, что после каждой битвы он непременно объезжал поле брани, разглядывая убитых. Считается, что таким образом полководец проверял эффективность действия артиллерии, своего любимого рода войск. Но, кажется, имелась и другая причина, вполне отвратительная.

Барон Ларрей, лейб-хирург Бонапарта, был свидетелем того, как после такого зловещего осмотра

В ту пору он еще не растолстел

император вернулся в лагерь с горящими глазами и потребовал немедленно доставить к нему женщину (этого обслуживающего персонала во французской армии всегда хватало).

Не менее противна и знаменитая наполеоновская грубость. Ему нравилось публично унижать людей. Император обожал говорить подданным гадости, не давая пощады и женщинам. В книге множество описаний того, как его величество кого-то зло высмеял, как вlepил сановнику оплеуху, как ударил вельможу хлыстом и так далее. Приведено всего два случая, когда высочайший хам получил отпор. Пересказываю оба с большим удовольствием.

«Говорят, вы очень любите мужчин, сударыня?» — громогласно обратился на балу император к одной даме, про которую ему сообщили, что она завела любовника. «Только вежливых, сир», — почтительнейше ответствовала та. Не найдясь, что на это сказать, Наполеон надулся и молча прошествовал дальше.

Менее ловким, чем привычная к словесной эквилибристике аристократка, оказался доблестный адмирал Брюи, командующий эскадрой, на которой французы собирались переправить десант в Англию.

Этьен Брюи, человек чести (1759—1805)

Император прибыл в Булонь и потребовал, чтобы флот немедленно произвел маневры. Командующий ответил, что приближается буря и выходить в море нельзя. «Приказываю здесь я. Исполняйте!» — рявкнул великий человек. «Простите, сир, не могу — погибнут корабли и люди», — твердо сказал адмирал. Не привыкший к возражениям Наполеон впал в ярость и замахнулся хлыстом. «Осторожней, сир», — сказал Брюи, положив руку на эфес. Бонапарт замер. Отшвырнул хлыст.

Маневры все равно состоялись, во время шторма несколько сотен моряков утонули. Негибкий адмирал был немедленно изгнан со службы и получил приказ покинуть пределы Франции. Но уехать не успел — скончался. По официальной версии, от приступа чахотки.

Не без удовольствия приведу и один из финальных анекдотов книги.

Когда Бонапарт умер, врач, делавший вскрытие, с благоговением извлек из грудной клетки сердце покойника (аномально маленькое). Поместил в банку со спиртом, дабы сохранить эту священную реликвию для потомков.

Не смея расстаться со столь великой драгоценностью, врач унес склянку к себе в комнату. Ночью он проснулся от звона. Увидел, что банка разбита, спирт пролился, и огромная рыжая крыса, чавкая, волочит сердце великого завоевателя в угол. Доктор еле успел отобрать, что осталось.

Убийца миллионов умер

ЦЫПЛЕНОК И ПАРОВОЗ (ПРО ШВАРЦА)

Евгений Шварц во всех своих измерениях знаком мне с самых ранних лет, и я знаю его так, как можно знать себя самого. Со своей уверенной и вместе с тем слишком внимательной к собеседнику повадкой, пристально взглядывая на него после каждого слова, он сразу выдает внимательному наблюдателю главное свое свойство — слабость.

Это я без кавычек привел цитату. Так, в третьем лице, пишет о себе сам Шварц.

Я только что прочитал две книжки — воспоминания и дневники Шварца — и понял, что люблю его еще больше, чем думал.

Записки у него поразительно интересные, притом что Шварц писал для себя и не пытался быть занимательным. Наоборот: очень старался не быть занимательным. Думаю, если бы я прочитал всё это в молодом возрасте, мне было бы скучно. А сейчас — то, что доктор прописал.

«Чтобы совсем избавиться от попыток даже литературной отделки, я стал позволять себе всё: общие места, безвкусицу. Боязнь общих мест и безвкусицы приводят к такой серости, что читать страшно», — пишет Евгений Львович.

Всегда чувствуется, когда текст написан без оглядки на публику, без желания понравиться.

Самое лучшее, что оставил после себя плодовитый Юрий Нагибин, — финальная, для самого себя написанная книга «Тьма в конце туннеля». В ней недобрый и в общем малопрятный, но отлично владеющий словом человек на пределе откровенности вспоминает свою внешне благополучную, но нескладную, несчастливую, изъеденную постыдными страхами, сильно грешную жизнь. Только прочитав эту книгу, я понял, что Нагибин — настоящий писатель. Заодно вспомнилось, каким он был в последние дни. Должен был написать для нашего журнала какое-то предисловие, тянул, говорил, что у него болеет собака и что он очень за нее волнуется. Потом собака умерла, и сразу вслед за ней умер сам Нагибин.

Но я собирался написать не про Нагибина, отвлекся.

В какой-то момент Шварц понял, что вспомнить и осмыслить свою жизнь он сможет, только если изложит весь ее ход на бумаге. «Начав писать всё, что помню о себе, я, к своему удивлению, вспомнил много-много больше, чем предполагал. И назвал такие вещи, о которых и думать не смел».

Он заставлял себя писать о том, о чем писать не умел, не хотел, боялся. Никаких волшебников, смешных королей, трогательных принцесс и благородных ланцелотов. Дневники написаны не сказочником, а масштабным и мужественным человеком, который думает, что он мелок и труслив. Как же часто в жизни бывает наоборот!

Как-то на железнодорожной станции Шварц заворуженно наблюдал, как около вагонов копошатся цыплята. Один, беззаботный и любопытный, но при этом хорошо знающий правила мира, в котором живет, гулял по рель-

Милое фото: добрый сказочник и малютки

сам — и проворно отбегал, когда приближался огромный, черный паровоз. Паровоз проедет — цыпленок как ни в чем не бывало возвращается. Попил из лужи — закашлялся, потому что там не вода, а какая-то нефтяная гадость. Писатель долго не мог понять, чем так заинтриговал его этот цыпленок. А потом вдруг сообразил, что это он самый и есть, Шварц Евгений Львович. Так всю свою жизнь и прожил, с интересом гуляя вдоль железных рельсов, улепетывая от всяких ужасов и утоляя жажду разной пакостью.

Нет, давайте я лучше не перескажем, а прямыми цитатами из Шварца.

В тридцать седьмом году он пишет про «чувство чумы, гибели, ядовитости самого воздуха, окружающего нас». «Мы в Разливе ложились спать умышленно поздно. Почему-то казалось особенно позорным стоять перед посланцами судьбы в одном белье и натягивать штаны у них на глазах. Перед тем, как лечь, я выхожу на улицу. Ночи еще светлые. По главной улице, буксуя и гудя, ползут чумные колесницы. Вот одна замирает на перекрестке, будто почуяв добычу, размышляет — не свернуть ли? И я, не знающий за собой никакой вины, стою и жду, как на бойне, именно в силу невинности своей».

Это написано в самую страшную пору террора. В писательском кооперативе, где домработницы суют нос в рукописи, потому что шпионят за жильцами, — за разоблаченного «врага народа» полагалась комната в освободившейся квартире.

Про очарованность талантом и разочарование при личном знакомстве:

«Скаковая лошадь прекрасна, когда бежит, — ну и смотри на нее с трибун. А если ты позовешь ее обедать, то несомненно разочаруешься».

Про отношение к жизни:

«Смотри, даже когда хочется шуриться. Смотри, даже когда обидно. Смотри, даже когда непохоже. Помни — мир не бывает неправ. То, что есть, то есть. Даже если ты ненавидишь нечто в мире и хочешь это уничтожить — смотри. Иначе ты не то уничтожишь. Вот. Понятно?»

Особенно тяжело ему, человеку пуританской эпохи, даются воспоминания о поре полового созревания. Эти признания трогательны и, пожалуй, забавны, хотя для автора чрезвычайно мучительны. Не позволяет воспитание, и слов таких нет, а их необходимо найти, потому что стыдное засело в памяти и отдавалось эхом всю последующую жизнь.

«Вот и это удалось рассказать мне. Ничего не пропустив, кроме самых невозможных подробностей», — завершает он свой, по нынешним временам, абсолютно целомудренный рассказ о первой женщине. «Она полулегла на диван и, глядя на меня строго, стала расспрашивать, кто я, как меня зовут, в каком я классе... Потом сказала, что от меня пахнет кисленьким, как от маленького, и вдруг стала целовать меня. Сначала я испугался. А потом всё понял. А когда всё было закончено, заплакал». Вот и весь, как теперь говорят, интим.

Господи, как мы все изменились.

Поразительная безжалостность к себе:

«Я многое понял, но ничему не научился. Я ни разу не делал выводов из того, что понимал, а жил, как придется».

Хуже, чем безжалостность, — несправедливость. Одна из последних записей в дневнике словно подводит итог жизни:

«Я мало требовал от людей, но, как все подобные люди, мало и я давал. Я никого не предал, не клеветал, даже в самые трудные годы выгораживал, как мог, попавших в беду. Но это значок второй степени, и только. Это не подвиг. И, перебирая свою жизнь, ни на чем не мог я успокоиться и порадоваться».

Прочитав это, я рассердился на Шварца. Это ведь у него не рисовка и не кокетство. Он действительно так думал! Тот, кто принес радость такому огромному количеству людей. Тот, кто так много значил и значит для нас всех.

Ей-богу, заниженная самооценка еще хуже, чем завышенная.

Грех вам, Евгений Львович.

Подросток былых времен

ПОРТРЕТЫ НА ПАМЯТЬ (ИЗ ФАЙЛА «ПРИВЫЧКИ МИЛОЙ СТАРИНЫ»)

Предупреждение: впечатлительным не смотреть!

Фотопортрет как фотография, правда? Сидит молодой мужчина в несколько расслабленной позе. Задумчиво смотрит в объектив. Наверное, интересничает. Изображает байронизм (в ту эпоху было модно) или блазированность, утомление светскими удовольствиями.

На самом же деле...

...Это, друзья мои, как сказал бы унтер Пришибеев, мертвый труп умершего покойника.

В середине XIX века, после появления сначала дагерротипии, а потом фотографии, европейцы кинулись запечатлеть себя. Наконец-то заказать портрет могли не только богатеи, но и люди среднего достатка.

«Портретомания» наложила на еще одну моду. То была эпоха поэтизации всего, связанного со смертью. Кладбища считались бонтонным местом для променадов и пикников. Гробы стали изящней, похороны живописней, саваны нарядней, склепы замысловатей. Про эту викторианскую некрофилию я когда-то писал в книжке «Кладбищенские истории».

Какому-то фотохудожнику с деловой хваткой и пошлыми мозгами пришла в голову супер-бизнес-идея: заработать на горе тех, кто потерял дорогого человека. У скорбящего рассудок помутняется, расходов он не считает. Больше всего денег люди, как известно, тратят на свадебные торжества и на траурные церемонии.

Появилась новая услуга, которую предоставляли похоронные конторы в альянсе с фотоателье: снимок дорогого покойника, загримированного под живого. «Вы не успели обзавестись на вечную память портретом обожаемого существа? Ничего страшного. Наша фирма исправит вашу оплошность».

Многие, очень многие безутешные родители, вдовцы или вдовицы заказывали себе такие фотографии.

Мертвеца наряжали, гримировали, усаживали в естественную позу при помощи всяких технических приспособлений. Глаза открывали, для блеска увлажняли. Иногда приходилось рисовать зрачки, растягивать губы в улыбке. (В свое время я подробно описал эту процедуру в романе «Пелагия и красный петух», воспользовавшись «Практическим руководством для судебных деятелей» 1915 года издания.)

Выглядело это так

Сейчас викторианские посмертные фотокомпозиции превратились в предмет коллекционирования у любителей всякого макабра.

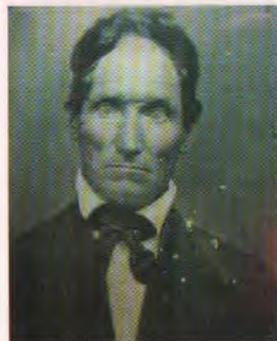

По лицам видно, что родители не в себе. Поэтому Бог им судья

Из поздних. Такое ощущение, что два мертвеца держат на руках спящих детей. Хичкок какой-то...

Чаще всего, конечно, фотографировали умерших сыновей и дочерей — эти утраты самые болезненные из всех.

Мода держалась долго и сошла на нет лишь к 20-м годам XX века. Не потому что скорбь стала более цивилизованной, а потому что фотография перестала быть редкостью и от всякого умершего оставались какие-то прижизненные снимки. (Кстати говоря, превращение тела умершего Ленина в постоянно действующую инсталляцию — дальний отзвук всё той же викторианской некрофилии. Лучше бы уж мертвого Ильича посадили в кресло или поставили на броневик,

шелкнули на память, да и закопали бы с богом. А то лежит посреди города жуткая жуть, только людей пугает).

Некоторые пост-мортальные снимки сляпаны кое-как — сразу видно, что покойник (нижнее фото).

Но иногда в коллекциях попадаются просто шедевры гри-

мерного искусства. Нипочем не догадаешься.

Но в общем, конечно, мрак и ужас...

Надеюсь, вы читаете этот пост не на ночь?

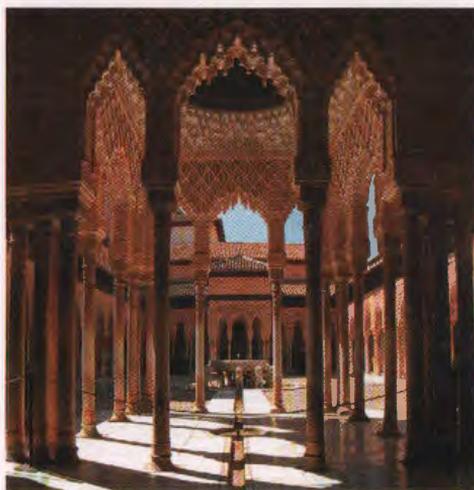

НЕПРИМЕЧЕННЫЕ СЛОНЫ

Был я недавно в Гранаде. Ну, там, Альгамбра и всё такое. Музей в Альгамбре, кстати говоря, удивительно бестолковый. Повсюду ненужные очереди, то и это нельзя — прямо как у нас. Персонал ни на каких языках не говорит, хотя почти все посетители иностранцы. Экспозиции какие-то показушные, будто устроенные для галочки. В общем, ничто не мешало свободному полету мысли. А мысль моя улетела вот куда.

Я подслушал, как экскурсовод рассказывал японцам о взятии Гранады в 1492 году. Какое это было великое, эпохальное, историческое событие: пал последний оплот арабского владычества и Испания окончательно стала Испанией.

И стал я думать, что для Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской самым значительным событием 1492 года действительно было взятие этой, прямо скажем, невеликой крепости. А вовсе не тот факт, который у всех нас сегодня ассоциируется с этой вехой. Подумаешь, три кораблика поплыли через Море-Океан искать короткий путь в Индию. Делов-то. А тут, шутка ли сказать, целая ГРАНАДА!

И такое ведь случалось бесчисленное множество раз. Современники придавали огромную важность какому-то событию, которое потомки сочтут малозначительным или вовсе забудут, а чего-то исторического, масштабного либо вовсе не замечали, либо считали не достойным внимания.

Сходу могу вспомнить несколько подобных «непримеченных слононов».

Это титульная страница французской газеты от 27 июля 1890 года. Событие номера: Генерал Деффи (кто-нибудь его сейчас помнит?) устроил смотр войск в Булонском лесу. Вообще-то в этот день застрелился Ван Гог, но никого не заинтересовала гибель безвестного неудачника, сумевшего за всю свою жизнь продать только одну картину.

Или возьмем 26 сентября 1905 года. Европейские газеты пишут о последствиях Портсмутского мира, о расторжении шведско-норвежской унии и о тысяче совсем уж мелочей. А в этот день, между

Hertz as a student at the ETH, or shortly thereafter.
(Courtesy of Hebrew University of Jerusalem)

прочим, в журнале «Annalen der Physik» вышла статья молодого ученого с никому ничего не говорящей фамилией «К электродинамике движущихся тел», произведшая революцию в науке.

А знаете, что было главным событием 33 года нашей эры?

Ну, подумайте.

Неправильный ответ. Мало ли кого там распяли в захолустной провинции. Кому это вообще интересно? А в Риме разразился финансовый кризис. Возросла стоимость кредитования,

подорожала недвижимость, обострился дефицит ликвидности. Много солидных людей разорилось. В общем, ужасная катастрофа.

Какой-то «штейн»

Очень возможно, что то же самое происходит и прямо сейчас, думал я, гуляя по тоскливой Альгамбре. Кто-то сегодня сделал epochальное открытие, которое перевернет мир, а нам и невдомек. Кто-то, кого потомки признают величайшим светочем нашего времени, только что скончался непризнанным. Вот я задел плечом незнакомого человека, пробормотал «извините» и пошел себе дальше. А это тот, кто через двадцать лет спасет человечество. Или, может быть, погубит. И поди знай.

ЛИЦА, КОТОРЫХ БОЛЬШЕ НЕ БЫВАЕТ

Ничего, если я еще покатаюсь на любимом коньке — порассуждаю про старые (на этот раз *самые* старые) фотографии? Пугать покойниками не буду, не бойтесь.

Когда-то я уже писал, чем меня так интригуют антикварные снимки. Знаю, это звучит по-дурацки, но для меня они являются несомненным доказательством того, что прошлое *действительно существовало*. Портреты, сделанные живописцем, интересны мне, только если мастер особенно хорош или объект чем-то прославился. Но в любой фотопортрет 19 века я могу вглядываться подолгу. Это материальная тень человека, запечатленная на пластинке. Всё, что осталось от давно завершившейся жизни.

В ателье дагерротиписта

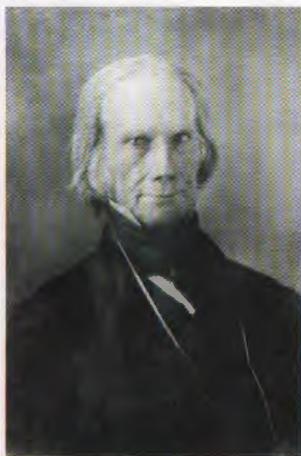
Чем старше карточки, тем они мне милее. Поэтому больше всего я люблю самые первые портреты — дагерротипические.

С них смотрят (чаще всего прямо на меня) лица двух типов.

К первому относятся те, которых больше не бывает. И таких большинство.

Мы очень изменились за полтора с лишним века, потому что сильно эволюционировала жизнь. Из-за нездоровой диеты, слабо развитой медицины, необустроенности быта люди выглядели иначе. Была другая мимика — люди меньше улыбались и не играли в приветливость. Хуже ухаживали за кожей. Были заметней следы перенесенных болезней. Старели раньше. Острее ощущали хрупкость бытия. И так далее, и так далее.

Лица, которых больше нет, выглядят, например, вот так:

А таким, наверное, был портрет Настасьи Филипповны, поразивший князя Мышкина —>

Сейчас подобные фамм-фаталь перевелись. Нынешние выглядят совсем иначе.

К той же категории — снимков из другой жизни — принадлежат курьезные фотографии, свидетельство перемены нравов и представлений об интересном.

1848 г.

Фотошоп 19 века: явление призрака. Обратите внимание на волосы дыбом.

Вот железнодорожный рабочий Филиас Гейдж гордо показывает штырь, которым вышиб себе глаз и продырявил башку. Травма сделала Гейджа знаменитостью — он выжил после уникальной по тем временам черепной операции.

А это звезда фрик-шоу — «Бородатая Леди из Женевы»:

1853 г.

Первая «обнаженка» появилась сразу же, как только камера научилась снимать людей. О, какой был спрос на этикие пикантности!

Из этой демонстрации рахита (верхний снимок на с. 249), между прочим, впоследствии произрастет вся эротическая индустрия.

Весело разглядывать откровенно постановочные кадры — они были в большой моде.

Урок географии. 1850 г.

(между прочим, внук Екатерины Великой) изображает высокого интеллектуала —>

Со снимками людей, которых больше не бывает, всё ясно. Я рассматриваю такие карточки с любопытством или с улыбкой — без щемящего чувства, без грусти. Дела давно минувших дней. Жили старинные обыватели — какой-то совсем другой жизнью, отличной от нашей. Померли. Вырос лопух. Ну и земля пухом.

Иное дело лица второго типа: как у нас с вами. *Сегодняшние*. Не часто, но попадаются и такие. Вся-

1839 г.

Ниже — самый ранний отечественный фотопортрет. Сахарозаводчик и любитель всяческих новинок вроде дагерротипии А.А. Бобринский

1842 г.

Вы видите, что он живой? Я — вижу

кий раз мне становится не по себе. Как будто злые чары похитили живого человека, посадили под стекло, и он смотрит оттуда, безгласный и беспомощный.

Иногда мне, правда, кажется, что пленникам хорошо там, на потускневшем снимке, и они вовсе не стремятся вернуться. Так что, может быть, чары и не злые.

Я сейчас покажу вам такие лица.

Слева самый первый — вообще первый — фотопортрет (1839 г.). Человек по имени Питер Корнелиус снимает сам себя.

Посмотрите на бабушку с внуком.

Похожи на ряженных из малобюджетного костюмного телесериала, где экономят на кастинге. Сейчас съемка закончится, они переоденутся в нормальную одежду и уедут домой на метро. А между прочим, старушка (София Айрленд ее звали) 1773 года рождения...

Три берлинские девочки из 1843 года:

Верхняя и особенно та, что справа, — чинные старинные медхен. А слева сидит непонятно как туда угодившая моя племянница Ася. Правда, не безобразничает, как в обычное время. Дядю фотографа, наверное, стесняется.

У мужчины справа что-то не то с прической и бант привязан, очевидно, для прикола. А так — хоть сейчас в московский «Жан-Жак», двойной эспрессо пить и читать новости по ай-паду.

А на романтическую даму (справа, внизу) я смотрю и думаю, что лет в пятнадцать вполне мог бы в нее влюбиться, как влюбляется в дагерротип юный герой моего романа «Беллона».

Это Дороти, сестра фотографа Джона Дрейпера. Бедняжка не мигая смотрела в одну точку 65 секунд (чем, вероятно, объясняется магичность взгляда) и за свое долготерпение вошла в историю: это первый в мире женский фотопортрет (1839).

От нас с вами, конечно, останется гораздо больше вещественных доказательств того, что мы когда-то жили. Мы ведь только и делаем, что щелкаем друг друга. Наши цифровые портреты не пожелтеют и не потускнеют.

Интересно только, какими покажутся наши лица далеким потомкам? *Своими* или *чужими*? Понятными и близкими — или такими, *которых больше не бывает?*

«СТЫДНЫЕ» ПРОЦЕССЫ

...Про жуткий и одновременно анекдотичный «Процесс кадавра» я начался, когда собирал материалы для главы о крещении Руси. Нужно было разобраться, почему князь Владимир предпочел восточное христианство западному. (Этот выбор представляется мне самым главным событием отечественной истории. Почему — объясняю в первом томе «Истории российского государства».)

Как известно из летописи и некоторых иных источников, Киевская Русь не сразу отдала предпочтение константинопольской версии христианства. Ислам (религия волжских болгар) и иудаизм (религия хазар), вопреки легенде, кажется, не рассматривались, а вот к римской церкви Рюриковичи приглядывались и примеривались всерьез. Однажды, при княгине Ольге, в Киев уже было позвали германского епископа, но потом передумали и отправили восвояси.

Почему? Ведь, соглашаясь признать церковную власть византийского патриарха, Русь усугубляла свою зависимость от империи, и без того весьма значительную. Русские князья хорошо понимали эту опасность и к ромеям относились настороженно, даже враждебно.

А дело в том, что на исходе первого тысячелетия авторитет Святого Престола пал очень низко. Папский Рим погряз в пороке и скандалах, стал притчей во языцех. «Немецкая» церковь пребывала в убожестве. Послы Владимира Красное Солнышко рассказывали князю: «И придохом в Немце и видихом службу творяща, а красоты не видихом никоеяже». Казалось, благочестие и религиозность

ушли навсегда и больше не вернутся. (Я некоторое время назад уже писал о тогдашнем кризисе папства в связи с красивым словом «порнократия» — просто не стал тогда сознаваться, что это факты с периферии моего исторического проекта.)

Низшая точка падения для римской церкви — так называемый Synodus Horrenda («Ужасный Синод»), он же «Процесс кадавра».

Папа Формоз (891–896) был скверным понтификом. Этот политический интриган вверг Италию в затяжную и опустошительную войну (не буду сейчас рассказывать, между кем и кем — неважно). У духовенства и римских жителей накопилось столько злобы на несвятое святейшество, что даже кончина Формоза не смягчила сердца.

Новый папа Стефан VI решил подвергнуть своего предшественника посмертному суду. Полуразложившийся труп вынули из саркофага, усадили на престол и провели процесс по всей форме.

А с виду такой приличный мужчина

«Процесс кадавра». Жан-Поль Лоранс

На вопросы обвинителя за Формоза отвечал специально назначенный дьякон. Без запираательства признавался в богохульстве, святотатстве и прочих злодеяниях. Думаю, прокурорам было очень удобно работать с таким подсудимым.

Согласно вердикту, покойник был предан проклятию, все его эдикты отменены, рукоположенные им епископы лишены сана, а само пятилетнее папство Формоза объявлено не существовавшим.

Мертвецу отрубили три кошунственных пальца, смевшие касаться Святых Даров, и швырнули останки в смрадный Тибр.

Но на этом злоключения Формоза не закончились. Кто-то выловил его из реки и похоронил, как положено. Однако через несколько лет несчастный скелет опять поволокли на суд. Второй процесс признал Формоза виновным в еще более тяжких преступлениях. Оттяпали уже не пальцы, а голову, и только тогда успокоились.

Все христианские страны — равно как и народы, еще только подумывавшие о крещении, — наблюдали за этим трупоедством с ужасом.

Как тут не вспомнить фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние», где мертвого злодея снова и снова выкапывают из могилы, чтобы его преступления не были преданы стыдливому забвению.

И здесь мы подходим к большому вопросу: есть ли смысл устраивать ритуальные суды над собственным прошлым? В конце концов, преступники уже умерли или казнены, развалины поросли травой, сменились поколения. Кому нужны эти позорные для отечества «Процессы кадавров»?

Когда смотришь вокруг, приходишь к выводу, что именно отечеству-то они больше всего и нужны.

Вот Германия устроила многолетнее публичное самобичевание за фашизм — и, кажется, изжила эту хворь. А Япония, например, в своих военных преступлениях так по-настоящему и не покаялась, и современные японцы довольно туманно представляют себе, что такое «Нанкинская резня», «Отряд 731» или самурайский спорт по проверке остроты меча на китайских шеях.

Нашему государству, как известно, тоже есть в чем повиниться. Но мы этого не любим. Извиняются ведь только слабаки, правда?

И вообще, то был СССР, а мы — РФ. Мы унаследовали только всё хорошее, а всё плохое — это к Сталину и Брежневу, пожалуйста. Между прочим, и они тоже выдающиеся лидеры, при которых «у нас была великая эпоха». Так что нечего нам тут подбрасывать.

Пожалуй, главный фейл ельцинизма — проваленный процесс над кадавром КПСС. Потому что надо было использовать этот юридический инструмент для расставания с прошлым, а не для политической борьбы с Зюгановым.

Очень возможно, что нелепый с нашей нынешней точки зрения «Процесс кадавра» был не напрасен. Католическая церковь потому и воскресла, что не боялась каяться и очищаться, даже выставляя себя на позор и посмешище. В последующие века авторитет Рима восстановился, и западная ветвь христианства оттеснила восточную на второй план.

Если бы папство решило свои репутационные проблемы немного раньше, очень вероятно, что многоумный Владимир выбрал бы не Константинополь, а Рим, и тогда вся наша история пошла бы по совершенно другой траектории. Уж не знаю, к добру или к худу.

Еще об одном «стыдном» средневековом процессе, который остался за рамками моего проекта «ИРГ» («История российского государства»), расскажу в следующей раз.

«ПУСТЬ ГОВОРЯТ» XI СТОЛЕТИЯ (МАРГИНАЛИИ «ИРГ»)

Как обещал, рассказываю про еще один «стыдный» судебный процесс. Легко представить, как упивались бы этим сюжетом таблоиды и помоечные телешоу нашего времени. Так и вижу заголовки:

СКАНДАЛ В ИМПЕРАТОРСКОМ СЕМЕЙСТВЕ!

ЕВРОПА В ШОКЕ!

**АДЕЛЬГЕЙДА: МУЖ ПРИНУЖДАЛ МЕНЯ К СЕКСУ
С СЫНОМ**

**О. ВСЕВОЛОД ЧАПЛИН: «ТАКОВЫ НРАВЫ ЗАПАДА —
ПЕДОФИЛИЯ, ИНЦЕСТ, САТАНИЗМ»**

**ПАВЕЛ АСТАХОВ ВЫЛЕТАЕТ В ВЕРОНУ РАССЛЕДОВАТЬ
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА СМЕРТИ МАЛЕНЬКОГО ПРИНЦА**

**ГОСДУМА РАССМАТРИВАЕТ ЗАКОНОПРОЕКТ О ЗАПРЕТЕ
ВЫДАВАТЬ РУССКИХ ЖЕНЩИН ЗА ИНОСТРАНЦЕВ**

**ЕВПРАКСИЯ: «БЕС ПОПУТАЛ МЕНЯ ОТКАЗАТЬСЯ
ОТ ПРАВОСЛАВИЯ»**

**СЕГОДНЯ В ПРАЙМ-ТАЙМ СМОТРИТЕ ЭКСКЛЮЗИВНОЕ
ИНТЕРВЬЮ С ИМПЕРАТРИЦЕЙ. «Я РАССКАЖУ ВСЁ
БЕЗ УТАЙКИ»**

Помещать эту желтушную коллизию в исторический том, конечно, было незачем, но уж в пост-то вставить можно. Дабы продемонстрировать вам, что в одиннадцатом столетии тоже жили нескучно.

Это были времена, когда Киевская Русь еще была частью Европы и великие князья часто выдавали дочерей за иноземных государей.

А сколько можно было бы собрать рекламы!

Евпраксия, дочь Всеволода I Ярославича, была двенадцатилетней девочкой (вот вам педофилия) просватана за маркграфа саксонского и уехала в Германию. Вскоре потеряла мужа и, как подобало знатной вдове, жила в монастыре. Аббатисой там была сестра германского императора Генриха IV. Навещая родственницу, монарх увидел русскую принцессу и пожелал на ней жениться. К этому времени Евпраксия уже звалась Адельгейдой — приняла католичество.

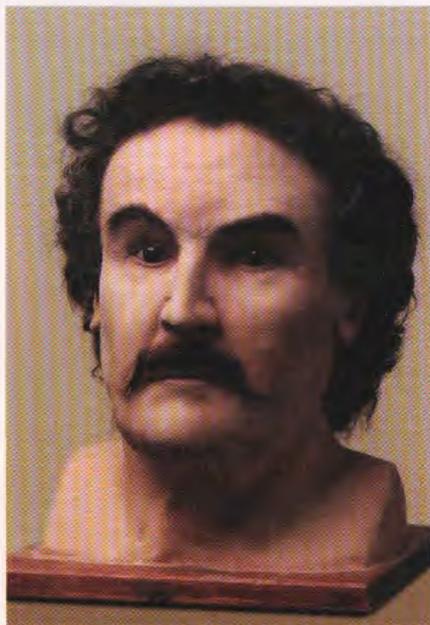
Брак вышел, мягко говоря, неудачным.

Генрих IV (1050—1106), согласно некоторым источникам, принадлежал к секте николаитов, исповедовавших «нецеломудрие» и практиковавших свальный грех.

Тем не менее супруги вели совместное хозяйство на протяжении четырех лет — в основном в Италии, где Генрих сражался со своими заклятыми

Дочери Ярослава Мудрого (справа налево): королева норвежская, королева венгерская, королева французская, принцесса английская

Нехороший иностранный муж.
(Реконструкция по черепу)

врагами, сторонниками папского престола.

У Адельгейды-Евпраксии родился сын, но двух лет от роду умер. Отношения между императором и императрицей окончательно разладились, и она сбежала от мужа к его лютой ненавистнице Матильде Тосканской. Тут-то скандал и разразился.

Матильда была дама предприимчивая, с креативным мышлением. Очень хорошо понимала эффективность «черного пиара», то есть сильно опережала эпоху. Например, сообразила, что лучше всего уничтожить конкурента, вы-

ставив его на позор перед всей Европой.

И уговорила беглую жену снять тяжесть с души — покаяться в грехах перед папой.

Сначала Адельгейда, вероятно, пришла в ужас. Воскликнула: «Как можно! Это не удастся сохранить в тайне! Все будут об этом говорить!» «Вот и чудесно. Пусть говорят», — ответила умная Матильда.

И императрица покаялась в окаянствах, к которым понуждал ее кощунник и развратник. Да не в исповедальне, а публично и принудительно — на Пьяченцском церковном соборе 1095 года. Сообщила церковному суду массу пикантных подробностей: о сатанистском культе, об оргиях, в которых Генрих заставлял ее участвовать, о том, как он посылал к ней в опочивальню своего сына.

Представляю, какое это было захватывающее ток-шоу. Должно быть, за местечко в зале брали немалую мзду.

Для врагов императора всё закончилось хорошо: Генриха предали анафеме и прогнали из Италии. Для дуры всё закончилось плохо. Ей отпустили прегрешения и сказали: теперь езжай, куда хочешь.

Несколько лет она скиталась по Европе, никому не нужная и всеми презираемая. В конце концов изгнанница вернулась на родину, где ей тоже вряд ли обрадовались.

В Киеве Евпраксия доживала тихо, и никто ей не докучал, потому что НТВ, «Лайфньюс» и интернета еще не существовало. Умерла в монастыре, не оставив сенсационных воспоминаний. Такой хардкор пропал зря!

Впрочем не совсем.

Роль фейсбука и твиттера на Руси тогда исполняли калики перехожие. Они со своими гуслими-перегудами разносили по стране небылицы, обманчиво именуемые «былинами», и, конечно, не обошли Евпраксию вниманием. Однако, как водится в социальных сетях, отнеслись к несчастной жертве сексуального маньяка неполиткорректно. Иначе чем «волочайкой», то есть потаскухой, ее в фольклоре не называют.

Вещий Боян гонит боян про «волочайку»

именуемые «былинами», и, конечно, не обошли Евпраксию вниманием. Однако, как водится в социальных сетях, отнеслись к несчастной жертве сексуального маньяка неполиткорректно. Иначе чем «волочайкой», то есть потаскухой, ее в фольклоре не называют.

В общем, тысячу лет назад у нас тут все тоже были хорошие.

Инда ладно. Вставали калики на резвы ноги, Спасову образу молятся, идут дальше «Историю российского государства» писать.

(Предупрежу-ка я на всякий случай еще раз, а то, знаете, не все читатели одинаково сообразительны: это не глава из «ИРГ». Там подобной чепухи не будет, не надейтесь.)

ОПРОСЫ И ВОПРОСЫ

Сначала — «голосовалки»...

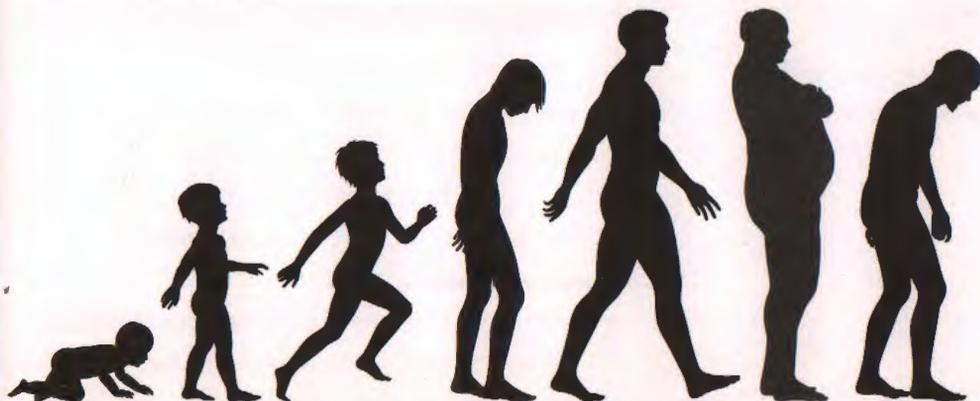

ЛУЧШИЙ ВОЗРАСТ

Какой возраст самый лучший, самый счастливый? Чаще всего говорят: детство. Или юность. Меня эта ностальгия по ранней поре жизни всегда удивляла.

Детство у меня было нормальное, даже благополучное. Но постоянное ощущение того, что все вокруг большие, а ты маленький? Что им всё можно, а тебе ничего нельзя? И неуверенность? И ни черта не понятно? И ощущение своей слабости? А школьные годы чудесные, чтоб им провалиться, с дружбою, с книгою, с песнею? На зарядку, на зарядку, назарядку-назарядку **СТАНОВИСЬ!** Бр-р-р.

Юность — ту я вообще вспоминаю со стыдом и отвращением. Свою глупость. Гормоны. Комплексы. Булькающую агрессию вперемежку с парализующей пугливостью. А вечные вселенские катастрофы вроде прыща на середине лба?

Движение имеет смысл, только если оно — к лучшему

Имею мечту. Хочу, чтобы самым счастливым возрастом для меня стала старость. Однако уже ясно, что осуществление этого прожекта потребует определенных усилий.

Ну-ка, а как у вас?

КАКОЙ ВОЗРАСТ ДЛЯ ВАС САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ?

(Можно выбрать больше одного варианта)

Участников: 3955

Детство

 400 (8.3%)

Юность-молодость

 872 (18.0%)

Средний возраст

 1110 (22.9%)

Нынешний

 1779 (36.8%)

Он еще впереди

 677 (14.0%)

А ЗАДАМ-КА Я ВАМ ПРОСТОЙ ВОПРОС

Когда я был маленьким, бога не было. Совсем. Это ведь к тому же еще были времена хрущевской «антирелигиозной кампании». Железный аргумент эпохи: «Гагарин с Титовым на небо летали — бога не видали».

Когда я подросток, бога тоже всё еще не было, но стало модно в пасхальную ночь ходить и смотреть на крестный ход. У кого был блат, занимали местечко в церкви и глазели на службу: экзотично, любопытно.

По телевизору ночью стали показывать что-нибудь полузападное, дефицитное — чтобы у церковей собиралось поменьше зевак.

С конца семидесятых среди моих знакомых стали попадаться воцерковленные. К ним в моем кругу относились с почтением, но в то же время и соболезнующе, а они держали себя гордо. Бога все равно, в общем, не было.

Он стал возвращаться с празднования тысячелетия русского христианства, то есть четверть века назад.

В ельцинские годы бог был уже Бог, но еще не государственный, не официальный. Президент с премьером на праздничных богослужениях тогда не дежурили и напоказ лбов не крестили.

Теперь только так и больше никак

Бог полностью вернул утраченные после 1917 года позиции в первом десятилетии XXI века, при Владимире Путине.

И сейчас, в 2013 году, если напишешь в блоге БОГА НЕТ!, кто-нибудь из верующих, вероятно, оскорбится за свои чувства, подаст в суд и выиграет процесс.

В официальном смысле религия (во всяком случае, православие) безусловно торжествует.

Но меня интересует не религия, а вера. Хочу понять: Он действительно вернулся, или это понарошку?

Скажите, вот лично Вы верите в Бога или нет?

БОГ ЕСТЬ?

Участников: 7794

Конечно!

2188 (28.4%)

Нету!

2631 (34.1%)

Бог его знает...

1731 (22.4%)

Да какая разница?

1163 (15.1%)

ГРУППОВАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ

Когда-то мы уже говорили о фобиях — теперь давайте поговорим о навязчивых страхах, отравляющих нам жизнь.
Для чего нужно говорить о страхах?

Когда страх обретает форму, имя и дефиницию, его можно преодолеть. Нет ничего хуже страха неопределенного, безадресного, безымянного. С ним непонятно, что делать. А если ты точно знаешь, чего (или кого) боишься, то можешь защититься и даже нанести превентивный удар. Моя любимая цитата из Павича: «Если движешься в том направлении, в котором растет твой страх, значит, ты на правильном пути».

Боишься убийц — вооружись.

Боишься рака — сходи, сделай диагностику.

Боишься диктатуры — объединяйся с единомышленниками.

Ну и так далее.

Вот вам наглядный символ Ужасного Ужаса:

Страшно? Еще бы!

Тетка на картинке сейчас ка-ак завизжит, как в обморок бухнется, да еще от свечи пожар начнется, и сгорит ведь, истеричка проклятая, к чертовой бабушке.

А надо как?

Во-первых, шугануть крыс — пусть забьются по щелям.

Во-вторых, чтоб эксперты определили причину смерти. Если насильственная — искать преступника.

В комнате сделать санобработку и полный ремонт. Приклеить веселенькие обои. Поселить щенка лабрадора — он быстренько расшугает всю скверную ауру.

И жить дальше.

Позитивненько надо, господа. С радостным взглядом, с песней веселой.

Давайте устроим практикум.

Сначала разберемся, какой страх в нашем сообществе самый распространенный.

ЧЕГО ВЫ БОЛЬШЕ ВСЕГО БОИТЕСЬ?

Выбирайте один страх — самый сильный

Участников: 3376

Смерти

■ 204 (6.1%)

Тяжелой болезни

■ 498 (14.9%)

Потерять того (тех), кого любишь

■ 1218 (36.5%)

Несчастливого случая

■ 67 (2.0%)

Старости

■ 95 (2.8%)

Стать обузой для окружающих

■ 429 (12.9%)

Бессмысленно прожитой жизни

■ 587 (17.6%)

Лишиться самоуважения

■ 118 (3.5%)

Мировой катастрофы

■ 76 (2.3%)

Страшного Суда

■ 43 (1.3%)

Если вашего главного страха здесь нет, называйте его в комментариях, а то у меня фантазия иссякла. Присоединяться можно плюсованием.

Посмотрим, какие страхи у нас тут в чемпионах, и попробуем найти на них управу. Я начну, а вы поможете.

kokainetto4ka

/.../Есть ли в Ваших произведениях герои, про которых Вы могли бы сказать — «Вот — истинно аристонимическая личность!»? Кто?

Если честно, я оглянулась вокруг, и поняла, что в реальной жизни таких не встречала, а если б встретила, возможно, не поняла бы и не одобрила. В жизни литературной же — подзреваю наличие нескольких кандидатов на звание «аристнома», но очень хочу узнать мнение Автора термина. Если не сложно, проясните, пожалуйста!

Эраст Фандорин — с оговорками. Данила Фондорин (из «Внеклассного чтения») — без оговорок. Вообще-то у меня в романах аристомом на аристомоме сидит и аристомомом погоняет. Ни одна книжка без них не обходится.

«Аристомом» — это не какой-то идеальный человек, бодхисатва во плоти. На свете таких людей много. И чем благоприятнее среда обитания, тем их больше.

Не хотите устроить себе тест на «аристонимичность»?

Заодно посмотрим, какие аристонимические характеристики у нас распространены более, а какие менее.

СТРЕМИТЕСЬ ЛИ ВЫ К САМОРАЗВИТИЮ?

Стремитесь ли вы к саморазвитию?

Участников: 1778

Да

1529 (86.3%)

Нет

43 (2.4%)

Сам не знаю

199 (11.2%)

**СПОСОБНЫ ЛИ ВЫ СОВЕРШИТЬ
НЕДОСТОЙНЫЙ ПОСТУПОК, ЕСЛИ ТВЕРДО
ЗНАЕТЕ, ЧТО ОБ ЭТОМ НИКТО
НИКОГДА НЕ УЗНАЕТ?**

Участников: 1577

Нет

321 (20.5%)

Да

361 (23.1%)

Только если речь идет о чем-то очень важном

331 (21.1%)

Только если это какая-то мелочь

553 (35.3%)

**СПОСОБНЫ ЛИ ВЫ
СВАЛИТЬ ВИНУ НА ДРУГОГО,
ЕСЛИ В ЧЕМ-ТО ОШИБЛИСЬ?**

Участников: 1484

Нет

977 (66.1%)

Да

348 (23.6%)

Только если наказание за ошибку чревато тюрьмой-сумой-могилой

152 (10.3%)

ВЫ УМЕЕТЕ ВЛАДЕТЬ СОБОЙ?

Вы умеете владеть собой?

Участников: 1492

Да

315 (21.2%)

Нет

99 (6.7%)

Меньше, чем хотелось бы

1069 (72.1%)

ЕСТЬ ЛИ ВЕЩИ (ИДЕИ, ПРИНЦИПЫ, ПРАВИЛА), КОТОРЫЕ ДЛЯ ВАС ВАЖНЕЕ ВЫЖИВАНИЯ?

Участников: 1456

Да

537 (37.2%)

Нет

94 (6.5%)

Есть, но боюсь, что инстинкт самосохранения окажется сильнее

812 (56.3%)

ОТНОСИТЕСЬ ЛИ ВЫ К ЛЮДЯМ С АПРИОРНЫМ УВАЖЕНИЕМ?

Участников: 1459

Да, ко всем.

 218 (15.1%)

Да. До тех пор, пока не увижу, что человек не заслуживает уважения

 873 (60.4%)

Нет. Пусть человек сначала докажет, что заслуживает уважения

 78 (5.4%)

Сужу по косвенным признакам, надо ли уважать данного человека

 276 (19.1%)

ПОМОГАЕТЕ ЛИ ВЫ НЕЗНАКОМЫМ ЛЮДЯМ, ПОПАВШИМ В БЕДУ?

Участников: 1557

Да, часто

 349 (22.5%)

Нет

 84 (5.4%)

• Бывает, но редко

 1120 (72.1%)

(Сам я не уверен, что стану отвечать на эти вопросы. Боюсь испортить себе настроение.)

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

Стало интересно узнать, каких политических взглядов вы — люди, заглядывающие в этот блог, — придерживаетесь. Посчитаемся?

Поскольку многие из нас колеблются между разными политическими платформами, в чем-то поддерживая одну, а в чем-то другую, можно выбрать больше одного варианта ответа.

Хочу уточнить, что под словом «либеральный», «либерализм» имеется в виду система взглядов, при которой не человек существует для государства, а государство для человека и особенное значение придается правам личности.

Для «государственника», наоборот, центральной идеей является приоритет интересов «державы».

ВАШИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ

(Опрос для россиян и тех, кто интересуется жизнью России)

Участников: 6769

Политикой не интересуюсь

618 (7.7%)

Придерживаюсь либеральных взглядов

4310 (53.5%)

Я государственни- (к, ца)

476 (5.9%)

Придерживаюсь коммунистических убеждений

252 (3.1%)

Придерживаюсь социалистических (социал-демократических) убеждений

959 (11.9%)

Придерживаюсь националистических взглядов

555 (6.9%)

Я анархист (ка)

372 (4.6%)

Другое

517 (6.4%)

А ТЕПЕРЬ БЕЗ «ИЗМОВ»

На прошлой неделе я поинтересовался спектром политических взглядов читателей этого блога на трех площадках: в ЖЖ, в «Фейсбуке» и на сайте «Эха Москвы». Спасибо всем, кто проголосовал и высказался. Было познавательно.

ГОЛОСОВАНИЕ

[Варианты](#)[Результаты](#)[↑ Все голосования](#)

24 августа 2012 | 11:59

Каковы ваши политические взгляды? (вопрос от Бориса Акунина) Выбрать можно от 1 до 3 вариантов

в сети:

	политикой не интересуюсь	1.1%
	придерживаюсь либеральных взглядов	75.5%
	я государственни-(к, ца)	5.5%
	придерживаюсь коммунистических убеждений	4.1%
	придерживаюсь социалистических (социал-демократических) убеждений	22.1%
	придерживаюсь националистических взглядов	7.1%
	я анархист(ка)	2.9%
	другое	4.9%

в сети 28484

Результаты на «Эхе Москвы»

Больше всего меня, так сказать, призадумало голосование на «Фейсбуке» (Не умею оттуда копировать таблицу, не обессудьте, но дело не в пропорциях). Там по условиям опроса можно было добавлять собственный вариант, и на втором месте после «либералов»

оказались люди, выбравшие ответ: «Не уверен, понимаю ли, что означают в России все эти слова» (либерал, коммунист, социалист и т.п.).

Это очень понятная реакция на терминологическую чехарду и подмену понятий, которые наблюдаются в российской политической жизни.

В нашем современном «коммунизме» не осталось ни пролетарского интернационализма, ни диалектического материализма, ни научного атеизма. Если скажешь, что ты «либерал», — немедленно начинают обвинять, что ты морил пенсионеров в 90-е, что ты враг соцобеспечения, разрушитель обороноспособности, прислужник мироедов-олигархов и американский шпиён. А еще у нас есть «Либерально-демократическая партия», славная своими либералами и демократами.

И ужасно мне что-то захотелось послать к черту все эти наклейки, чтоб не навели тень на ясный день.

Давайте говорить просто и без «измов», по существу. Забудем, к какому лагерю мы себя причисляем — государственников, либералов, патриотов, правых, левых.

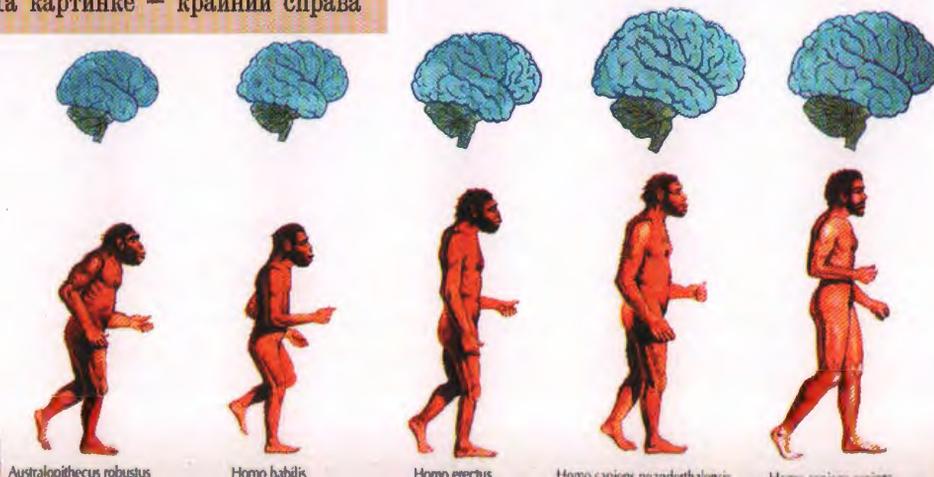
Предлагаю разобраться, за что мы.

Я подумал: не составить ли «Программу-Минимум Нормального Человека» (ПМНЧ), под которой подписались бы все мало-мальски здравомыслящие люди.

Вот она, эта программа. Всего четыре пункта набралось. (Если что-то забыл, подскажите.)

Программа-минимум нормального человека*

*На картинке — крайний справа

1. Честные выборы и независимый парламент.
2. Независимый суд, равенство всех перед законом.
3. Абсолютная нетерпимость к коррупции.
4. Неподконтрольность СМИ исполнительной власти.

Если кто-то возражает против хоть одной из этих позиций, лично мне с ним не по пути. С моей субъективно-оценочной точки зрения (а также с точки зрения Конституции РФ) нормальным гражданином такой человек считаться не может. Со всеми остальными я готов, что называется, разговаривать.

Вы скажете, что я ломлюсь в открытые двери? Бросьте. Нынешняя власть нарушает не какой-то один, а все четыре пункта. Потому-то я и не могу считать эту власть хоть минимально нормальной.

Предлагаю проголосовать еще раз.

СОГЛАСНЫ ЛИ ВЫ С 4 ПУНКТАМИ ПМНЧ?

Участников: 3592

Да

 3424 (95.6%)

Нет

 157 (4.4%)

Идем дальше.

У «нормальных граждан» могут быть самые разные политические убеждения. Мне ближе система взглядов, которую я назову — ладно, не «либеральной», если уж мы договорились обходиться без ярлыков, — а попросту: «Программа, Которая Мне Нравится». В ней к «Программе-Минимум Нормального Человека» прибавляется еще четыре пункта.

Программа, Которая Мне Нравится

5. Государство существует для обслуживания населения, а не наоборот; высшим приоритетом являются права человека.

6. Государство отказывается в своей политике от военно-имперских амбиций (что вовсе не означает отказа от боеспособной армии, а также от планов экономической и культурной экспансии).

7. Общество должно проявлять терпимость к не нарушающим законов меньшинствам (религиозным, политическим, сексуальным — как им угодно), даже если они несимпатичны большинству населения.

8. Церковь отделена от государства.

Сторонники этой программы неоднородны. У них (то есть у нас) существуют разные точки зрения на управление экономикой, федерализм, социальную политику, геостратегические приоритеты и т.п., но все эти расхождения — предмет для неантагонистических дискуссий.

В облаке — законно избранный президент (его почти не видно).
 Все меньшинства, даже рогатые, мирно сосуществуют.
 Правда, слева органы правопорядка злоупотребляют властью,
 но впоследствии понесут за это заслуженное наказание.

Мне достаточно совпадения по вышеперечисленным 8 пунктам, чтобы я считал человека своим единомышленником. За партию, придерживающуюся такой программы, я готов голосовать.

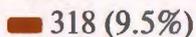
РАЗДЕЛЯЕТЕ ЛИ ВЫ 8 ПУНКТОВ ПКМН?

Участников: 3364

Да

Нет

...И ПРОСТО ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

 cascudo189

Хотелось бы узнать, в чем же состоит арсенал и броня благородного человека, о котором начал говорить Фандорин в книге «Весь мир-театр»?

Эраст Петрович там, распуская перья перед предметом обожания, говорит следующее:

«Принято считать, что Зло сильнее Добра, потому что не ограничивает себя в приемах — ставит подножку, бьет из-за угла или ниже пояса, нападает вдесятером на одного. Поэтому, борясь со Злом по правилам, победить якобы невозможно. Но подобные разговоры происходят от г-глупости и, простите, импотенции. Интеллигенция — сословие мыслящее, в этом его мощь. Если оно проигрывает, то из-за того, что плохо воспользовалось своим главным оружием, интеллектом. Довольно приложить интеллект, и станет ясно, что у благородного человека арсенал гораздо мощнее, а броня неуязвимей, чем у самых ловких махинаторов из охраны или у революционных вождей, что посылают на смерть альтруистических мальчиков. Вы спросите, в чем состоит арсенал и б-броня благородного человека, не опускающегося до низменных средств борьбы?..»

Но прекрасную даму не интересует эта тема, и беседа прерывается поцелуем (что правильно). Ответа, к глубокому моему сожалению, мы не узнаём, а мне очень хотелось бы выслушать мнение Фандорина по этой проблеме. Она очень, очень меня занимает.

Сколько раз в истории повторялся один и тот же злосчастный сюжет? Некие благородные люди, проявляя чудеса самоотверженности, вступали в схватку с Драконом. На своих знаменах они писали разные прекрасные и возвышен-

ные лозунги. Но Дракон без боя не сдавался. Вскоре выяснилось, что победить его благородными способами совершенно невозможно. И герои засучивали рукава, чтобы не забрызгаться, и лили, лили, лили кровь — лишь бы победить любой ценой, а потом всё как-нибудь устроится и освобожденная от врагов Земля превратится в Город-Сад. В результате из победителя-Ланцелота вырастал новый Дракон, страшнее прежнего.

Так что же имел в виду Фандорин, мучаюсь я в догадках.

Может быть, вот что.

С броней-то всё просто. Ну, то есть не просто, конечно, но по крайней мере ясно. Цзюнцзы должен оставаться «благородным мужем» в любой ситуации, и ничего плохого с ним тогда не случится. Максимум — убьют. Но благородная гибель «благородного мужа» — всегда тяжкое поражение Зла. Кровь цзюнцзы, пролившись, дает всходы не хуже, чем пресловутые зубы дракона. И потом, Фандорин ведь говорил о победе, а не о том, что благородный человек непременно останется жив.

Может быть, Эраст Петрович собирался сказать, что в войне со Злом линия фронта проходит через людские сердца. Противники вступают в схватку,

Обратите внимание, что Дракон на поводке у Публики. Без нее он — ничто. А Публика говорит ему: «Ой, да ты, оказывается, гадина. А я-то думала!»

а люди наблюдают, как и каким оружием они бьются. Как держатся. Кто дерется красиво, а кто подло. Ведь далеко не всем людям и далеко не сразу становится ясно, кто из бойцов на стороне Добра, а кто на стороне Зла. Если цзюнцзы не нарушают своих правил, то каждый нанесенный по ним удар волшебным образом делает их войско сильнее. И наоборот: каждый наскок армии Зла лишь ослабляет ее, демонстрируя людям, на чьей тут стороне правда. Наблюдающие, один за другим, сначала начинают болеть за красивую команду, а потом становятся ее членами. Так и достигается победа — вчистую, без грязи.

Если перейти от теоретических рассуждений к нашей нынешней действительности, главная моя претензия к российской оппозиции заключается в том, что многие ее лидеры ведут себя не как цзюнцзы. Им хочется победить во что бы то ни стало и поскорее, пускай даже негодными средствами. Они не понимают, что этим они только отдаляют победу. Это Дракон пускай подличает, шипит, бьет исподтишка, брызгает ядовитой слюной. А тем, кто с ним сражается, следует вести себя иначе. И тогда люди быстро поймут, who is who. Дракон останется без поддержки, из него уйдет вся сила, и он растает, превратится в грязную лужицу.

Броня и арсенал благородного человека — этическое превосходство. Точка.

«Трюизм, прописи! — скажете вы. — Открыл Америку!» Но Америку мало открыть, ее надо еще и обжить.

А тем, кто в комментариях будет писать о маниловщине, прекрасодушии и незнании жизни (человеческой природы, законов политической борьбы и т.п.) отвечаю заранее: «Бог подаст». В смысле: не согласны — ждите, пока Бог подаст.

Только Он не подаст. Он-то знает, что никаким другим способом победить Зло невозможно.

Q irinaplotnikova

Григорий Шалвович, дочитала вчера «Аристонимию»... , пребывала в раздумьях в процессе чтения, всё искала, кого же можно назвать аристонимом (в основном, конечно, литературных героев перебирала). А вчера всё так совпало... Я пришла с гражданской панихиды одного человека, известного в нашем городе Соликамске, а в последний месяц волею телеигрищ ставшего известным многим. Это Юрий Ефимович Юдин, десятый из группы Дятлова. Я знала его всю жизнь, мы жили в одном доме, мои родители работали на одном с ним заводе. И дочитав книгу

по приходу с панихиды, где о нём говорили столько хорошего, у меня всё сложилось — вот же тот самый настоящий аристомом, человек будущего, которому не было места ни в прошлом, ни в настоящем. Это не значит, что он был неудачником, он блестящий экономист, на пенсию ушел с поста зама мэра, возглавлял туристический клуб, имел хороших друзей... Но при этом оставался чуть не от мира... Ему соответствовали и «Р», и «О», и «М», и особенно «Э». Но главным было «С» — оставаться в мире с собой, т.е. уважать себя. Он не был религиозным человеком, но, пожалуй, именно таким я представляю христианина. Он не распространялся об этой трагедии, упавшей тенью на всю его жизнь, вряд ли он давал клятвы прожить жизнь так, «чтобы не было мучительно больно...», но именно так её и прожил... Удивительно, что Вы так удачно и полно сформулировали эту «мечту человечества» — аристомомическую личность... А Вам они, наверное, тоже встречались...

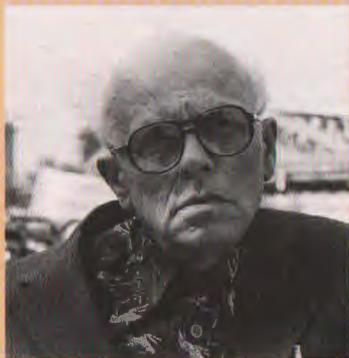
Вот определение из моего романа «Аристомомия»:

Человека можно назвать аристомомом, если он стремится к развитию (Р), обладает самоуважением (С), ответственностью (О), выдержкой (В) и мужеством (М), при этом относясь к другим людям с уважением (У) и эмпатией (Э).

Знаете, я подумал-подумал и пришел к заключению, что аристомомов среди современников-соотечественников не так уж мало.

Классическим примером, конечно, был Андрей Сахаров. Думаю, что, если бы он не умер так рано, вся наша постсоветская история сложилась бы куда благополучнее. И Ельцин при живом Сахарове не посмел бы самодурствовать, и проблему чеченского сепаратизма решили бы как-то иначе, не по-мясницки.

Правда, лично Андрея Дмитриевича я не знал. Всего однажды разговаривал по телефону, просил написать предисловие для журнальной публикации. Нужно было завезти рукопись к нему на Земляной вал, но я заробел. Тем более инструкцию академик дал странную: мол, просто входите и всё, мы дверь

никогда не запираем. Я взял с собой храбрую сотрудницу и послал вперед, а сам остался этажом ниже. За свою трусость и был наказан. Сотрудница зашла, пила — ее тот — чай с Сахаровым, но без сахара (тогда были трудности со снабжением) и потом перед всеми похвалялась. А я, как дурак, проторчал на лестнице. Так и не увидел легендарного человека.

Ладно, давайте посмотрим среди живущих.

Мне кажется, что совершенным аристомом стал Михаил Ходорковский.

Знаю, некоторые из вас начнут возражать и рассказывать, какой он в девяностые годы был мироед и олигарх. Может быть. Я ведь говорю не про то, каким он был, а про то, каким стал. Сахаров, между прочим, в свои доаристомические годы вообще изобрел оружие, от которого, может быть, когда-нибудь погибнет жизнь на Земле.

Все аристомические компоненты у МБХ наличествуют.

Р (развитие): посмотрите, какой путь этот человек прошел за десять тюремных лет.

О (ответственность): Даже враги признают, что с чувством ответственности у него всё в порядке.

М (мужество): С этим вопросов нет, правда?

В (выдержка): Я был на суде. Видел, как гнусно вели себя прокуроры. МБХ не сорвался на них ни разу. Я бы так, наверное, не смог.

Э (эмпатия): Вначале он казался мне человеком холодноватым, эмоционально примороженным, но по текстам, которые сейчас пишет в тюрьме Михаил Борисович (не читали его «Тюремных людей?»), видно, что тюрьма его не ожесточила, а совсем наоборот.

У (уважение к другим): По всему его поведению видно, что он существует, придерживаясь принципа: «Уважай всякого человека, пока он не продемонстрировал, что не достоин уважения». Притом что большинство соотечественников руководствуются прямо противоположным законом: «Уважай только тех, кто заставил себя уважать».

С (самоуважение): По-моему, Михаила Борисовича можно использовать в качестве иллюстрации к понятию «чувство собственного достоинства».

Но с Ходорковским я тоже никогда не встречался, только переписывался.

Смотрю еще ближе, просто на расстоянии вытянутой руки.

Мой товарищ и собутыльник поэт Л.С. Рубинштейн — чем не аристоническая личность?

Правда, есть одна закавыка. Льву Семенычу роман «Аристония» не понравился... Ну, значит, буду убеждать себя, что он — аристомом с хреновым литературным вкусом. И потом, у меня же там среди обязательных условий нет параметра ХЛВ (хороший литературный вкус).

А еще есть Людмила Алексеева, глядя на которую я все время думаю: вот человек, проживший завидную жизнь.

А еще есть Ирина Ясина.

А еще есть Людмила Улицкая.

Вообще много кто есть. И поэтому, я думаю, всё у нас тут в конечном итоге будет хорошо.

P.S. Уважаемые комментаторы, давайте условимся: не браните моих кандидатов, а лучше предложите своих. Я их тоже поносить не стану, даже если это совсем не герои моего романа.

khairullina

Про Фандорина и не боязнь смерти — мне думается-ощущается (из того места, где я сейчас нахожусь), что по-настоящему не бояться смерти можно только по-настоящему зная, что такое жизнь и смерть. А ЭП смерти по-настоящему не боится, и это не отношение к смерти самурая, который так воспитан с младенчества, и не слепая пьяная храбрость солдата в атаке, тут как-то все иначе, он к ней всегда готов, как готов к абсолютно всему, что происходит в жизни. Вопрос-то, собственно, простой — про трансцендентальный опыт, — был ли такой опыт у Фандорина, был ли конкретный момент кеншо/сатори, или он его постепенно накопил, от момента к моменту, от книги к книге (занимаясь дзадзеном, каллиграфией и боевыми искусствами среди прочего). Вопрос, конечно, не только про Фандорина, а про всех героев такого типа из всех книг и реальной жизни.

На свете есть люди, которым чувство страха изначально неведомо. Таким был, кажется, Егор Гайдар. Мне рассказывал очевидец, как премьер сохранял

поразительную безмятежность среди агрессивной толпы, когда даже телохранители попрятались.

И однажды при встрече я спросил Егора Тимуровича — интересно же: как он преодолел страх? Гайдар ответил: «Знаете, вот все говорят «страх, страх», а я никогда не понимал, что это

В те дни толпа могла выглядеть и так

такое. Наследственный дефект психики. Отец и дед были такими же». Спрашиваю (не очень поверив): ну за близких-то — за жену, за дочь — вам ведь бывает страшно? Он ответил странно: «Я заставляю себя за них волноваться». «И вы совсем-совсем ничего на свете не боитесь?» Он подумал-подумал и говорит: «Ракетно-ядерной войны. Постоянно про нее думаю».

Ну ладно, Гайдар был камикадзе: взлетел без шасси и знал, чем это для него закончится.

Фандорин — больше похож на нормального человека. Во всяком случае, в первом романе. Если вы помните, в «Азазеле» он смерти ого-го как боится, даже умоляет леди Эстер не губить его. Мне кажется, победа над страхом смерти далась Эрасту Петровичу постепенно, тренировкой духа.

Если человек подвержен какому-то страху, то победить его можно, только вытеснив другим страхом, еще более сильным. Например, страхом потерять самоуважение. Большинство очень мужественных людей именно на этом стержне, я полагаю, и держатся.

И трансцендентный опыт здесь ни при чем.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

«Прими в любовь» (XVII в.), лубок; князь А. Д. Кантемир (XVIII в.), литография. 8
 Василий Тредиаковский, портрет неизвестного художника. 9
 «Безжалостная красавица» (1890), Фрэнк Бернард Дикси. 11
 «Отлучение Роберта Благочестивого» (1875), Жан-Поль Лоранс, 12
 «Вызов последних жертв 7–9 Термидора Второго года (25–27 июля 1794 года)», Шарль Луи Люсьен Мюллер; «Смерть Робеспьера» (1799), гравюра. 14
 «Сентябрьские убийства» (XVIII в.). 15
 «Портрет Натальи Кирилловны Загряжской» (1821), Петр Соколов. 17
 «Эволюция человека». 19
 «Сотворение Адама», потолок Сикстинской капеллы, Микеланджело Буонаротти (ок. 1511); «Император Александр I» (1814), гравюра Генри Мейера с оригинала Романа Волкова; «Портрет Фёдора Кузьмича, написанный в Томске по заказу купца С. Хромова» (конец XIX в.); «Мария-Селеста» (между 1870 и 1890), гравюра; 20
 Княжна Анастасия (ранее 1918 г.); Анна Андерсон (1920 г.); П.А. Столыпин на смертном одре (5 сентября 1911 года), памятник погибшим свердловским туристам из группы Игоря Дятлова на Михайловском кладбище в Екатеринбурге, фото неизвестных авторов. 21
 Группа Дятлова: Тибо Николай, Золотарев Семен, Слободин Руслан и Дубинина Людмила. 24
 Тела погибших туристов. 26
 «Горнильная», граффити Бэнкси в Лондоне; Макс Линдер. 28
 «Семь лет несчастий» (1921), кадр из фильма. 29
 Элен Питерс. 30
 Игорь Дятлов, Зина Колмогорова, Семен Золотарев. 31
 Следы группы Дятлова. 39
 Кедры вблизи места нахождения останков группы. 41
 Стратостаты (1948). 45
 Зимний маскировочный костюм. 46
 Лунное затмение. 52
 Барон Меда, портрет неизвестного художника. 55
 «Арест Робеспьера» (XVIII), гравюра. 56
 Блокадный Ленинград; «Антон Иванович свёртится» (1941), кадр из фильма Николая Коновалова. 59
 Сэр Базил Томсон, работа неизвестного автора. 60
 Томас де Вейль (1747), портрет работы Уильяма Делакруа; «Почтовая повозка, собирающая почту на станции» (1840). 61
 Николай Александрович Варенцов, фото неизвестного автора. 62
 Покровский монастырь, фотография Н.А. Найденова // Москва. Соборы, монастыри и церкви. М., 1882. 63
 Жорж Буланже. Фотопортрет работы Надара. 65
 Дуэль между Шарлем Буланже и Жоржем Флюке (1888); Маргерит де Бонмэн, фото неизвестного автора. 66
 «Самоубийство генерала Жоржа Буланже на могиле своей любовницы» // *le Petit Journal*. 10 октября 1891; Могила Жоржа Буланже, Брюссель; Иллюстрация из книги: «Mémoires sur une tombe. Les Amants de Royat. général Boulanger, Mme de Wonnepains». 67
 Иллюстрация из «The Daily Graphic». 19 December 1910. 68
 Уинстон Черчилль на Сидней-стрит (1911 в.); «Осада Сидней-стрит». 70
 Адриан фон Фелькерзам; герб рода фон Фелькерзам. 72
 Контр-адмиралы Н.И. Небогатов, О.А. Энkvист и Д.Г. фон Фелькерзам. 73
 Немецкие диверсанты полка «Бранденбург 800» в красноармейской форме (1941). 74
 Отто Скорцени и бывший Адриан фон Фелькерзам в Будапеште (16 октября 1944). 75
 В.И. Ленин в Горках. 78, 79
 Бюст Ф.А. Гетье на одном из главных корпусов Боткинской больницы; А.Ф. Гетье, 1933 год. 79
 Портрет Александра Виленкина, опубликованный в работе: Тесленко Н.В. Воспоминания об А. А. Виленкине // Памяти погибших: сборник. Париж, 1929. 82
 А.А. Виленкин. Фотография из «Красной книги ВЧК». 83
 А.А. Виленкин в камере Таганской тюрьмы (1918). Фотография из книги Тамары Талбот-Райс. 84

Портрет Генри Филдинга. 86
 «Ищейка» Джон Таунсенд на Боу-стрит, литография (XVIII); Джон Филдинг (1762 г.), портрет работы Натаниэля Хона, 87
 «Слушание дела», гравюра; «Город порока», кадр из фильма. 88
 Обложка романа Брюса Александра о Джоне Филдинге. 89
 Пхулан Дев (1983), фото неизвестного автора. 90
 Богиня Дурга произзает колым демона. 91
 Пхулан Дев и ее люди, газетный снимок; «Королева бандитов» (1994), постер фильма; Пхулан Дев, фото неизвестного автора. 92
 Похороны Пхулан Дев, фото неизвестного автора. 93
 Фотография «призрака» (рубеж XIX–XX вв.), двойная экспозиция. 95
 «Истории ужаса из Токио», кадр из эпизода. 8. 96
 Марозия, фреска. 97
 Папа Иоанн XII, копия портрета из Латеранской базилики. 98
 Девушки-прапорщицы, фото неизвестного автора. 100
 Первая батарея Дроздовской артиллерийской бригады (9 октября 1920 г.): штаб-капитан Александр Бородавский, подпоручик Надежда Заборская, Михаил Бородавский, Зинаида Готгард, с собакой — Валентина Лозовская; Мария Мерсье, фото неизвестного автора. 101
 Петр и Ванда Бузун (1919 г.), фото неизвестного автора. 102
 Баронесса Софья де Бодэ. 103
 Принятие присяги на Красной площади (лето 1917 г.), кадр кинохроники. 104
 Генерал-лейтенант Я. Слащев, генерал-майор Г. Дубяго, ординарец Нечволодова. (Крым, Севастополь, 1920 г.); Нина Николаевна Нечволодова, фото неизвестного автора. 106
 Фото из архива автора. 106
 «Бег», кадр из фильма: Татьяна Ткач — Люська Корсакова. 108
 Люмила Касаткина в фильме Операция «Трест». 109, 113
 Мария Захарченко-Шульц, фото неизвестного автора. 110
 Георгий Николаевич Радкевич, фото неизвестного автора. 112
 Нацистская антисемитская пропаганда (1938–1939). 114
 Солид Юстиниана II. 115
 Дмитрий Степанович Полянский и Мацумаэ Сигэиоми. 119; Семен Буденный, старший унтер-офицер Приморского драгунского полка (1904), 119
 Портрет Семёна Буденного, работа неизвестного автора; Я.С. Нарсриддинова, Н.С. Хрущев и др. 120
 Церковь Покрова на Нерли. 122
 Мон-Сен-Мишель. 123
 Аббат Адольф-Жюльен Фуве во дворе своего дома, среди деревянных скульптур. 124
 Скальные скульптуры аббата Фуве, фото из архива автора. 124–126
 Мардж Вельма Барфилд. 128, 130
 Комната для смертельных инъекций в тюрьме Сан-Квентин, штат Калифорния, США. 130
 На Лубянской площади у Соловецкого камня во время акции «Возвращение имен», ©РИА Новости, 131
 Малая Лубянка, 16. 133
 Яузская больница («Медсантруд»). Построена в 1790-е годы как дворец И.Р. Баташова, с 1878 г. — муниципальная больница. 134
 Петр Карлович, фото неизвестного автора. 136, 139
 Николай Боголепов, фото неизвестного автора. 137
 Евно Фишелевич Азэф, фото неизвестного автора. 138
 Джерси, фотографии времен германской оккупации. 140, 141
 Остров Сарк; «Когда нацисты высадились на британскую землю» (1973), рисунок Ральфа Брюса. 142
 Дама Сибил-Мэри Коллингс-Бомон-Хэтауэй, фото неизвестного автора. 143
 Ида Лаура Пфеффер (1879), литография. 145
 Приключения Иды Лауры Пфайфер // Путешествие женщины по миру, 1888. 146
 Ида Лаура Пфеффер (1856), фото неизвестного автора. 147
 Софья Шамадрдина. 149, 151
 Патриарх Алексий перед панихидой по Сталину (9 марта 1953 года). 154
 Архиепископ Филофей, епископ Русской православной церкви за границей, архиепископ Берлинский и Германский. 154
 Фридрих-Август-Эберхард фон Макензен. 155
 Белль Ганнес и ее дети. 157
 Раскопки на пепелище фермы Белль Ганес (7 мая 1908 г.). 159
 Рэй Ламфер. 160

- Памятник жертвам Белль Ганнесс. 161
«Техасский молоток». 162
Предсказывающий сурок; белка в колесе; ослик, бегущий за морковкой. 164
Черный бык, он же Бык Осборна, эмблема хересного бренда VeteGalo и одновременно неофициальный символ Испании, фото из архива автора. 165-167
Письма из архива автора; центр образования № 175 — школа, занимающая здание гимназии Креймана (фото с сайта moscowwalks.ru). 169
Запись из архива. 171
Джеймс Брук (1847), портрет работы Фрэнсиса Гранта. 172
«Атака пиратов» (1845), Лейтенант Джеймс Хант. 173
«Сэр Джеймс Брук на Борнео» (1842), картина Ричарда Кейтона Вудвилла; сэр Джеймс Брук, фото неизвестного автора. 174
Раджа сэр Чарльз Энтони Брук и леди Маргарет Брук. 175
Сэр Чарльз Вайнер Брук (1932); доллар Саравака; почтовые марки Саравака. 176
«Теория поплавка». 177
Маршал Чжан Цзолин. Фото неизвестного автора. 181
Взорванный поезд, в котором ехал Чжан Цзолин (Хуангутуньский инцидент). 182
Чжан Сюэлян, фото неизвестного автора. 182, 183
Чжан Сюэлян с супругой Юй Фэнчжи. 185
Петро Калышевский, портрет кисти неизвестного художника; маршал Сергей Леонидович Соколов, ©РИА Новости. 187
Во Нгуен Зиап; Эрнст Юнгер; Клод Леви-Стросс; Бертран Рассел. 188
Королева Елизавета; принц Принц Нарухико из линии Хигасикуни. 189
Жанна Луиза Кальман, фото неизвестного автора, 191
«Люцифер», картина Джорджо Кинерка (1897-1900); «Крик», картина Эдварда Мунка (1895). 193
Элизабет Макговерн в фильме «Однажды в Америке»; Элизабет Макговерн в сериале «Аббатство Даунтон»; Владимир Путин, кадр видехроники. 193
«В мире мудрых мыслей». 194
Лев Рубинштейн на церемонии награждения победителей литературной премии «НОС-2013», ©РИА Новости. 195
Аристотель, мраморный бюст, римская копия греческого бронзового оригинала работы Лисиппа (330 г. до н.э.); Уинстон Черчилль; Боб Дилан. 196
Преподобный Амвросий Оптинский. 198
Европейские площади. 199
Площадь перед Мэрией, Париж. 200
Франсуа де Монморанси-Бутвиль, портрет неизвестного автора; колесование (1721); турнир между Генрихом II и графом Монтгомери. 203
Четвертование Равальяка (1610), гравюра Франца Хогенберга; «Картуш» (1962 г.), афиша фильма Филиппа де Брока, 204
Антуан Кантен Фукье де Тенвиль, гравюра неизвестного автора, 205
Площадь Согласия, Париж; казнь на площади Революции (XVIII в.), Пьер Антуан де Маши; «Робеспьер казнил всех французов и последним гильотинирует палача», карикатура. 207
Казнь Людовика XVIII (1793 г.), картина неизвестного автора; «Мария-Антуанетта, следующая на казнь», Жан-Луи Давид. 208
«Последний туалет Шарлотты Корде», картина Эдварда Мэтью Уорда. 209
Кретьен Гийом де Ламуаньон де Мальзерб, портрет неизвестного автора. 210
Тайберн, Лондон; карта Тайберна с указанием виселицы (1746г.); мемориальная плитка на месте «Тайбернского дерева». 211
Казнь в Тайберне, гравюра XVII века; «Казнь ленивого подмастерья в Тайберне» (1747), гравюра Уильяма Хогарта. 212
Лорл Томас Дакр (1530-40 гг.), портрет работы неизвестного автора. 213
Казнь Лоуренса Ширли (XVIII), графа Феррерса, гравюра Поля Шарля Франсуа Адриена. 214
Поль Тибо, портрет неизвестного автора. 215
Кролик и удав. 216
Дом Фиделя Кастро, аэрофотосъемка. 218
Стол Бенито Муссолини в редакции газеты «Народ Италии». 219
Немецкая почтовая марка (первый день выпуска: 1 августа 1941 г.). 220
Партийный билет Иосифа Сталина. 221
Иллюстрация на основе советского плаката В. Говоркова (1950 г.). 222
«Слава российской науке!», плакат. 223
Александр Степанович Попов, фото неизвестного автора; Иван Иванович Ползунов, фото неизвестного автора. 224
«Портрет И. П. Кулибина» (1818 г.), автор неизвестен; Александр Федорович Можайский, автор неизвестен. 225
Елизавета Дмитриева, портрет работы Альфонса Либера. 227
«Зори Парижа» (1936 г.), кадр из фильма; Антонина Максимова — Катрина Миллар. 228
Нерчинская категория, фото неизвестного автора. 229
Обложка книги Льюиса Козна «Анекдоты о Наполеоне». 230
«Наполеон и солдат Старой Гвардии», автор и время создания неясны. 232
Карикатура на Наполеона; «Наполеон на Аркольском мосту» (1796), фрагмент картины Антуана-Жана Гро. 233
Этьен Бракю, графюра. 234
«Наполеон на смертном одре», картина неизвестного автора. 235
Евгений Шварц, 235, 236, 239
Посмертная фотография мужчины средних лет (около 1860 г.). 240
Современная стилизация под пост-мортэм (автор — sindelchaos.deviantart.com); викторианские посмертные фотографии. 241, 242
Альгамбра. 243
Генерал Деффи; Альберт Эйнштейн в студенческие годы или немного позже, фото неизвестного автора. 244
Неизвестный фотограф, снимающий сам себя (1893). 247
Дагерротипные портреты: президент Эндрю Джексон (1844-45 гг.); Генри Клей-Старший; Джон Лорд; неизвестная молодая женщина (ок. 1840 г.). 247
Филиас П. Гейдж; «бородатая женщина из Женева»; призрак на снимке (двойная экспозиция). 248
Постановочные фотографии: «ню» работы Феликса Жака Антуан Мулена (ок. 1850); «Урок географии» работы Антуана Франсуа Клоде (ок. 1850 г.); Алексей Бобринский (1842 г.), работа неизвестного художника, 249
Питер Корнелиус, автопортрет (1839), дагерротип; София Айрленд и венок Филип Локвуд; «Три девочки» (1845), дагерротип. 250
Портрет Джозефа Пеннела, середина XIX века; портрет Дороти Дрепер (1839-1840 г.). 251
Формоз, папа римский (1588), работа Кавальери; «Процесс кадра» (1870), картина Жана Поля Лорана. 253
Обложки таблоидов; «Дочери Ярослава Мудрого» (XI в.), фреска Софийского собора, г. Киев. 257
Генрих IV, реконструкция по черепу. 259
«Услыары» (1899), картина Виктора Васнецова, 259
«Возраст человека», 261
«Религия — яд» (1930), плакат, автор Н. Терпсихоров. 263
Президент России Владимир Путин, председатель правительства России Дмитрий Медведев с супругой Светланой и мэром Москвы Сергей Собянин на пасхальном богослужении в Храме Христа Спасителя (5 апреля 2013), ©РИА Новости. 264
«Ужасное обнаружение девочки, съеденной крысами» (1870 г.), 265
Материалы Музея зоологии Гарвардского университета. Слева направо — средний вес мозга: человек (1350 г), шимпанзе (400 г), орангутанг (400 г) и макаки (100 г). 275
«Рай» (1530), картина Лукаса Крахна Старшего. 277
«Битва Святого Георгия с драконом» (1470), Паоло Уччелло. 281
Андрей Дмитриевич Сахаров ©РИА Новости. 282
Экс-глава ЮКОСа Михаил Ходорковский, ©РИА Новости; Людмила Алексеева, председатель Московской Хельсинкской группы, ©РИА Новости. 283
Журналист Ирина Ясина ©РИА Новости; писательница Людмила Улицкая ©РИА Новости. 284
Участники демонстрации в поддержку Верховного Совета РФ в здании московской мэрии (октябрь 93-го г.), ©РИА Новости. 285

Литературно-художественное издание

16+

ЛЮБОВЬ К ИСТОРИИ

Борис Акунин

САМАЯ ТАИНСТВЕННАЯ ТАЙНА И ДРУГИЕ СЮЖЕТЫ

Редакционно-издательская группа «Жанры»

Зав. редакцией *М. С. Сергеева*
Ответственный редактор *Т. Н. Захарова*
Бильд-редактор *О. С. Блинова*
Технический редактор *Н. И. Духанина*
Корректор *И. Н. Мокина*

Подписано в печать 07.04.2014 г.
Формат 70x100 $\frac{1}{16}$. Усл. печ. л. 23,22
Тираж 35 000 экз. Заказ № У (27)

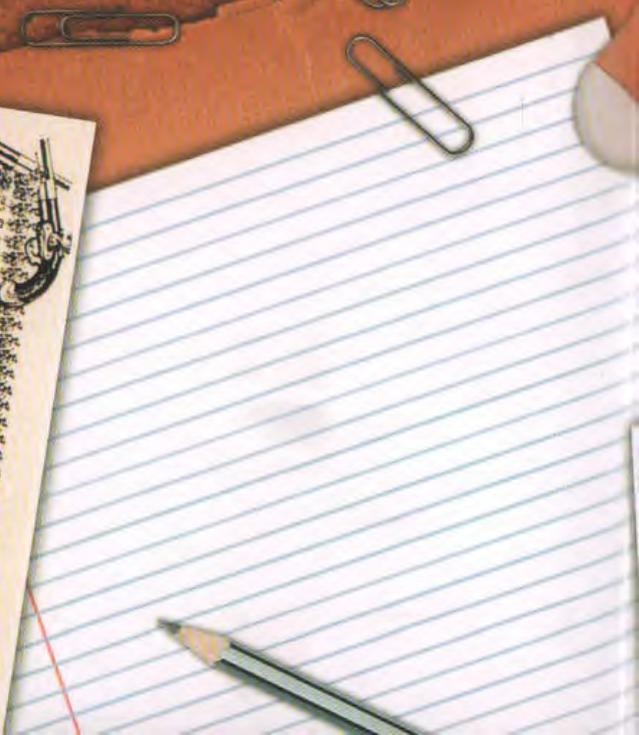
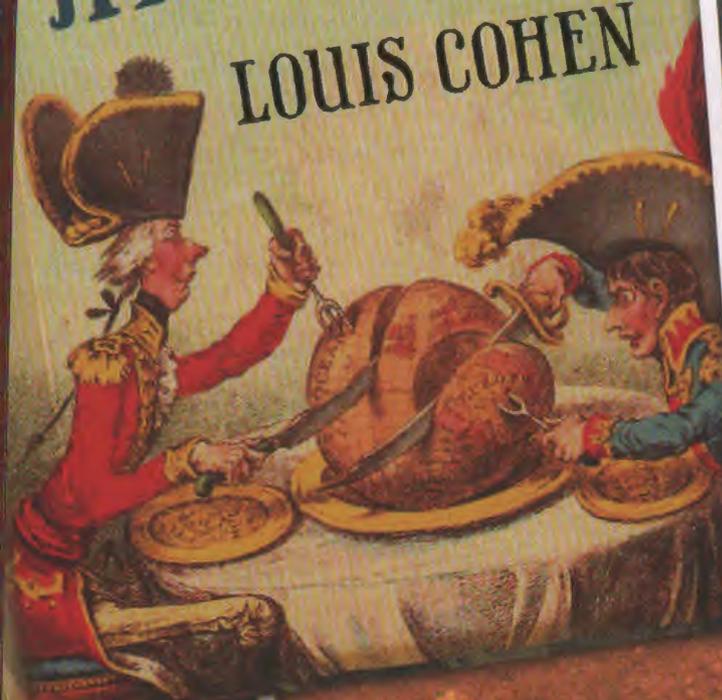
Отпечатано в Италии (Grafica Veneta S.p.A.)

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5

LOUIS COHEN

ПР
ДЛ

СПОСОБНЫ ЛИ ВЫ
СВАЛИТЬ ВИНУ НА ДРУ
ЕСЛИ В ЧЕМ-ТО ОШ

Участников
Да

Нет

94 (6.5%)

Есть, но бою

Участников: 1484
Нет

Да

348 (23.6%)

Только если наказание за ош
152 (10.3%)

**ВЫ ДЕРЖИТЕ
В РУКАХ НОВУЮ
КНИГУ СЕРИИ
БОРИСА АКУНИНА
(ГРИГОРИЯ
ЧХАРТИШВИЛИ)
«ЛЮБОВЬ К
ИСТОРИИ».**

— ЖДЕ — РЫ —

ISBN 978-5-17-083992-6

9 785170 839926

WWW.AST.RU

— **Любовь к ИСТОРИИ** —

Новая книга Бориса Акунина проливает свет как на самые поразительные загадки прошлого (что могло произойти на перевале Дятлова? кто был первым гением уголовного сыска Англии?

где спрятаны клады, от которых замирает сердце?), так и на природу человека, который способен поменять Историю или хотя бы противостоять черному юмору судьбы.

Неизвестные миру герои и абсолютные чудовища, люди, пропитавшиеся войной, и люди, без которых жить на свете было бы тошнее и страшнее, оживают на этих страницах...

самая таинственная
ТАИНА

— и другие сюжеты —

«Одна из самых безусловных истин гласит: кто не знает истории, тот не понимает современности. А я бы сказал так: "Любите историю, и современность вас полюбит"», — советует нам Автор.

